

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

На правах рукописи

Белоусова Елизавета Александровна

**РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Специальность 08.00.05 –

Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Научный руководитель:

доктор экономических наук, профессор

Е. Б. Дворядкина

Екатеринбург – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	13
1.1 Содержательная идентификация муниципального района в концепциях экономического пространства.....	13
1.2 Муниципальный район в контексте положений теории муниципальной экономики	39
1.3 Муниципальный район: понятие, сущность, особенности экономико-правового статуса.....	53
2 АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	87
2.1 Методика идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона.....	87
2.2 Тенденции экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона	98
2.3 Идентификация конструктивных и деструктивных тенденций экономического развития муниципальных районов.....	128
3 ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ: НАПРАВЛЕНИЯ, УСЛОВИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ.....	133
3.1 Лучшие практики пространственного развития и возможности их адаптации в отношении муниципальных районов	133
3.2 Условия пространственного развития муниципальных районов в контексте региональной пространственной политики	155
3.3 Муниципальные программы и проекты как инструмент управления пространственным развитием муниципальных районов.....	166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	186
Приложение А – Оценка масштабов присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области.....	213
Приложение Б – Оценка экономической динамики муниципальных районов Челябинской области	217
Приложение В – Численность населения муниципальных районов регионов.....	229
Приложение Г – Площадь муниципальных районов регионов	230
Приложение Д – Приоритеты экономико-пространственного развития муни- ципальных районов, обозначенные в документах стратегиче- ского развития федерального уровня.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Пространственный фактор приобретает возрастающее значение в развитии муниципальных образований на современном этапе развития экономики России. Процессы коммуникационного сжатия экономического пространства, усиливающиеся под воздействием цифровых технологий, формируют новый контекст функционирования и развития муниципальных экономик. Одновременно нарастают дисбалансы, связанные с концентрацией населения и экономической деятельности в крупных и крупнейших агломерациях и с ограниченным развитием муниципальных образований, находящихся за их пределами.

Муниципальные районы являются верхним звеном двухуровневой системы местного самоуправления, действующей на неурбанизированных территориях, и местом проживания 36,3 % населения России. Развитие значительной части муниципальных районов характеризуется узкоспециализированной структурой экономики, низкими доходами населения, нарастающей депопуляцией, недостаточно развитым рынком труда, невысоким уровнем инвестирования в инфраструктуру, слабой связанностью с крупными и крупнейшими городскими агломерациями.

Экономико-пространственное развитие муниципальных районов осложняется тем, что, испытывая влияние научно-технического прогресса так же, как и другие муниципальные образования, они обладают существенно меньшими финансовыми, организационно-управленческими возможностями противостоять его отрицательным последствиям и использовать его сильные стороны. Невнимание к проблемам муниципальных районов оборачивается усилением несбалансированного пространственного развития территорий регионов, нарастанием транспортных и экологических проблем.

Вопросы управления малонаселенными муниципальными образованиями, удаленными от крупных городов, актуальны и на международном уровне. Большинство развитых стран, включая государства ЕС и США, испытывают отток

населения из муниципальных образований, расположенных вне урбанизированных территорий. Последствия такой эмиграции включают снижение ресурсной базы местного самоуправления, потерю финансового и интеллектуального капитала и ведут к дальнейшему углублению процессов депопуляции.

Необходимо отметить, что до настоящего времени недостаточно изученными остаются теоретические аспекты формирования и развития муниципальных районов как вида муниципальных образований, в пределах которых сконцентрированы преимущественно неурбанизированные территории, во взаимосвязи с процессами трансформации экономического пространства региона, что и предопределило общий замысел исследования, заключающийся в изучении тенденций развития муниципальных районов и оценке их конструктивного или деструктивного влияния на экономическое пространство региона.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. К наиболее значимым работам в области теории пространственной экономики можно отнести труды Е. Г. Анимицы, Г. Х. Батова, О. А. Биякова, А. Ю. Волошиной, Р. Ф. Гатауллина, А. Г. Гранберга, А. В. Гульбасова, Е. Б. Дворядкиной, А. Н. Демьяненко, С. А. Дятлова, Л. Л. Зобовой, О. В. Иншакова, П. Кругмана, Ю. Г. Лавриковой, С. В. Макар, П. А. Минакира, А. И. Михайлова, Е. А. Михуринской, С. И. Паринова, В. В. Радаева, Я. П. Силина, Е. С. Силовой, Н. М. Сурниной, Д. П. Фролова и др.

Пространственному планированию и развитию региона посвящены труды отечественных исследователей Е. Г. Алпацкой, В. С. Антонюк, Н. Ю. Власовой, А. Ю. Даванкова, Ю. А. Жичкиной, С. Г. Зырянова, Т. Р. Исляева, Д. А. Карашаевой, Т. О. Кашиной, Н. Н. Киселевой, И. Д. Колмаковой, Е. А. Колесниченко, В. Н. Лаженцева, М. Г. Лапаевой, П. А. Минакира, П. А. Пыхова, Г. Н. Пряхина, С. И. Федуловой, а также зарубежных ученых К. Гавронски, М. С. Дивьяка, В. Канцлера и др.

Существенный вклад в изучение теоретических основ и практических закономерностей функционирования муниципальной экономики внесли Е. Г. Анимица, П. Е. Анимица, Р. В. Бабун, В. Б. Зотов, О. В. Жигарь, А. Н. Кохан, В. Н. Лек-

син, Э. Э. Маркварт, А. Н. Швецов, И. А. Ходорич и др. Основы формирования и развития муниципальной экономики как направления экономической мысли заложили работы Л. А. Велихова, Б. Б. Веселовского, М. Д. Загряцкова, Ф. А. Данилова, М. А. Курчинского, А. Рисса, В. Ф. Тотомианца, В. В. Хакимова, Г. И. Шрейдера.

Вопросам экономико-правового статуса муниципальных образований посвящены исследования В. В. Долинской, Г. С. Копыченко, И. Н. Ладина, Т. А. Мясниковой, О. Г. Остапец, Н. В. Постового, В. В. Таболина, Н. Н. Черногор, Д. Б. Сергеева, В. Е. Чиркина, Е. С. Шугриной и др.

Анализ современных процессов и особенностей развития муниципальных образований на неурбанизированных территориях проведен отечественными учеными Е. М. Бухвальдом, Н. В. Ворошиловым, С. В. Гриценко, Е. А. Гутниковой, О. В. Дармограй, Т. Д. Дегтяревой, С. А. Егорычевым, И. В. Ильиной, О. В. Сидоренко, Д. С. Клейменовым, О. П. Кузнецовой, Ф. З. Мичуриной, А. И. Латышевой, А. В. Нотягом, Н. Ю. Пастуховой, И. А. Скрипиль, Е. А. Чекмаревой, А. Е. Чепиком, Е. А. Чулковой, Б. Б. Шаралдаевым, А. В. Шевандриным, Р. Н. Шевелевой, Е. А. Юмаевым, зарубежными исследователями Дж. Барракет, Т. Вайманом, Л. Кууле, Б. Люком, К. Мартинес-Фернандес, М. Мейер, А. Пузулис, Н. Ревердой, Дж. Сисснер, М. Хальтманом, Г.-Ж. Хосперсом, Р. Эверсол и др. Среди классических работ, заложивших теоретический фундамент анализа развития неурбанизированных территорий, необходимо назвать труды Т. Мальтуса, Д. Рикардо, А. Смита, И. фон Тюнена и А. В. Чаянова. Советский опыт изучения взаимоотношений села и города представлен в работах Ю. В. Арутюняна, С. И. Дешкова, И. И. Никишина, О. С. Пчелинцева и др.

Результаты исследований указанных выше авторов в той или иной мере повлияли на формирование научного мировоззрения автора. Вместе с тем, несмотря на значительный вклад отечественных и зарубежных ученых в решение актуальных задач исследования проблемы развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона, остается неразрешенным ряд вопросов. Во-первых, дискуссионными остаются характеристики муниципальных районов как целост-

ного объекта в экономическом пространстве региона. Во-вторых, не изучен вопрос оценки влияния тенденций развития муниципальных районов на экономическое пространство региона. В-третьих, требует систематизации и адаптации к российской системе местного самоуправления зарубежный опыт управления муниципальными образованиями, расположенными вне урбанизированных территорий. Данные вопросы наряду с актуальностью диссертационной работы обусловили выбор темы, объекта и предмета исследования, формулировку цели и задач.

Объектом исследования выступает муниципальный район как муниципальное образование, локализованное в экономическом пространстве региона.

Предметом исследования является совокупность экономико-пространственных процессов развития муниципальных районов региона, инструменты и механизмы управления ими.

Полигон исследования – муниципальные районы Свердловской и Челябинской областей.

Цель диссертационной работы состоит в развитии теоретических и методических подходов к исследованию тенденций экономического развития муниципальных районов как компонентов экономического пространства региона и разработке концептуальных направлений экономико-пространственного развития в рамках специальной муниципальной политики.

Исходя из поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1) содержательно охарактеризовать муниципальный район в ракурсе концепций экономического пространства и теории муниципальной экономики в рамках системного подхода, а также выявить особенности его экономико-правового статуса как территории осуществления местного самоуправления и компонента экономического пространства региона;

2) предложить методику идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов, позволяющую не только оценивать динамику экономических показателей муниципальных районов, но и увязывать ее с процессами трансформации экономического пространства региона;

3) обосновать концептуальные направления проведения специальной муниципальной политики, нацеленной на стимулирование конструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов в регионе.

Соответствие темы диссертационного исследования требованиям Паспорта специальности ВАК 08.00.05. Исследование соответствует п. 3.10 «Исследование традиционных и новых тенденций, закономерностей, факторов и условий функционирования и развития региональных социально-экономических систем», п. 3.17 «Управление экономикой регионов. Формы и механизмы взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Функции и механизмы управления. Методическое обоснование и разработка организационных схем и механизмов управления экономикой регионов; оценка их эффективности» Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика).

Теоретическую и методологическую основу исследования составили концепции экономического пространства, теория муниципальной экономики, воззрения отечественных и зарубежных ученых в области региональной экономики, пространственного развития на региональном и субрегиональном уровне, обобщение которых позволило комплексно характеризовать муниципальный район как территорию функционирования муниципальной экономики и пространственное экономическое образование и сформировать методику идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов. В части формулировки концептуальных направлений экономико-пространственного развития муниципальных районов диссертационное исследование опирается на положения стратегического планирования и управления муниципальным образованием. При выполнении исследования были использованы общенаучные методы синтеза, сравнительного, системного, функционального анализа, анализа временных рядов, индексный метод, методы индукции, дедукции, систематизации и обобщения.

Информационно-эмпирическая база исследования представлена официальными статистическими данными Федеральной службы государственной статисти-

стики, ее территориальных органов; материалами официальных сайтов органов управления; законодательными актами и нормативно-правовыми документами органов власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований; монографиями, научными статьями, докладами и прочими публикациями, посвященными изучению проблем развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона; экспертными оценками и другими информационными материалами, а также собственными методическими и аналитическими разработками автора.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих защищаемых положениях и выводах.

1. Представлена авторская систематизация положений концепций экономического пространства и теории муниципальной экономики, позволившая содержательно интерпретировать сущность понятия «муниципальный район», с одной стороны, в качестве целостного экономико-пространственного образования, объединяющего городские и сельские поселения, с другой стороны, в качестве пространства осуществления местного самоуправления и функционирования муниципальной экономики, что позволяет, в отличие от уже имеющихся подходов, учесть в комплексе пространственно-экономические характеристики: насыщенность, связанность, пространственный каркас (физический базис) (п. 3.10 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

2. Разработана и апробирована оригинальная методика идентификации конструктивных (способствующих развитию экономического пространства региона) и деструктивных (ведущих к его разрушению) тенденций экономического развития муниципальных районов, которая позволяет оценивать динамику экономических показателей муниципальных районов в сопряжении с процессами трансформации экономического пространства региона и основывается на трех группах показателей, а именно: показателей насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов, показателей пространственного каркаса экономического пространства, показателей связанности экономического пространства (п. 3.10 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

3. Обоснованы концептуальные направления специальной муниципальной политики, нацеленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов в регионе. Применительно к экономическому развитию муниципальных районов как экономико-пространственных образований, концентрирующих преимущественно сельские поселения, в качестве приоритетных направлений предлагаются: рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории; сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности; рост интегрированности муниципальных районов в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района; сбалансированное развитие отношений поселенческого уровня (п. 3.17 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в систематизации научных представлений, концепций и теорий отечественных и зарубежных ученых в сфере исследования муниципальных образований применительно к муниципальным районам Российской Федерации и развитию методических основ исследования экономико-пространственного развития на уровне муниципальных образований.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применять отдельные разработанные автором методические и прикладные положения органами власти и управления различного уровня при разработке документов стратегического планирования, а также для идентификации, мониторинга и корректировки тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов.

Апробация и реализация результатов исследования. Основные положения и выводы, а также практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, нашли непосредственное применение в деятельности органов местного самоуправления Байкаловского, Слободо-Туринского и Таборинского муниципальных районов Свердловской области, в деятельности Департа-

мента по местному самоуправлению Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, в деятельности Министерства агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области.

Ключевые результаты исследования получили апробацию в публикациях, докладах и выступлениях на международных и всероссийских научно-практических конференциях, форумах, которые прошли в Екатеринбурге (2017–2018 гг.), Нижнем Тагиле (2017 г.), Омске (2017 г.), Чебоксарах (2018 г.), Перми (2018 г.), Минске (2018 г.), Калининграде (2018 г.).

Публикации. Результаты исследования нашли отражение в 17 публикациях общим объемом 9,3 п. л., в том числе авторских 6,7 п. л. Из них пять статей опубликовано – в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, одна статья – в журнале, индексируемом в МНБД Scopus, одна статья – в журнале, индексируемом в МНБД Web of Science, а также раздел монографии.

Структура и объем диссертации соответствуют предмету, цели, задачам и логике исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 255 наименований. Содержание диссертации изложено на 212 страницах машинописного текста и включает 28 таблиц и 6 рисунков.

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования и его актуальность, определяются объект и предмет работы, формулируются цель и задачи, теоретико-методологические принципы и методы исследования, раскрываются положения, содержащие элементы научной новизны, обоснована теоретическая и практическая значимость диссертации, представлены апробация и внедрение полученных результатов.

В **первой главе** «Теоретико-методологические аспекты исследования муниципальных районов в экономическом пространстве региона» в контексте концепций экономического пространства, теории муниципальной экономики, публично-правовой природы и экономического статуса муниципальных образований рассмотрена сущность понятия «муниципальный район», конкретизированы характеристики муниципального района как экономико-пространственного образования.

Во *второй главе* «Анализ и оценка тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона» предложена методика идентификации конструктивных и деструктивных тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона. Апробация методики проведена на примере муниципальных районов Свердловской и Челябинской областей. На основе обобщения результатов анализа временных рядов показателей, отражающих насыщенность, физический базис и связанность экономического пространства на уровне муниципального района, а также расчета индексов присутствия, определен характер влияния муниципальных районов на экономическое пространство региона.

В *третьей главе* «Пространственное развитие муниципальных районов: направления, условия, инструменты» проведена систематизация лучших практик пространственного развития муниципальных образований стран, достигших высокого уровня социально-экономического развития (в том числе Швеции, Италии, Германии), с учетом сходства данных территорий по экономико-правовым, административно-территориальным, демографическим, природно-климатическим или иным условиям с изучаемыми субъектами РФ, а также оценены нормативные условия пространственного развития муниципальных районов в изучаемых субъектах РФ, что позволило сформулировать концептуальные направления специальной муниципальной политики, нацеленной на стимулирование конструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов, и предложить концепцию муниципальной программы, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципального района.

В *заключении* сформулированы ключевые выводы и предложения, полученные по результатам проведенного диссертационного исследования.

В *приложениях* представлены расчетные и аналитические материалы, иллюстрирующие отдельные положения исследования.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

1.1 Содержательная идентификация муниципального района в концепциях экономического пространства

Исходя из задач настоящего исследования представляется необходимым рассмотреть концепции экономического пространства и выделить пространственно-экономический аспект сущности муниципальных районов. Анализ экономической литературы свидетельствует о том, что исследователи выделяют разное количество подходов к изучению экономического пространства.

Наиболее широкий перечень макроподходов, образующих поле исследования социально-экономического пространства, представлен Н. М. Сурниной и включает социологический, глобалистический, геосистемный, геоурбанистический, цивилизационный (эволюционный, эволюционно-стадийный, циклический), геоэкологический, геоэкономический, геоинформационный, геокультурный, когнитивный, геополитический подходы¹.

Е. Г. Анимица и В. А. Сухих в список подходов к изучению экономического пространства включают территориальный, хозяйственный (деятельностный), ресурсный, информационный, процессный и институциональный подходы, признавая доминирующее положение первого².

Ряд российских исследователей делают акцент на трех–пяти основных концепциях экономического пространства. Так, Г. Х. Батов выделяет три основных концепции экономического пространства: территориальную, ресурсную, инфор-

---

¹ Сурнина Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2003. С. 36.

² Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. Пермь : Перм. ун-т, 2007. С. 46–49.

мационную¹. В свою очередь, Р. Ф. Гатауллин, А. Г. Каримов и А. Г. Комаров концентрируют внимание на четырех подходах: территориальном, ресурсном, информационном и процессном², в то время как А. Ю. Волошина подчеркивает, что указанные четыре подхода следует дополнить факторной концепцией, в рамках которой экономическое пространство, в частности, рассматривается В. Каспером³.

Как перспективные и активно развиваемые в настоящее время подходы к экономическому пространству В. А. Экова рассматривает объектно-субъектный, институциональный, процессный, эволюционно-генетический⁴.

Обобщая представленные точки зрения, можно заключить, что наиболее сформировавшимися признаны территориальный, ресурсный, информационный и процессный подходы к изучению экономического пространства. Ниже представим их более подробную характеристику и рассмотрим их применительно к муниципальным районам.

Классической трактовкой экономического пространства в рамках *территориального подхода* считается определение А. Г. Гранберга: «Экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.»⁵. В рамках экономического пространства, по мнению А. Г. Гранберга, существует множество разнообразных форм хозяйствования и расселения, при этом последние подразделяются на городские и сельские⁶. Городские населенные пункты различаются прежде всего по численности населения – большие, средние, полусредние,

---

¹ Батов Г. Х. Экономическое пространство: проблемы становления в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 42(369). С. 4.

² Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Комаров А. Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. № 4(52). С. 196.

³ Волошина А. Ю. Пространство мегаэкономики: концептуальные основы идентификации в глобальной экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика, экология. 2013. № 2(23). С. 217.

⁴ Экова В. А. Теоретико-методологические подходы к исследованию пространственной неоднородности социально-экономического развития региона // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, № 3. С. 14.

⁵ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник. М., 2000. С. 25.

⁶ Там же. С. 27.

малые города, а также выполняемым функциям пространственной организации хозяйства (градообразующим функциям) – монофункциональные и многофункциональные города. Типы сельских поселений в большей степени, чем городские, отражают природные, исторические, национально-культурные особенности народонаселения, а значит, демонстрируют существенно большее разнообразие. Так, например, для Центральной России характерен деревенский тип расселения, возникший под влиянием общинной формы землепользования, в то время как в Сибири и на Дальнем Востоке распространены лесопромышленные и горнопромышленные поселки.

Территориального подхода придерживаются Е. Г. Анимица и Н. М. Сурнина, которые определяют экономическое пространство как «государственную территорию, в пределах которой создается, используется и воспроизводится система жизнедеятельности человека, осуществляется деятельность людей в целях удовлетворения потребностей. В широком смысле слова экономическое пространство охватывает территорию суши, внутренние и территориальные воды (акватории), которые необходимы для поддержания и улучшения условий населения. В узком смысле слова экономическое пространство – это хозяйственно освоенная территория страны, на которой осуществляется деятельность, связанная с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг»¹.

По мнению Н. М. Сурниной и Е. А. Шишкиной, экономическое пространство региона можно характеризовать как «территориальную систему, включающую результаты деятельности субъектов пространственного развития, основанные на принципах саморазвития, на экономических отношениях с территориальными социально-экономическими системами высшего уровня (федеральные округа, ассоциации экономического взаимодействия, муниципальные образования) и с формирующимися новыми территориальными социально-экономическими системами и территориальными образованиями (свободные экономические зоны, кластеры,

---

¹ Анимица Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. 2006. № 3. С. 36.

технополисы, комплексы и т. д.)»¹. На основе такого свойства экономического пространства, как иерархичность, можно выделить «как пространственные образования с четкими административными границами, определяемыми пространственными масштабами (страна, федеральный округ, регион, муниципальное образование), так и внепространственные – без четких границ, не укладывающиеся в рамки традиционных границ регионов и муниципальных образований (межгосударственные объединения и корпорации, федеральные округа, ассоциации регионов, межрегиональные объединения в сфере реализации совместных программ и проектов развития, управленческие округа, ассоциации городов, кластеры, инновационные зоны, зоны развития, агломерации, территориальные комплексы и т. д.)»². Таким образом, согласно позиции исследователей, применяющих территориальный подход к экономическому пространству, существуют пространственные образования с четкими административными границами и внепространственные образования.

По мнению еще одного представителя группы исследователей территориального подхода Е. А. Михуринской, социально-экономическое пространство – «часть территории, где проживает население, которое может использовать для реализации целей жизнедеятельности имеющийся на данной территории природно-ресурсный потенциал, развивая тем самым различные виды экономической деятельности и создавая условия для развития производительных сил»³.

Понимание экономического пространства, тяготеющее к территории в физико-географическом смысле, позволяет, по выражению Е. Г. Анимицы и В. А. Сухих, «очерчивать экономическое пространство в определенных географических, государственных и иных границах»⁴. Недостатком этого подхода является то, что

---

¹ Сурнина Н. М., Шишкина Е. А. Исследование особенностей развития социально-экономического пространства макрорегиона на основе свойств иерархичности и фрактальности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 6(44). С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Михуринская Е. А. Регион как форма организации экономического пространства. Режим доступа : http://www.rusnauka.com/ONG_2006/Economics/17637.doc.htm.

⁴ Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. Пермь : Перм. ун-т, 2007. С. 46.

пространство может подменяться только «некими географическими рамками»¹, и, как результат этого, неизбежно возникает вопрос о соотношении понятий «пространство» и «территория». Л. Л. Зобова так отвечает на него: «Территория для пространства является фундаментом, при этом пространство игнорирует официально установленные границы»². Иными словами, территория представляет собой физическую основу экономического пространства, во многом определяющую его потенциал, но не является исчерпывающей характеристикой. Как отмечает О. А. Бияков, эволюция общества свидетельствует о снижении зависимости от фактора территориального расположения, поэтому территориальный подход к экономическому пространству был «актуален в доиндустриальную и индустриальную эпохи»³. Хорошо известно, например, что теория абсолютных преимуществ А. Смита и теория относительных преимуществ Д. Рикардо во многом основаны на учете территориального фактора экономической деятельности, в то время как активизация глобализационных процессов на рубеже 1980–1990-х годов продемонстрировала значительную роль уже других – технологического и транспортного – факторов в формировании экономического пространства.

В защиту территориального подхода необходимо заметить, что происходит его содержательная трансформация: восприятие экономического пространства непосредственно как территории, обладающей природно-ресурсным потенциалом для создания, воспроизводства и использования системы жизнедеятельности человека, постепенно меняется на более сложное, включающее нескольких равновесных элементов: территорию и социально-экономическую среду, формирующуюся в ее пределах. К примерам такого видения можно отнести точку зрения Л. Л. Зобовой, которая рассматривает экономическое пространство как организованную среду, возникающую «в результате взаимодействия (конкуренции) мате-

---

¹ Бияков О. А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 102.

² Зобова Л. Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 33(90). С. 11.

³ Бияков О. А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 102.

риальных субъектов на определенной территории»¹, а также Ю. Г. Лавриковой – как «единство физического базиса и социально-экономической среды взаимодействия хозяйствующих субъектов, формируемой применяемыми на территории механизмами регулирования экономики»².

С точки зрения территории муниципальный район формируется территориями сельских и городских поселений, а также межселенных территорий. Муниципальные районы, по мнению автора, в большинстве своем являются территориями сельского (неурбанизированного) типа, поскольку преимущественно (на 92 %) состоят из сельских поселений³. Применение территориального подхода к экономическому пространству позволяет трактовать *муниципальный район* как компонент муниципального устройства, территорию преимущественно сельского (неурбанизированного) типа, находящуюся в четко очерченных административных границах в пределах территории субъекта РФ. Территория и ее качественная насыщенность являются принципиально важными характеристиками для рассмотрения экономико-пространственной сущности муниципальных районов, так как первоначально обуславливают потенциал их экономического развития и формирования социально-экономической среды взаимодействия. В связи с этим значимыми представляются достижения ресурсного подхода к экономическому пространству.

Ресурсный подход объединяет исследователей, предпринявших попытку отграничить экономическое пространство от «неэкономического», используя понятие ресурсов и отношений по их использованию и распределению. Так, В. В. Радаев, опровергая в качестве признаков «экономического» такие, как принадлежность к сфере производства товаров и услуг, денежный характер обмена, присутствие рыночных отношений и ряд других, делает вывод о том, что экономическое пространство определяется совершением экономического действия, которое, в свою

---

¹ Зобова Л. Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 33(90). С. 8.

² Лаврикова Ю. Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2009. С. 9.

³ Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2017 гг. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

очередь, трактуется как «ненасильственное использование ограниченных ресурсов, имеющих различное употребление, для достижения количественно определенной цели, связанной с обеспечением жизнедеятельности людей»¹.

К ресурсному подходу можно отнести трактовку экономического пространства В. В. Чекмарева и А. В. Гульбасова. По их мнению, оно представляет собой пространство, образованное: «а) физическими и юридическими лицами (субъектами), которые для реализации своих экономических потребностей и выражающих эти потребности экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физическими и нефизическими объектами, являющимися источниками экономических интересов и экономических отношений»².

Ресурсный подход также можно рассматривать в качестве одной из теоретических основ моделей новой экономической географии, разрабатываемых П. Кругманом с целью анализа концентрации экономической деятельности в пространстве. Не углубляясь в терминологический анализ, известный экономист пишет об экономическом пространстве как об «абстрактном экономическом ландшафте, представляющем собой динамический процесс распределения ресурсов по областям деятельности и территории»³. В другой своей работе он утверждает, что, несмотря на доминирующее значение возрастающей отдачи (эффекта масштаба) в объяснении неравномерности экономической деятельности в пространстве, ресурсы также оказывают на это влияние, особенно в том, что касается сельского хозяйства, которое «привязано» к недвижимому фактору производства и его качеству⁴.

В рамках ресурсного подхода можно определить *муниципальный район* как часть экономического пространства региона, являющуюся местом концентрации специфических экономических ресурсов. При этом экономические действия, осу-

---

¹ Радаев В. В. Что такое «экономическое действие» // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 19.

² Гульбасов, А. В. Концепция экономического пространства и ее потенциал в исследовании экономических процессов и явлений : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Иваново, 2007. С. 14.

³ Krugman P. Complex Landscapes in Economic Geography // The American Economic Review. 1994. Vol. 84, no. 2. P. 412.

⁴ Krugman P. Development, Geography and Economic Theory. Cambridge, MA : The MIT Press, 1999. P. 36.

ществляемые преимущественно по поводу немобильных ресурсов, формируют центробежный характер производственных отношений.

В условиях идеологического доминирования концепции общества, основанного на знаниях, в период трансформации развитой индустриальной экономики особую значимость приобретает *информационный подход* к экономическому пространству. Данный подход концентрирует внимание на информации как базовом ресурсе хозяйства и информационных потоках между хозяйствующими субъектами как средстве формирования экономического пространства. К представителям данного подхода можно отнести С. А. Дятлова, разрабатывающего тезис об информационном единстве мира. По его мнению, в XXI веке возрастает информационная емкость экономики, в результате чего мир оказывается вовлеченным в глобальную гиперконкуренцию, выражающуюся в «динамичном всеохватывающем процессе инновационного (информационно-идеологического, научно-образовательного, сервисно-технологического, организационно-управленческого) соперничества на глобальных рынках между ведущими высокотехнологичными компаниями-лидерами»¹. Таким образом, экономическое пространство формируется через соперничество экономических агентов, обладающих конкурентными преимуществами в различного рода информации.

Еще одним представителем информационного подхода можно назвать С. И. Паринова, предпринявшего попытку включить феномен информационных взаимодействий между участниками экономической деятельности в экономическую картину мира². Исследователь считает, что обмен предложениями между экономическими агентами по поводу новых вариантов деятельности и желательных перекombинаций связей между ними происходит в информационном пространстве экономической системы. Иными словами, обмен сигналами в процессе экономической деятельности ведет к возникновению экономического пространства.

---

¹ Дятлов С. А. Сетевые эффекты и возрастающая отдача в информационно-инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 2(86). С. 8.

² Паринов С. И. К теории сетевой экономики. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2002. С. 63.

Через информационные потоки определяет экономическое пространство и Г. Шибусава. Он пишет: «Экономическое пространство может интерпретироваться как некоторая коммерческая часть Интернета, посредством которой осуществляется управление потоками произведенных товаров»¹.

В отношении муниципальных районов необходимо отметить, что с точки зрения генерирования информационных потоков они прежде всего представляют собой объект статистического учета. С одной стороны, муниципальные районы формируют часть муниципальной статистики, с другой – как место размещения сельскохозяйственных видов деятельности – участвуют в различных отраслевых статистических исследованиях, например сельскохозяйственной переписи, а также микропереписи. В ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 108-ФЗ «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи» наряду с целью «формирование официальной статистической информации об основных показателях производства сельскохозяйственной продукции и отраслевой структуре сельского хозяйства, о наличии и об использовании его ресурсного потенциала для разработки прогноза развития сельского хозяйства, мер экономического воздействия на повышение эффективности сельскохозяйственного производства» выделено «обеспечение возможности получения официальной статистической информации в области сельского хозяйства в отношении каждого *муниципального образования*» (курсив наш. – Е. Б.). Можно сделать вывод о том, что из всего первичного сектора именно сельское хозяйство является ключевой отраслью, за которой ведется регулярное сплошное федеральное статистическое наблюдение, в том числе и в муниципальных районах как совокупности поселений. Третья цель сельскохозяйственной переписи – «обеспечение возможности сопоставления итогов сельскохозяйственной переписи с используемыми в международной практике статистическими данными в области сельского хозяйства» – свидетельствует о том, что участие муниципальных районов как совокупности преимущественно сельских поселений

---

¹ Shibusawa H. Cyberspace and Physical Space in an Urban Economy // Papers in Regional Science. 2000. Vol. 79. Цит. по: Бияков О. А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 103.

в статистических исследованиях не ограничивается национальным уровнем и на наднациональном уровне осуществляется внутри категории «сельские территории» (rural areas)¹.

Помимо того, что муниципальные районы являются объектом статистического учета, они, как уже отмечалось, отражают исторические и национально-культурные особенности народонаселения ввиду присутствия значительного количества элементов традиционной экономики и транслируют особого рода информацию, касающуюся истории и культуры. В данной связи уместно привести слова академика РАН И. Н. Буздалова о том, что жизнедеятельность в сельской местности «остаётся важной основой национальной самоидентификации, хранителем национальных культурно-этнических ценностей, трудовых и поведенческих обычаев и традиций»².

Таким образом, применение информационного подхода к сущностной идентификации объекта исследования даёт возможность заключить, что *муниципальный район* – это информационно специфическая часть экономического пространства региона, порядок сосуществования и сообщения объектов и субъектов в пределах которой носит преимущественно сельскохозяйственный характер.

Процессный подход к экономическому пространству предложен О. А. Бияковым. Суть данного подхода – в осмыслении формирования и развития экономического пространства через экономический процесс, трактуемый как «отношение между экономическими субъектами в данной институциональной среде по реализации своих экономических интересов, направленных на возможные результаты совместной деятельности»³. По мнению исследователя, возникновение «совокупного виртуального экономического процесса» есть результат «параллель-

---

¹ Наиболее крупной специализированной организацией, представляющей международную статистику в сфере сельского хозяйства и развития сельских районов, является Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

² Буздалов И. Н. Обеспечение приоритетного развитие сельского хозяйства – главное в стратегии аграрной политики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 4. С. 3.

³ Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 26.

ного согласования экономических интересов многих субъектов хозяйствования»¹. Другими словами, согласование экономических интересов субъектов хозяйствования происходит в форме обмена информации и вхождения в общий информационный поток, приводя к возникновению сетевой структуры экономики. Соответственно, автор делает вывод о том, что информационный подход к экономическому пространству является лишь частным случаем процессного подхода. Инкорпорируя достижения информационного подхода, О. А. Бияков определяет экономическое пространство как «отношения между экономическими процессами субъектов хозяйствования и совокупным экономическим процессом (V-процессом) по формированию возможных результатов экономической деятельности»². При этом V-процесс может существовать, только если одновременно выполняются три условия: для экономических субъектов есть единая институциональная среда, между ними наличествуют тесные связи, а экономическое время частных процессов V-процесса синхронизировано.

Тем не менее трудно не согласиться с критикой процессного подхода А. И. Михайловым, утверждающим, что поскольку экономический процесс не является системообразующим элементом экономического пространства и полностью зависит от состояния последнего, следовательно, процессный подход не дает лучшего понимания «общефилософской и социально-экономической сущности экономического пространства»³.

Несмотря на критику, теоретические положения процессного подхода при анализе экономико-пространственной сущности муниципальных районов позволяют перенести фокус внимания на процесс, поддерживающий функционирование муниципального района как части экономического пространства региона, а именно на воспроизводственный процесс. О. А. Ломовцева и Н. А. Сопина подчеркивают, что на уровне региона специфика воспроизводственного процесса как непрерыв-

---

¹ Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 27.

² Там же. С. 33.

³ Михайлов А. И. Национальная безопасность в контексте эволюции экономического пространства и пространственного моделирования мировой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 26(83). С. 50.

ного возобновления элементов производительных сил и производственных отношений связана с тем, что он «представляет собой результат сочетания территориального и отраслевого разделения труда»¹ и в зависимости от типов взаимосвязей между различными элементами воспроизводственного процесса может характеризоваться через «шесть групп пропорций: общеэкономические; структурные; социально-экономические; социально-демографические; экономико-экологические и финансово-экономические»². Поскольку основой локализации воспроизводственного процесса служит общественное разделение труда как объективный процесс развития производительных сил, то следует предположить, что особенности воспроизводственного процесса, протекающего в рамках муниципальных районов, происходят из тесной связи местной экономики с первичным сектором.

Воспроизводственный процесс составляет основу экономического развития муниципального района, так как предполагает такой режим функционирования его экономики, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни местного населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и многофакторным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциала территории. Проблема воспроизводства в сельских территориях как никогда критична для России: в некоторых регионах за время между двумя переписями населения исчезли до 1/3 сельских населенных пунктов, что свидетельствует о том, что деревня впервые за всю российскую историю оказалась неспособной к самовоспроизводству³.

На основе *процессного подхода* выделим воспроизводственный процесс на территории муниципального района в качестве пространственно-образующего, формируемого как промежуточный итог реализации экономических интересов субъектов и экономического взаимодействия между различными точками на территории муниципального района.

---

¹ Ломовцева О. А., Сопина Н. А. Особенности регионального воспроизводственного процесса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 15/1, № 13(84). С. 5.

² Там же. С. 8.

³ Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В. Теории регионального и местного развития : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. С. 127.

Среди других подходов к экономическому пространству, активно разрабатываемых в научной литературе и представляющих интерес в рамках настоящего исследования, необходимо обратить внимание на информационно-экологический, институциональный, субъектно-объектный и системный подходы.

Теоретическое переосмысление информационного подхода С. В. Макара выразилось в разработке исследователем *информационно-экологического подхода*. Ввиду слабой изученности структурных особенностей организации экономического пространства автор подхода подчеркивает необходимость исследования «последствий развития отношений между пространственными элементами и структурами»¹. Пространство, по мнению ученого, представляет собой системную конструкцию из ячеек (реальных и виртуальных), которые обладают «возможностью реализации своей программы развития». В рамках подхода признается значимость информационной составляющей взаимодействия экономических агентов, однако вне контекста выстраивания устойчивых и сбалансированных взаимоотношений с другими ячейками, т. е. экологического компонента, невозможным, по мнению исследователя, будет диктуемое практикой управления объединение динамики пространственных структур разного рода и масштаба, т. е. их софункционирование и гармонизация. Такая необходимость обусловлена переходом практики управления в новый формат – геоэкономический. Отличием положений информационно-экологического подхода от сложившихся представлений об экономическом пространстве в рамках информационного подхода является акцент на согласованности процессов функционирования пространственных структур и введение этической составляющей организации экономического пространства.

Данный подход разрабатывается в контексте переориентации на устойчивое экономическое развитие, которое, согласно сложившемуся пониманию, должно «отвечать нуждам настоящего и при этом не уменьшать возможности и не снижать способности будущих поколений удовлетворять свои потребности»². Науч-

---

¹ Макара С. В. Анализ пространства в экономической науке: развитие концептуальных подходов // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 4(108). С. 23.

² Sustainable Development / International Institute for Sustainable Development. URL : <http://www.iisd.org/topic/sustainable-development>.

ный сотрудник Института аграрных проблем РАН С. Г. Былина более развернуто характеризует устойчивое развитие как «развитие, обеспечивающее сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей»¹.

Триединство концепции устойчивого развития (экономический, социальный, экологический аспекты) в начале XXI века конкретизировалось в появлении концепции зеленой экономики как хозяйственной системы, «которая повышает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость в долгосрочной перспективе и при этом не подвергает будущие поколения существенным экологическим рискам и экологическим дефицитам»². Как отмечает В. С. Бочко, после введения понятия «зеленая экономика» в широкий научный оборот и его критического осмысления в научной литературе сложились три подхода к его содержанию: технологический, отраслевой и нравственно-экологический³. Автор, однако, указывает на необходимость более комплексного подхода – цивилизационного, который связан с переменами в «качестве самих людей», с превращением человека в личность, «понимающую закономерности развития природы и общества, адекватно оценивающую себя и свою роль в окружающем мире, стремящуюся одновременно к личному, социальному и экономическому счастью»⁴. Мнения о том, что «озеленение» экономики невозможно без прогресса в масштабах личности и изменения отношения к природе, придерживаются и некоторые зарубежные ученые⁵.

Соответственно, под концепцией зеленой экономики необходимо понимать «осознанный и научно обоснованный переход интеллектуально развитого общества

---

¹ Былина С. Г. Развитие теоретических положений парадигмы устойчивого развития сельских территорий // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2011. № 2. С. 2. Режим доступа : <http://www.iagpran.ru/datas/users/5af45ef4059c9c62c4aa3a8b722952d3.pdf>.

² Enabling Conditions: Supporting the Transition to a Global Green Economy. Nairobi, Kenya : UNEP, 2011. P. 552. URL : <https://europa.eu/capacity4dev/public-environment-climate/document/unep-enabling-conditionssupporting-transition-global-green-economy>.

³ Бочко В. С. Зеленая экономика: содержание и методология познания // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65). С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Bina O. The Green Economy and Sustainable Development: An Uneasy Balance? // Environment and Planning C: Government and Policy. 2013. Vol. 31. P. 1042.

не только на экологически чистые технологии во всех отраслях и сферах жизнедеятельности людей, включая быт и отдых, но и на эколого-нравственные отношения, переходящие в систему обычаев и традиций»¹. Структура зеленой экономики, таким образом, должна включать следующие элементы: общую и технологическую интеллектуализацию населения; производство благ и услуг на основе экологически чистых технологий; широкое использование возобновляемых источников энергии; социальное благополучие общества; эколого-нравственные отношения.

Маловероятно, что внедрение принципов зеленой экономики на субрегиональном уровне может протекать равномерно. Это связано с тем, что население крайне неоднородно по уровню интеллектуального, профессионального и нравственного развития, равно как и территории – по уровню развития производительных сил. Разнятся индивидуальные, общественные и территориальные социо-эколого-экономические интересы и потребности; их согласование, а также технологии их защиты требуют отдельного изучения². Тем не менее нравственно-этический компонент принципов зеленой экономики, нацеленность системы на решение проблем общественного благосостояния и бедности может стать тем механизмом, который позволит преодолеть кризисные явления не только в экономике, но и в окружающей среде.

Применяя информационно-экологический подход к экономическому пространству в контексте базовых положений зеленой экономики, можно утверждать, что *муниципальный район* – структурная ячейка экономического пространства, обладающая необходимой информацией для реализации целей и задач гармонизированного управления находящимися в его пределах городскими и сельскими поселениями.

---

¹ Бочко В. С. Зеленая экономика: содержание и методология познания // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65). С. 11.

² См., например, Даванков А. Ю., Кочеров А. В., Морозова Е. С. Интересы территориальной хозяйственной системы // Вестник Челябинского государственного экономического университета. Сер.: Экономические науки. 2017. Вып. 58, № 10(406); Согласование социальных, экологических и экономических интересов – основа сбалансированного развития территориальных систем (глава 7) // Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография / Г. Н. Пряхин, А. Ю. Шумаков, Л. В. Костарева и др. Челябинск : Челябинский гос. ун-т ; Ин-т экономики УрО РАН, 2016.

В условиях активного использования достижений институциональной экономики в изучении социума нельзя не отметить ее вклад в развитие *институционального подхода* в пространственной экономике. В совместной статье О. В. Иншаков и Д. П. Фролов отмечают, что следствием присутствия теорий институционализма в качестве «гносеологического фона» становления пространственной экономики стало взаимное обогащение двух научных направлений, и указывают на то, что хозяйственное пространство может быть «измерено» с применением понятий институциональных теорий¹. Авторы полагают, что само пространство может рассматриваться как «особая институция, т. е. социальная форма локализации функций людей, дающая им статус, определяющая их бытие и сознание»². Пространство является базовой институцией, которая преломляет действие других институций в обществе. Любые социально-экономические институции, по мнению ученых, «связаны с преобразованием пространства их [людей] бытия, его расширением, насыщением, накоплением, сбережением»³.

Последовательно продолжая разработку институционального подхода в пространственной экономике, Д. П. Фролов так характеризует значение институтов для пространственного развития: «Институты оказывают активное влияние на пространственное развитие на всех его уровнях – от локального до глобального; институты всегда пространственно укоренены и имеют территориальную специфику; институты действуют в комбинации как с географическими, так и с другими... факторами; наконец, институты не только адаптируются к средовым изменениям, но и иницируют их, конструируя ниши в экономическом пространстве»⁴.

В рамках институционального подхода в пространственной экономике можно определить *муниципальный район* как институцию, представляющую собой результат взаимодействия в экономическом пространстве совокупности преимущественно сельских формальных и неформальных институтов.

---

¹ Иншаков О. В., Фролов Д. П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Фролов Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 17–18.

Основы *субъектно-объектного подхода* формируются главным образом работами А. Н. Демьяненко, П. А. Минакира, А. И. Михайлова, в которых раскрывается двойственность экономического пространства, существующего как взаимодействие объективного и субъективного.

Отталкиваясь от общефилософской сущности пространства, А. И. Михайлов интерпретирует экономическое пространство как «субъективное отражение объективной реальности, определяющее взаимодействие человека с природой и характеризующееся наличием протяженности и объема»¹. В трактовке в явной форме содержится указание на природную среду/ресурсы, их преобразование в экономической деятельности. Однако в рамках предлагаемой концепции они выступают как одно из средств фиксации изменений экономического пространства. Авторский метод *пространственного позиционирования объективной реальности* позволяет анализировать развитие экономики через «пространственную сопряженность и непрерывно увеличивающуюся плотность потока ресурсов на единицу исследуемого пространства»².

Подход П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко также базируется на философском понимании пространства как способа существования материи и, в дополнение к этому, утверждению о том, что экономика есть один из видов социальной материи. Ученые характеризуют экономическое пространство как «множество экономических агентов, распределенных в пределах определенного географического пространства и взаимодействующих друг с другом в соответствии с едиными в пределах этого географического пространства экономическими институтами»³, другими словами – взаимодействие субъектов (агентов) и объектов (окружающей среды) по определенным правилам. По мнению исследователей, экономическое пространство (экономические пространства) обладает рядом общих свойств, среди которых неоднородность (многообразие форм пространственной организации эконо-

---

¹ Михайлов А. И. Национальная безопасность в контексте эволюции экономического пространства и пространственного моделирования мировой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность 2010. № 26(83). С. 51.

² Там же. С. 54.

³ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. С. 43.

номической деятельности), иерархичность (разномасштабность пространственных экономических образований), изменчивость, инерционность и сосуществование в границах экономического пространства «разновременных экономических „подпространств“, каждое из которых имеет свои свойства и свою метрику»¹.

На основе предложенной трактовки экономического пространства и его свойств авторы представляют свое видение эволюции методологии пространственной экономики. В качестве точки отсчета они выделяют неолитическую революцию, запустившую формирование доиндустриальных экономических систем. Принципиальным следствием неолитической революции для теоретических положений пространственной экономики, по мнению П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко, стала не только смена видов деятельности и углубление специализации, как функциональной, так и территориальной, но и соответствующая смена характера расселения человеческих сообществ: «...на место временных поселений приходят поселения постоянного типа: деревни и города»². Ранние этапы капиталистической урбанизации дали еще больше оснований для противопоставления двух форм расселения, поскольку направления и темпы их экономического развития стали различаться существенно. В современной литературе преобладает точка зрения на прагматическое сотрудничество города и деревни (так считает, например, А. И. Трейвиш³), в том числе за счет выгодной комбинации и развития новых видов деятельности. Пространственный подход к взаимодействию города и деревни более подробно исследуется И. А. Скрипиль⁴. Значимость исследований, посвященных теме взаимодействия города и деревни, проявляется еще и в том, что природа любого объекта/субъекта становится ясной только после установления его отношений (положения) относительно других.

---

¹ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. С. 44–45.

² Там же. С. 48–49.

³ Трейвиш А. И. Сельско-городской континуум и пространственная мобильность населения // Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М. : Новый хронограф, 2016.

⁴ Скрипиль И. А. Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Краснодар, 2011. С. 10.

Следует отметить, что сама по себе проблема противопоставления города и деревни не нова в региональной экономике, подтверждением чему являются научные и политические дискуссии 1920–1930-х и 1950–1960-х годов. Эти дискуссии в значительной степени обуславливались характером аграрной политики: первый этап был связан с «партийно-ориентированными исследованиями села»¹ и сталинской коллективизацией, второй – с обстановкой, порожденной XX Съездом, и необходимостью изучения особенностей колхозной собственности, экономического положения колхозников, принципов оплаты труда. В частности, С. И. Дешков писал о том, что проблема ликвидации различий между городом и деревней, занимающая одно из первых мест в социальной программе КПСС, по своему объему предельно широка и включает в себя «вопрос о стирании различий между сельским и городским населением и классовых различий, которые решаются прежде всего через ликвидацию различий между двумя формами собственности путем последовательного их совершенствования и слияния в будущем в единую коммунистическую собственность», что «предусматривает также выравнивание образовательного и культурного уровня городского и сельского населения, улучшение бытовых условий жизни как в деревне, так и в городе»². Частной, по его мнению, в рамках этой проблемы является вопрос различий между трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. И. И. Никишин, характеризуя категорию «товарность сельского хозяйства», заключает, что «ее источниками являлись, с одной стороны, отделение промышленности от сельского хозяйства, города от деревни, с другой – отделение работника от средств производства и сосредоточение их в руках буржуазии, с третьей – общественное разделение труда внутри самой отрасли...»³. На принципиальность различий между городом и деревней указывают выводы О. С. Пчелинцева об экономической специализации сельских и городских территорий: «пространственное отделение двух стадий [основной об-

---

¹ Рывкина Р. В. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

² Дешков С. И. Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального // Социальные проблемы советской деревни. М. : Знание, 1972. С. 12.

³ Никишин И. И. К теории специализации, районирования и размещения сельского хозяйства // Вопросы народного хозяйства СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 160.

работки и добычи и первичной обработки] вызывает к жизни особый тип территориального разделения труда, основанный на противопоставлении точечного пункта основной переработки сырья – крупного города – и обширной экстенсивно освоенной аграрно-сырьевой периферии»¹.

Кроме экономистов, активное участие в дискуссии принимали социологи, прежде всего в обсуждении вопросов причин миграции сельского населения в город². Как замечает И. Ю. Михайловский в рамках историографического анализа социальной эволюции советской деревни, «советские исследователи второй половины 1960-х – начала 1980-х годов акцентировали внимание на объективных причинах миграции: социально-экономическом отставании села от города»³. Иными словами, город и деревню разделяли не только сущностные различия, касающиеся форм собственности, характера труда, образа жизни (культурно-бытовые особенности), социального устройства, но и различия социально-экономической динамики, носящие относительно краткосрочный характер (например, разница в структуре и уровне реальных доходов сельского и городского населения).

Сама по себе концепция «преодоления различий между городом и деревней» особыми успехами не увенчалась, а скорее увеличила отток сельского населения в город. Базовые положения концепции, фиксировавшие основные различия, включали⁴:

– ликвидацию противоположности города и деревни только на основе уничтожения частной собственности на средства производства в результате социалистического преобразования промышленности и сельского хозяйства;

– превращение сельского хозяйства в высокоразвитую отрасль экономики, а сельскохозяйственного труда – в разновидность индустриального;

---

¹ Пчелинцев О. С. Рациональное размещение производства и проблема больших городов // Вопросы философии. 1961. № 2. С. 16.

² См. например: Арутюнян Ю. В. Опыт социалистического изучения села. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968.

³ Михайловский И. Ю. Социальная эволюция российской деревни (1965–1991 гг.). Историография вопроса. Советский период : монография. Волгоград : ВолгГАСУ, 2013. С. 47.

⁴ Дементьев И. А. Концепция «преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российского села // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3.

– сближение государственной и колхозно-кооперативной форм собственности в процессе развития производительных сил сельского хозяйства, а впоследствии – отмирание личного подсобного хозяйства;

– превращение деревень в укрупненные населенные пункты с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями, выравнивание культурно-бытовых условий жизни сельского и городского населения.

Урбанизация (внедрение городских условий и менталитета в сельскую местность) не состоялась¹. Во-первых, значительными оказались только объемы газификации и электрификации, почти не различающиеся в городах и селах Европейской России, чего нельзя сказать об обеспеченности водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Как подчеркивает известный российский географ – исследователь сельской местности Т. Г. Нефедова, в России именно отсутствие канализации, а не газа и даже не водопровода – признак застройки сельского типа². Во-вторых, базовые учреждения обслуживания населения (школы, отделения связи и медицинские учреждения) к концу советского периода стали нормой лишь в поселениях с численностью населения свыше 300–500 чел. В-третьих, «урбанизация не только уничтожила „агросамодетельность“ населения, но расширила сферу нелепого квазигородского образа жизни»³ (благоустроенный жилой фонд в селах часто окружали огороды и сараи, продолжавшие личное подсобное хозяйство). Это дополнительно свидетельствует о принципиальном характере различий между городом и сельской местностью.

Таким образом, применение субъектно-объектного подхода к экономическому пространству дает нам возможность рассматривать *муниципальный район* как

---

¹ Дементьев И. А. Концепция «преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российского села // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3.

² Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003.

³ Дементьев И. А. Концепция «преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российского села // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 57.

пространственное экономическое образование, по смысловому значению противостоящее крупнейшему и крупному городу и функционально дополняющее его.

Системный подход к экономическому пространству опирается на принцип системности, который в самом общем виде предполагает рассмотрение любого объекта как системы, т. е. совокупности элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества, превосходящие сумму свойств отдельных элементов. Среди преимуществ системного подхода – возможность комплексного анализа как взаимосвязей внутри системы (между элементами), так и внешних связей (с окружающей средой). Как результат, системный подход позволяет исследовать более широкую познавательную реальность за счет «проектирования» процесса познания.

Идеи системности были заложены еще в Античности (Платон, Аристотель). Как отмечал один из основателей теории систем Л. фон Берталанфи, понятие системы – ровесник европейской философии, а утверждение Аристотеля о том, что «целое больше, чем сумма его частей» – следствие традиционной для античной философии идеи о космическом порядке и целостности мира¹. Система в понимании Л. фон Берталанфи – это организованная целостность, комплекс взаимодействующих элементов, свойства и способы действия которых формируют более высокий уровень организации².

Практическая значимость системного подхода существенно возросла в 1960–1970-е годы, когда в науке, по замечанию И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина, имел место «быстрый рост удельного веса и роли задач синтеза»³, что выразилось в переходе от дисциплинарного к проблемному способу постановки и решения научных задач и увеличении числа междисциплинарных исследований и комплексных научных дисциплин. Методологически данный контекст созвучен современным условиям развития пространственной экономики, требующим, как

---

¹ Bertalanffy L., von. The history and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15, no. 4. P. 407.

² Ibid. P. 410–411.

³ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. С. 39.

подчеркивают П. А. Минакир и А. Н. Демьяненко, междисциплинарного синтеза при рассмотрении целого ряда проблем, которые имеют «явно выраженный пространственный характер»¹, а «сам факт изучения этой [социально-экономической] системы в пространственно-временном континууме предполагает многоаспектность исследования пространственных проявлений жизнедеятельности общества»². Таким образом, системный подход видится необходимым при исследовании пространственных аспектов сущности и закономерностей развития экономических объектов.

По определению Г. Б. Клейнера, активно развивающего методологию применения системного инструментария в экономических исследованиях, социально-экономическое пространство – «единая система, заключающая в себе множество относительно самостоятельных подсистем, состав и структура которых определяется в соответствии с позицией наблюдателя или группы наблюдателя»³. Социально-экономическое пространство как система обладает устойчивостью, целостностью и вычленяется из окружающего мира по функциональным или пространственным признакам.

На основе системного подхода определяет социально-экономическое пространство и С. В. Белоусова: «...социально-экономическое пространство представляет собой сложную, живую, динамическую систему, компоненты которой находятся в состоянии баланса или дисбаланса, постоянно движимого поиском оптимального выбора между противоречиями и противоборством интересов, сторон, целей и т. д. Основными свойствами такого пространства являются: высокая размерность; большое количество взаимосвязанных подсистем различных типов с локальными целями; многоконтурность управления; иерархичность структуры; значительное запаздывание координирующих воздействий при высокой динамично-

---

¹ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124.

² Там же. С. 125.

³ Клейнер Г. Б. Системная парадигма в экономических исследованиях: новый подход // Цивилизация знаний: российские реалии : труды Восьмой Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 апреля 2007 г.). М. : РосНОУ, 2007. С. 453.

сти элементов; неполная определенность состояний элементов; полиархия рассмотрения...»¹.

Системный подход к экономическому пространству позволяет трактовать *муниципальный район* как одну из хозяйственных подсистем экономического пространства региона, обеспечивающую его целостность и устойчивость, находящуюся во взаимодействии с другими подсистемами, результатом функционирования которой является добавленная стоимость, создаваемая преимущественно видами экономической деятельности, относящимися к первичному сектору экономики. Следует подчеркнуть, что муниципальный район представляет собой иерархичную пространственную структуру, так как является элементом двухуровневой системы местного самоуправления, первый уровень которой сформирован преимущественно сельскими поселениями.

Содержательная характеристика муниципальных районов в концепциях экономического пространства представлена на рисунке 1.

Муниципальные районы как совокупность преимущественно сельских поселений обладают рядом экономико-пространственных особенностей и требуют особого подхода к раскрытию своего экономического потенциала, так как представляют существенное значение для устойчивого развития экономического пространства региона² с точки зрения реализации своих функций, среди которых как минимум общие для сельских территорий: производственная, демографическая, трудоресурсная, пространственно-коммуникационная, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности территории³.

Так или иначе, муниципальные районы участвуют в обеспечении устойчивого экономического развития региона через выполнение определенных функций,

---

¹ Белоусова С. В. Сбалансированность социально-экономического пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 18(347). С. 34.

² Силова Е. С. К проблеме устойчивого развития региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5(401).

³ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р.

а качество их осуществления зависит от социально-экономического состояния самих пространственных образований.

Рисунок 1 – Содержательная идентификация муниципальных районов в концепциях экономического пространства

Критический анализ концепций экономического пространства с целью существенной идентификации муниципальных районов, локализованных в рамках региона, позволил выделить экономико-пространственный аспект содержательной

характеристики муниципального района как специфического объекта в пространстве региона, заключающийся в том, что:

1) муниципальный район может рассматриваться как компонент муниципального устройства, имеющий четко очерченные административные границы в пределах территории субъекта Российской Федерации;

2) он является частью экономического пространства региона, в которой концентрируются специфические экономические ресурсы, способствующие формированию центробежного характера производственных отношений;

3) муниципальный район может рассматриваться как информационно специфическая часть экономического пространства региона, порядок сосуществования и сообщения объектов и субъектов в пределах которой носит преимущественно сельскохозяйственный характер;

4) в его координатах осуществляется воспроизводственный процесс, формируемый как промежуточный итог реализации экономических интересов субъектов и экономического взаимодействия между различными точками на заданной территории;

5) муниципальный район как структурная ячейка экономического пространства обладает необходимой информацией для реализации целей и задач гармонизированного управления городскими и сельскими поселениями как муниципалитетами низового уровня;

6) он является институцией, результирующей взаимодействия в экономическом пространстве совокупности преимущественно сельских формальных и неформальных институтов;

7) муниципальный район представляет собой также пространственное экономическое образование как совокупность преимущественно сельских поселений, по смысловому значению противостоящая крупнейшему и крупному городу и функционально дополняющая его;

8) он существует как хозяйственная подсистема экономического пространства региона, обеспечивающая его целостность и устойчивость и находящаяся во взаимодействии с другими подсистемами, результатом функционирования кото-

рой является добавленная стоимость, создаваемая преимущественно видами экономической деятельности, относящимися к первичному сектору экономики.

1.2 Муниципальный район в контексте положений теории муниципальной экономики

В пределах муниципального района как компонента муниципального устройства и территории осуществления местного самоуправления функционирует и развивается муниципальная экономика, в связи с чем необходимой представляется сущностная характеристика муниципального района в ракурсе положений теории муниципальной экономики.

На рубеже XX–XXI веков в контексте перехода страны к рыночным отношениям в российской экономической науке возродился интерес к данному теоретическому направлению. Предпосылкой послужило принятие ряда нормативно-правовых документов – Закона СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» и Федерального закона от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации». Документы сформировали основу третьего этапа (1990–1997 гг.) эволюции законодательных основ экономики и финансов муниципальных образований, исследованной А. Н. Кохан. Ученый подчеркивает, что принятые законы в советском государстве не имели аналогов и определили «признаки, на основе которых могут образовываться муниципальные образования, а также... принципы организации местных финансов, источники формирования и направления использования финансовых ресурсов местного самоуправления, основы бюджетного процесса в муниципальных образованиях и взаимоотношения органов местного самоуправления с финансовыми институтами, а также гарантии финан-

совых прав органов местного самоуправления»¹. Период начала 2000-х годов охарактеризовался целой серией исследований, посвященных теоретическим и практическим вопросам осуществления местного самоуправления, анализу его экономической основы и финансовых ресурсов, внесших существенный вклад в теорию муниципальной экономики. Среди примеров таких исследований можно назвать работы Р. В. Бабун², коллектива ученых Института системного анализа РАН, в том числе В. Н. Лексина и А. Н. Швецова³, а также монографию П. Е. Анимицы «Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии», где излагаются основные вехи и генезис теории муниципальной экономики⁴.

Следует согласиться с П. Е. Анимицей в том, что «муниципальная наука, зародившаяся в конце XIX века, изначально развивалась не в виде самостоятельного систематического целого, а в пределах своих отдельных частей или сторон. Необходимость создания отдельной муниципальной дисциплины диктовалась в первую очередь все возрастающей ролью городов и наболевшими практическими нуждами человечества. Наиболее богатый источник коммунального, или муниципального, знания находился в Германии... Многие основоположники муниципальной науки принадлежат к числу германских ученых, наиболее известные из которых А. Вебер, К. Гассет, А. Дамашке, В. Зомбарт, А. Зюдекум, Г. Маурер, А. Рисс и др.»⁵.

---

¹ Кохан А. Н. Эволюция законодательных основ формирования экономики и финансов муниципальных образований // Финансовая аналитика. 2013. № 10(148). С. 20.

² Бабун Р. В. Проблемы муниципальной экономики // Муниципальная экономика. 2000. № 2. С. 37; Бабун Р. В. Становление муниципальной науки и подготовка кадров для муниципального управления // Муниципальная служба. 2001. № 2. С. 14; Бабун Р. В. Предмет и функции муниципальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 7, № 1.

³ См. подробнее: Лексин В. Н., Швецов А. Н. Местное самоуправление и муниципальное развитие как объекты системного анализа и регулирования // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 2.

⁴ Анимица П. Е. Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005.

⁵ Там же. С. 6.

Среди российских исследователей, проводивших научные изыскания в данной области в начале XX века, следует назвать В. Ф. Тотомиянца¹, М. Д. Загряцкова², Л. А. Велихова³, Б. Б. Веселовского⁴, Ф. А. Данилова⁵, М. А. Курчинского⁶.

Глубокое исследование сущностно-содержательной характеристики муниципального хозяйства и муниципальной экономики проведено Е. Г. Анимицей⁷. На основе анализа трудов российских исследователей он делает вывод о том, что термин «муниципальный», появившись в конце XIX – начале XX века, не находил реальной дефиниции, «хотя вопросы муниципализации в это время являлись предметом активных исследований российских экономистов, юристов, деятелей земского движения. У зачинателей муниципального знания встречались, скорее, номинальные понятия: „городская община“, „публичные органы“, „муниципалитет“, „городское хозяйство“, „городское общественное управление“ и др.»⁸. Например, известный российский юрист Г. И. Шрейдер, характеризуя городское хозяйство как часть «явления муниципальной жизни», доказывал, что главные цели городского развития – это создание «условий, содействующих возможно боль-

---

¹ Тотомиянец В. Ф. Самоуправление и городское хозяйство. СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1910; Тотомиянец В. Ф. Задачи городского самоуправления: Краткий очерк муниципального социализма. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Товарищ, 1906; Тотомиянец В. Ф. Муниципализация промышленных предприятий (очерки городского хозяйства в Западной Европе). М. : Магазин «Книжное дело», 1902.

² Загряцков М. Д. Что такое муниципальный социализм? М. : Начало, 1917; Загряцков М. Д. Кооперация и городское самоуправление. М. : Журнал «Кооп. жизнь», 1915.

³ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.–Л. : Гос. изд-во, 1928; Велихов Л. А. Опыт муниципальной программы: материалы для академического курса и перспективных планов городского хозяйства. М.–Л. : Гос. изд-во, 1926.

⁴ Веселовский Б. Б. Коммунальные предприятия: экономические основы строительства и эксплуатации : сб. ст. / под ред. Б. Б. Веселовского. М. : Изд-во НКВД, 1929; Веселовский Б. Б. Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах. 1917–1927 / Б. Б. Веселовский. М. : Изд-во НКВД, 1928.

⁵ Данилов Ф. А. Муниципализация промышленных предприятий, земельных площадей, изготовления и доставки главнейших предметов потребления и пр. (муниципальный социализм). М. : Тип. Ф. Я. Бурче, 1906.

⁶ Курчинский М. А. Муниципальный социализм (задачи городского хозяйства). Пг. : Социалист, 1917; Курчинский М. А. Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907.

⁷ Анимица Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // Пространственная организация общества : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007.

⁸ Там же. С. 26–27.

шему физическому, умственному, нравственному и материальному благосостоянию городского населения»¹.

Немецкий ученый А. Рисс следующим образом определял муниципальное хозяйство: «...совокупность всех тех мероприятий городского общественного управления, при посредстве которых оказывается влияние на производство, распределение и потребление благ, служащих для удовлетворения жизненных потребностей»².

Фундаментальный научный труд о городском хозяйстве принадлежит Л. А. Велихову. Проведя глубокое исследование, автор сформулировал следующее определение: «Муниципальное хозяйство есть деятельность местных публичных органов или организованного представительства людей, живущих концентрированно на избранной территории и занимающихся преимущественно обрабатывающей промышленностью и торговлей, причем эта деятельность направлена к наивыгоднейшему использованию материальной среды с помощью установленных средств в целях благоустройства данной территориальной единицы и социального благосостояния (т. е. благоустройства в широком смысле) живущего на ней и принадлежащего к господствующему классу коллектива»³.

Л. А. Велихов также приводит цитату П. В. Сытина: «Концентрация в городах больших масс населения на сравнительно небольших пространствах земли, подвижность населения, присутствие фабрик, заводов, административных и научных учреждений – все это выдвигает в городах ряд приоритетных задач, решение которых недоступно отдельным домашним хозяйствам и не соответствует природе частнокапиталистического хозяйства, но решить которые необходимо интере-

---

¹ Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки, заметки. СПб., 1902. С. 4.

² Рисс А. Основы муниципального хозяйства / под ред. М. Д. Загряцкова. Рига : Наука и жизнь, 1914.

³ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.–Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 220.

сах всего городского населения»¹. По мнению Л. А. Велихова, в этом оправдание коммунального (муниципального, городского) хозяйства.

Как было отмечено в начале параграфа, муниципальные реформы, начавшиеся в 1990-е годы, возобновили интерес к муниципальной тематике в целом и к исследованию проблем муниципальной экономики в частности. Терминологический ряд муниципальной науки вновь стал подвергаться критическому осмыслению.

В своей статье «Что скрывается за термином „муниципальное хозяйство?“» А. И. Саурин на основе критического анализа дефиниции Л. А. Велихова представил «осовремененное» определение данного термина. «Муниципальное хозяйство есть деятельность органов местного самоуправления или организованного представительства людей, живущих концентрированно на избранной территории, при которой наивыгоднейшим образом используется материальная среда их обитания с помощью определенных средств, в целях благоустройства данной территории и социально-экономического благосостояния живущих на ней, с целью сохранения и развития данного муниципального образования»². В представленном определении, по мнению А. И. Саурина, закрепляется как ближайший род исследуемого термина – деятельность, так и его видовое отличие – в качестве субъекта этой деятельности выступает население муниципального образования в лице либо органов местного самоуправления, либо иного своего организованного представительства.

А. Г. Воронин, В. А. Лапин и А. Н. Широков определяют муниципальное хозяйство как «совокупность предприятий и учреждений, осуществляющих на территории муниципального образования хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение коллективных (общественных) потребностей населения»³.

---

¹ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.–Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 227.

² Саурин А. Что скрывается за термином «муниципальное хозяйство»? // Городское управление. 1998. № 10. С. 29.

³ Воронин А. Г., Лапин В. А., Широков А. Н. Основы управления муниципальным хозяйством : учеб. пособие. М., 1998. С. 12.

Аналогичное определение приводят Т. Д. Борисова¹, Н. А. Бердник², Ю. Р. Туманян³.

Подобную точку зрения о муниципальном хозяйстве как совокупности различных хозяйствующих субъектов, деятельность которых определяет и координирует соответствующий орган местного самоуправления, разделяет М. А. Шох⁴.

Достаточно распространенной является точка зрения о муниципальной экономике как системе экономических отношений.

С. Л. Бездольный в своем исследовании, посвященном раскрытию теоретико-методологических и организационно-экономических основ развития муниципальной экономики, приходит к выводу о том, что сущность муниципальной экономики раскрывается через систему отношений по экономическому развитию муниципального образования через деятельность органов местного самоуправления по реализации отношений муниципальной собственности и муниципальному регулированию экономического развития в интересах населения⁵. Как отмечает В. В. Хакимов, эффективное управление муниципальной собственностью должно не только принимать во внимание интересы всех сторон, но позволять находить «источники финансирования для текущего функционирования и стратегического развития территории»⁶.

И. А. Ходорич в своем исследовании также выявляет устоявшуюся среди российских ученых точку зрения о муниципальной экономике как системе эконо-

---

¹ Борисова Т. Д. Муниципальное хозяйство // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 1.

² Бердник Н. А. Сущность и особенности муниципального хозяйства, и его место в системе хозяйственных отношений // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 10(87).

³ Туманян Ю. Р. Место муниципального хозяйства и его ресурсы в системе экономических отношений // Экономический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. Т. 6, № 3 (ч. 3).

⁴ Шох М. А. Сущность муниципального хозяйства как составной части экономики региона // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2011.

⁵ Бездольный С. Л. Развитие муниципальной экономики в условиях перехода к рынку : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Ростов н/Д, 1998.

⁶ Хакимов В. В. Особенности системы управления муниципальной собственностью // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2(384). С. 221.

мических отношений, в которые вступают органы местного самоуправления в процессе производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и услуг на территории муниципального образования. По мнению И. А. Ходорич, муниципальная экономика «...так или иначе связана с деятельностью органов местного самоуправления в сфере производства общественных благ – услуг образования и здравоохранения, охраны общественного порядка, жилищно-коммунального хозяйства и социального обеспечения»¹ и в целом представляет собой совокупность субъектов хозяйствования муниципальной формы собственности, вступающих в экономические отношения по поводу производства благ для всего местного сообщества. Исходя из данного толкования, И. А. Ходорич постулирует, что муниципальная экономика включает в себя только те объекты, которыми управляют муниципальные структуры.

Для О. В. Жигарь также характерен субъектно-отношенческий подход при рассмотрении муниципальной экономики: «...муниципальная экономика – это система экономических отношений, в которые вступают органы местного самоуправления в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг на территории муниципального образования. К числу традиционных отраслей муниципальной экономики относятся: снабжение населения водой, газом, теплом, электроэнергией; канализация и переработка сточных вод; вывоз и переработка мусора; городской и пригородный пассажирский транспорт; общественное питание; социальные услуги»². К основным системообразующим элементам муниципальной экономики О. В. Жигарь относит:

1) финансово-хозяйственные отношения между органами местного самоуправления и муниципальными предприятиями (учреждениями), органами местного самоуправления и органами государственной власти, органами местного самоуправления и государственными предприятиями (учреждениями), органами

---

¹ Ходорич И. А. Развитие местного самоуправления на основе совершенствования институциональной среды муниципальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Шахты, 2009.

² Жигарь О. В. Муниципальная экономика как система экономических отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9(147). С. 79.

местного самоуправления и частными предпринимательскими структурами, органами местного самоуправления различных муниципальных образований;

2) властные отношения между органами местного самоуправления и всеми остальными субъектами муниципальной экономики с целью регулирования социально-экономического развития территорий¹.

Е. А. Юшина дает следующее определение: «Муниципальное хозяйство – это экономическая категория, выражающая отношения между органами местного самоуправления, имеющими двойственную природу (властную (политическую) и хозяйственную (экономическую), и субъектами хозяйственной и иной общественно значимой деятельности по поводу использования местных ресурсов исходя из коллективных интересов местного сообщества». В то же время, по мнению автора, это «инструмент, с помощью которого органы местного самоуправления осуществляют экономическую и хозяйственную деятельность на территории муниципального образования»².

В. Б. Зотов и З. М. Макашева характеризуют муниципальную экономику как «...хозяйственные подсистемы, характеризующие потенциальные возможности в пределах муниципального образования, которые обеспечивают его жизнедеятельность»³.

Р. В. Бабун совершенно справедливо отмечает, что среди специалистов нет единой точки зрения о том, что следует называть муниципальной экономикой или что следует считать объектом ее деятельности, и заключает, что «...муниципальная экономика – это экономика оказания услуг населению... Предмет ее деятельности – мобилизация и наиболее эффективное использование всех экономических ресурсов территории (независимо от формы собственности) для оказания муниципальных услуг»⁴.

---

¹ Жигарь О. В. Муниципальная экономика как система экономических отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9(147). С. 81.

² Юшина Е. А. Муниципальное хозяйство как объект муниципального управления // Микроэкономика. 2010. № 4. С. 100.

³ Зотов В. Б., Макашева З. М. Муниципальное управление : учебник. М., 2003. С. 64.

⁴ Бабун Р. Предмет и функции муниципальной экономики // Вестник Челябинского университета. Сер. 7: Государственное и муниципальное управление. 2003. № 1. С. 51.

Ряд авторов приводят комплексные, развернутые определения муниципальной экономики или муниципального хозяйства.

По мнению Э. Э. Маркварта, муниципальная экономика охватывает «любые формы, в которых органы местного самоуправления (муниципалитеты) принимают участие в экономической жизни. Сюда относятся стимулирование производства и приобретение товаров, получение и оказание услуг, участие в развитии производственной и социально-культурной инфраструктуры путем инвестирования в нее, содействие развитию частного предпринимательства, а также лицензирование, дача разрешений, контроль за предпринимательской деятельностью»¹.

В более узком смысле под муниципальной экономикой Э. Э. Маркварт понимает непосредственно предпринимательскую деятельность муниципалитетов, в ходе которой органы местного самоуправления создают, участвуют либо приобретают предприятия в сферах, в которых при определенных условиях могли бы активно действовать и частные предприниматели, осуществляющие свою деятельность с целью получения прибыли.

В более поздних работах Э. Э. Маркварта содержание муниципального хозяйства трактуется с позиций системного подхода: автор указывает, что, помимо хозяйствующих субъектов, муниципальное хозяйство включает сложную многоуровневую систему взаимосвязей и отношений по поводу предоставления муниципальных услуг, возникающих между их потребителями, производителями и органами местного самоуправления².

А. В. Никитин в своем исследовании, нацеленном на анализ социально-экономических основ муниципального хозяйства, приводит аргументы о том, что муниципальное хозяйство формирует основные сферы жизнеобеспечения населения, является экономической базой местного самоуправления, мобилизует и использует ресурсно-производственный и социальный потенциал первичных территориальных структур – муниципальных образований, имеет большое значение

---

¹ Берр Х., Маркварт Э., Исупова С. Муниципальная экономика. Администрация, благожелательная к предпринимателям. Концепции и образцы документов. М., 1997. С. 54.

² Маркварт Э. Э. Муниципальное хозяйство как объект управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. № 3. С. 150.

в организации отраслей социальной сферы. При этом содержание муниципального хозяйства раскрывается в виде комплексного и самодостаточного социально-экономического института, включающего объекты муниципальной собственности и хозяйственные структуры, относящиеся к компетенции органов местного самоуправления, а также частные, акционерные и другие структуры, действующие на территории муниципальных образований, формирующие их экономику и предопределяющие условия жизнедеятельности населения¹.

К. А. Николаев и В. К. Николаев, рассматривая вопросы «муниципальной» терминологии, считают целесообразным предложить такое определение: «...муниципальное хозяйство или муниципальное хозяйствование есть совокупность действий муниципального сообщества, органов местного самоуправления, домохозяйств, предпринимателей, предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории муниципального образования и порождаемых ими отношений, обусловленная муниципальными интересами, единством социально-экономического, культурно-информационного пространства при конкретной комбинации муниципальных ресурсов и выступающая как единое целое ради решения вопросов местного значения, способствующая рациональному использованию материальной среды обитания на пользу всех жителей муниципального образования»². При этом ученые выделяют два основных подхода в понимании сущности термина «муниципальное хозяйство»:

1) институциональный, основывающийся на толковании муниципального хозяйства как некоей совокупности хозяйствующих субъектов, ограниченной: видом собственности; территорией, на которой осуществляется эта деятельность; определенным характером деятельности;

2) деятельностный, основывающийся на толковании муниципального хозяйства как конкретной деятельности и порождаемых ею определенных отноше-

---

¹ Никитин А. В. Муниципальное хозяйство в России: социально-экономические основы и направления развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. М., 2003.

² Николаев К. А., Николаев В. К. Муниципальное хозяйство и муниципальное управление // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 2. С. 20.

ний, будь то экономических или связанных с предоставлением муниципальных и прочих услуг населению муниципального образования¹.

П. Е. Анимица выделяет пять особенностей муниципальной экономики²:

- 1) блага и услуги предназначены для удовлетворения потребностей прежде всего местного сообщества;
- 2) роль и значение муниципальной экономики определяются ее полезностью для других территорий, обеспечения интересов региона и страны;
- 3) функционирование муниципальной экономики должно строиться на сочетании экономической эффективности и социальной ответственности;
- 4) рыночный механизм не может и не должен напрямую регулировать муниципальную экономику и предоставление общественных благ;
- 5) главная цель – повышение качества жизни жителей муниципального образования.

Кроме этого, можно отметить, что муниципальная экономика отличается сравнительно меньшими ресурсными возможностями, находясь на нижнем уровне государственного управления, и одновременно наиболее полной информацией о потребностях занимаемой территории.

Е. Г. Анимица выделяет три подхода к трактовке понятия «муниципальная экономика»:

- 1) формальный («экономика, осуществляющаяся в пределах муниципального образования», т. е. вся совокупность экономических отношений, возникающих в процессе деятельности всех организаций на территории муниципалитета, объединенных инфраструктурой, финансовыми и иными связями);
- 2) муниципальный (к муниципальной экономике относится «только совокупность объектов муниципальной формы собственности и отношения между ними»);

---

¹ Николаев К. А., Николаев В. К. Муниципальное хозяйство и муниципальное управление // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 2. С. 19.

² Анимица П. Е. Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005. С. 28–29.

3) деятельностно-организационный (границы муниципальной экономики совпадают с границами полномочий ответственности (их функций и компетенций) органов местного самоуправления, а муниципальная экономика – это «экономика оказания услуг населению на местном уровне»¹).

При этом сам исследователь присоединится к точке зрения о том, что под муниципальной экономикой следует понимать систему экономических отношений, возникающих в пределах муниципального образования между домохозяйствами, субъектами различных форм собственности и органами власти и управления, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных культурных и духовных благ в целях достижения экономических, социальных и иных интересов населения местного сообщества².

Е. Г. Анимица дает также узкое определение муниципальной экономики – «это система (совокупность) экономических отношений, возникающих в пределах муниципальных образований, между органами местного самоуправления и экономическими субъектами (в том числе домохозяйствами) по поводу решения самостоятельно и под свою ответственность вопросов местного значения исходя из интересов муниципального образования»³.

Развитие муниципальных экономик и муниципальных районов в том числе в данный момент определяются множеством трендов и концепций: цифровая экономика, новая индустриализация, новая нормальность⁴. Каждая из них вносит изменения в понимание роли элементов муниципальной экономики: домохозяйств, органов местного самоуправления, предприятий. Вне зависимости размера и ресурсов микроэкономики вынуждены в полной мере отвечать вызовам современности, таким как демографические – старение населения (серебряная экономика).

---

¹ Анимица Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // *Пространственная организация общества* : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. С. 31–33.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 34.

⁴ Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // *Экономика региона*. 2016. Т. 12, вып. 2.

Таким образом, выражение сущности муниципального района в контексте приведенных выше подходов к муниципальной экономике и муниципальному хозяйству представляется следующим (рисунок 2).

Рисунок 2 – Сущностно-содержательная интерпретация муниципального района в контексте теории муниципальной экономики

Во-первых, широкое толкование муниципальной экономики позволяет интерпретировать муниципальный район как пространство, в пределах которого формируется и развивается система экономических отношений между населением, хозяйствующими субъектами всех форм собственности, органами власти и управления, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления, т. е. в воспроизводственном процессе на муниципальном уровне.

Во-вторых, узкое толкование муниципальной экономики позволяет интерпретировать муниципальный район как пространство, в пределах которого формируется и развивается система экономических отношений между органами местного самоуправления, предприятиями и учреждениями муниципальной формы собственности по поводу решения вопросов местного значения, обеспечения населения муниципальными услугами.

В-третьих, структурирование пространства муниципального района целесообразно проводить в разрезе следующих компонентов:

– виды экономической деятельности: совокупность видов экономической деятельности, преобразующих материальную среду обитания, обеспечивающих как непосредственную жизнедеятельность населения муниципального района, так и создание для нее условий;

– муниципальный интерес: является фундаментом муниципального хозяйствования, выразителем осознания объективной необходимости удовлетворения муниципальных потребностей;

– экономические агенты: совокупность хозяйствующих субъектов, органов местного самоуправления, домохозяйств, которые в совокупности участвуют в реализации вопросов местного значения и в социально-экономическом развитии муниципального района;

– стадии воспроизводственного процесса: воспроизводственный процесс, локализованный в пространстве муниципального района, как совокупность стадий производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ в целях достижения интереса местного сообщества;

– экономические отношения: между экономическими агентами, функционирующими в муниципальной экономике.

Для более полной сущностно-содержательной интерпретации муниципального района как пространства функционирования муниципальной экономики и как территории осуществления местного самоуправления необходима характеристика его экономико-правового статуса во взаимосвязи с особенностями его территориальной организации, что будет представлено далее.

1.3 Муниципальный район: понятие, сущность, особенности экономико-правового статуса

В рамках российского законодательства муниципальный район является муниципальным образованием, что предопределяет его экономико-правовой статус. В связи с этим экономико-правовой статус муниципального района представляется необходимым характеризовать с учетом более широкого статуса муниципального образования.

Большинство справочной литературы раскрывает понятие «правовой статус» как правовое положение, состояние (от лат. status); чаще всего оно понимается как совокупность прав и обязанностей гражданина, должностного лица, звена управления предприятия и т. п.¹ Данная трактовка представляется недостаточно подробной, но логичной в контексте эволюции понятия, первоначально разрабатывавшегося в конституционном праве, тесно связанного с правами и свободами человека и гражданина и лишь позже начавшего использоваться в отношении юридических лиц. Глубокий анализ содержания понятия «правовой статус» в юридической литературе, проведенный В. В. Долинской, показал, что, несмотря на необходимость восполнения законодательного пробела и более детализированной характеристики термина, ученые не достигли единства во взглядах, и в настоящий момент существует три наиболее яркие позиции по этому вопросу²:

1) правовой статус включает в себя категории прав, свобод и обязанностей, характер иных элементов является достатусным, послестатусным или надстатусным;

2) к правовому статусу относятся все правовые средства, легально определяющие и закрепляющие положение лица в обществе;

---

¹ Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М. : Ин-т новой экономики, 2007.

² Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–7.

3) в понятие правового статуса входит определенная часть правовых средств, легально определяющих и закрепляющих положение лица в обществе.

Что касается позиции В. В. Долинской, то правовед придерживается подхода, в соответствии с которым под правовым статусом «понимаются как общий правовой статус (установленный Конституцией), так и существующие на его основе и реализуемые в конкретных правоотношениях отраслевой правовой статус (определяемый нормами конкретной отрасли права), межотраслевой (определяемый комплексными правовыми институтами) и специальный правовой статус (связанный с реализацией норм ответственности)»¹. Ученый подчеркивает различие между юридическим, правовым статусом, который фокусирует внимание на модельном положении субъекта, определенном нормативными актами, и фактическим статусом («статус-кво») – существующим реально, сложившимся на практике.

При исследовании правового статуса В. В. Долинская предлагает характеризовать следующий набор элементов:

1) структурно-организационный, в том числе:

а) процедуры создания данного субъекта или признания его в качестве такового, т. е. получения определенного статуса;

б) условия прекращения такого статуса (деятельности, существования субъекта или функционирования его в определенном качестве);

2) содержательный (правосубъектность данного лица, его субъективные права, юридические обязанности и ответственность).

Дополнительное внимание должно быть уделено правовым основам деятельности субъекта, которые являются внешними по отношению к статусу юридического лица, но существенны для его юридической характеристики. В отношении муниципального образования можно заключить, что требуют пояснения его отличительные признаки, которые делают возможным признание его в качестве такового, и основные права и обязанности, характеризующие его предназначение.

---

¹ Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 9.

Муниципальное образование является территориальным публично-правовым образованием, т. е. юридическим лицом публичного права, к формам которого также относят государство, субъект Федерации, территориальные автономии, родоплеменные общины и резервации, административно-территориальные автономии¹. На основе термина «территориальный публичный коллектив» В. Е. Чиркин характеризует публично-правовое образование как территориальную структурно-функциональную форму организации такого коллектива, которая обладает собственной публичной властью, используя ее (наряду с действием на этой территории, кроме государства, органов власти других публично-властных образований) для организации и регулирования жизнедеятельности данного коллектива, считается де-факто или де-юре юридическим лицом публичного права, несет ответственность за действия (бездействие) своих органов и должностных лиц². Публично-правовое образование не может существовать без территориального коллектива, т. е. в случае с муниципальным образованием – без его населения. В качестве обязательного признака публично-правового образования, отличающего его от иных объединений граждан, Д. Б. Сергеев выделяет наличие представительного органа публичной власти (органы муниципальной власти в муниципальном образовании)³.

Одновременно муниципальное образование выступает субъектом частного права. Оно участвует в отношениях, регулируемых гражданским законодательством; к нему применяются многие нормы, регламентирующие положение юридических лиц в отношениях гражданско-правового характера. Публично-правовые образования создаются с конкретными целями, и их участие в гражданских правоотношениях определяется достижением этих целей и является следствием объективной необходимости, что ведет к отличиям публично-правовых юридических лиц по своей гражданской правоспособности как в части прав, так и обязанностей. С одной стороны, в их состав входят элементы, не присущие юридическим и физическим лицам (например, приобретение имущества в собственность по специ-

---

¹ Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 12.

² Там же. С. 59.

³ Сергеев Д. Б. Публично-правовое образование как юридическая категория // Социодинамика. 2014. № 7. Режим доступа : http://e-notabene.ru/pr/article_12819.html.

фическим основаниям (принудительное отчуждение, изъятие) или право на создание унитарных предприятий)), с другой – к ним не может применяться ряд норм, касающихся юридических лиц (в частности, нормы о создании, реорганизации и ликвидации). Наряду с этим Н. В. Постовой, В. В. Таболин, Н. Н. Черногор констатируют явную неопределенность в вопросе признания муниципального образования юридическим лицом, так как, с одной стороны, муниципальные образования – равные участники гражданских правоотношений, с другой – не объявлены юридическими лицами, а только приравнены к ним¹.

Анализ признаков юридического лица применительно к муниципальным образованиям, проведенный учеными, показал, что не все признаки хозяйствующего субъекта совпадают с признаками территориальной организации, что дает основание формулировать отдельную дефиницию для юридического лица в муниципальном праве: «юридическим лицом признается муниципальное образование (социально-территориальная, поселенческая общность), которое имеет муниципальную собственность, местный бюджет, органы местного самоуправления, может приобретать и осуществлять через органы местного самоуправления: имущественные права, отвечать по своим обязательствам своим имуществом, нести обязанности, выступать истцом и ответчиком в суде»². Как видно из определения, ключевое отличие заключается в том, что бóльшая часть действий осуществляется через органы местного самоуправления. С юридической точки зрения муниципальное образование и органы местного самоуправления дополняют друг друга, формируя полноценно функционирующий субъект права.

По мнению О. Г. Остапец, правовой статус муниципального образования можно определить как «совокупность муниципально-правовых признаков, присущих соответствующему муниципальному образованию и определяющих его место в системе публично-правовых образований»³.

---

¹ Постовой Н. В., Таболин В. В., Черногор Н. Н. Муниципальное право России : учебник / под ред. Н. В. Постового. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2016.

² Там же.

³ Остапец О. Г. Муниципальное образование как правовой феномен // Инновационная наука. 2015. Т. 1, № 3. С. 227.

Е. С. Шугрина в правовые признаки муниципального образования включает территорию, постоянно или преимущественно постоянно проживающее население, муниципальную собственность и местный бюджет, органы местного самоуправления, устав и систему муниципальных правовых актов, официальную символику¹.

Как отмечает И. Н. Ладин, «существенными элементами статуса муниципального образования являются территория, население, властные полномочия и публично значимые функции, а также наличие выборных органов местного самоуправления, публичной собственности, муниципальных налогов и сборов, местного бюджета, муниципальной символики и ряда аналогичных компонентов»². Исследователь полагает, что в таком случае под муниципальным образованием можно понимать «территорию, в границах которой население осуществляет местное самоуправление непосредственно или через органы местного самоуправления»³.

В целом нельзя не согласиться с мнением Е. Г. Анимицы, Я. П. Силина, А. Т. Тертышного в том, что «...понятие муниципального образования необходимо рассматривать как объемлющее, соединяющее в себе и понятие поселения территории, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, и понятие населения, осуществляющего местное самоуправление на этой территории»⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что предназначением муниципального образования как субъекта права является осуществление местного самоуправления.

Анализ законодательства относительно отличительных признаков муниципального образования показывает, что введенный Гражданским кодексом РФ в 1994 г. термин «муниципальное образование» подробно раскрывался в документе, который предшествовал текущему Федеральному закону от 6 октября 2003 г.

---

¹ Шугрина Е. С. Виды муниципальных образований в Российской Федерации: анализ законодательства и правоприменительной практики // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 81.

² Ладин И. Н. Понятие муниципального образования и его территориальный статус // Общество и право. 2009. № 1(23). С. 89.

³ Там же.

⁴ Анимица Е. Г., Силин Я. П., Тертышный А. Т. Основы местного самоуправления. Екатеринбург, 2006. С. 175.

№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и фактически обозначил шесть признаков муниципального образования¹:

1) поселенческий признак, т. е. это населенная территория, где проживают люди;

2) признак территориальности. Городские, сельские, иные поселения расположены в определенных границах, обозначающих территорию населенного пункта;

3) поселение является муниципальным образованием, если на его территории осуществляется местное самоуправление;

4) муниципальное образование может обладать муниципальной собственностью;

5) муниципальное образование должно иметь свой местный бюджет;

6) на территории муниципального образования должны быть выборные органы местного самоуправления.

Несмотря на отмену Закона 1995 г., эти признаки до сих пор используются правоприменителем, например, при рассмотрении споров о территориальных основах местного самоуправления, когда необходимо вынести решение о наличии или отсутствии муниципального образования на определенной территории².

Действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) вместо характеристики признаков муниципального образования ограничивается перечислением видов муниципальных образований: «муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения». Законом устанавливается двухуровневая система территориальных единиц мест-

---

¹ Постовой Н. В., Таболин В. В., Черногор Н. Н. Муниципальное право России : учебник / под ред. Н. В. Постового. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2016.

² Шугрина Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. 2014. № 4(68).

ного самоуправления (поселения – муниципальные районы), формирование которой осуществляется индивидуально в каждом субъекте РФ. Несмотря на ряд общих характеристик, муниципальные образования разного уровня и вида различаются по своему правовому статусу. Различия проявляются в следующем¹:

– установлено разное соотношение административно-территориальных единиц и вида муниципального образования;

– установлены разные критерии создания муниципальных образований (например, критерий транспортной доступности действует только в отношении муниципальных районов; пешеходной – сельских поселений); упраздняться или создаваться могут только сельские поселения;

– установлены разные перечни вопросов местного значения; об отдельных государственных полномочиях говорится в контексте муниципальных районов и городских округов;

– определены различные организационные модели местного самоуправления, основанные на разных механизмах формирования органов местного самоуправления, а также их взаимоотношения;

– существуют значительные различия в сфере бюджетных отношений; установлены разные доходные источники для разных типов муниципальных образований, в распределении межбюджетных трансфертов.

Сочетание частноправового и публично-правового элементов в статусе муниципального образования фактически означает, что, с одной стороны, они выполняют функцию регулятора хозяйственных отношений на территории, находящейся в их ведении (например, в социально-трудовой сфере²), а с другой – выступают в качестве полноправного субъекта этих отношений, способного самостоятельно расширять свой экономический потенциал (пополнять муниципальную собственность, укреплять бюджет). Муниципальное хозяйство во многом есть ре-

---

¹ Шугрина Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. 2014. № 4(68).

² Колмакова Е. М., Колмакова И. Д., Дегтярева Н. А. Роль государственных и муниципальных органов власти в развитии социально-трудовой сферы // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. 2017. № 1.

зультат действий органов местного самоуправления, которые должны быть направлены на удовлетворение коллективных потребностей местного сообщества. Проблема эффективного управления муниципальной экономикой может трансформироваться в задачу повышения ее конкурентоспособности для «создания новых центров экономического роста на основе использования конкурентных преимуществ на всех уровнях административно-территориальной иерархии»¹, или обеспечения равномерного социально-экономического внутрирегионального развития², или выхода муниципальных образований на траекторию устойчивого развития³. Н. Н. Киселева и А. Б. Тлисов считают, что вне зависимости от того, рассматривается ли конкретная территория (в том числе муниципального образования) как товар («продает услуги и инфраструктуру и таким образом становится экономическим субъектом») или как среда, в которой «формируются конкурентные преимущества экономических агентов», цель повышения ее конкурентоспособности – возможность привлечения ресурсов, в том числе инвестиций⁴.

Важным результатом деятельности муниципального образования является предоставление общественно значимых благ. Оно было бы невозможным в отсутствие публично-правового элемента в статусе муниципального образования, поскольку принципы управления муниципальной экономикой базируются на представлениях о социальной справедливости, инкорпорированных в законодательство, а механизмы рынка не должны быть определяющей силой в регулировании количества этих благ.

Можно сделать вывод о том, что взаимосвязь правовой и экономической составляющих статуса муниципального образования отчетливо проявляется в определении масштабов деятельности муниципалитета: они зависят от объема вопро-

---

¹ Копыченко Г. С. Управление конкурентоспособностью муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2015. С. 3.

² Чепик А. Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.12. М., 2015.

³ Егорычев С. А. Управление устойчивым развитием муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Оренбург, 2015.

⁴ Тлисов А. Б., Киселева Н. Н. Повышение инвестиционной конкурентоспособности территории на основе проектного управления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9(88). С. 49–50.

сов местного значения экономического содержания, а также от объема гражданской правоспособности, которые регулируются законодательно. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что экономико-правовой статус муниципального образования является приобретенным ресурсом территории.

Муниципальный район согласно Закону № 131-ФЗ объединяет несколько поселений (городских и сельских) или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ.

Сельское поселение в трактовке Закона № 131-ФЗ – один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Данное определение содержит указание на различие между сельским поселением и сельским населенным пунктом. С юридической точки зрения сельское поселение представляет собой более широкое понятие, так как оно может состоять как из одного, так и из большего числа населенных пунктов. Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (ОКАТО) выделяет существенное разнообразие сельских населенных пунктов (поселки сельского типа, хутора, кишлаки, аулы), которые кодируются в пределах группировок третьего уровня классификации, им посвящен отдельный раздел «Сельские населенные пункты».

Городское поселение определяется Законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» как город или поселок, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправле-

ния. Различия между городскими и сельскими поселениями в контексте теории муниципального управления представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные различия между городскими и сельскими поселениями

Сельские поселения	Городские поселения
Правовой статус сельского поселения	Правовой статус городского поселения
Инженерная инфраструктура частично децентрализована и поддерживается, как правило, самими жителями	Инженерная инфраструктура централизована и обслуживается специализированными службами
Преобладание сельскохозяйственных видов занятости	Преобладание несельскохозяйственных видов занятости
Наличие личного подворья у жителей, определяющего стиль и образ их жизни	Отсутствие личного подворья, ограничивающее трудовую деятельность жителей местом работы
Характер застройки: преобладает низкоэтажная, малоквартирная	Характер застройки: преобладает многоэтажная, многоквартирная
Заключаемые сделки носят, как правило, личный характер и характеризуются низким уровнем транзакционных издержек	Заключаемые сделки осуществляются, как правило, между малознакомыми людьми и характеризуются высоким уровнем транзакционных издержек
Примечание. Составлено по: Зотов В. Б., Макашева З. М. Муниципальное управление : учебник. М., 2003. С. 66–67.	

Для дальнейшей характеристики муниципального района автор считает необходимым обозначить следующие ключевые положения.

Муниципальный район относится к двухуровневой системе местного самоуправления, функционирующей в экономическом пространстве региона, объединяющем как урбанизированные, так и неурбанизированные территории, которые отождествляются с понятием сельской местности¹. Учитывая тот факт, что муниципальные районы объединяют в пределах своей территории преимущественно сельские поселения (92 % поселений, входящих в состав муниципальных районов, являются сельскими), целесообразной представляется более глубокая характеристика именно сельских поселений как компонентов муниципальных районов во взаимосвязке с положениями теории сельской экономики.

¹ Зотов В. Б., Макашева З. М. Муниципальное управление : учебник. М., 2003. С. 351.

Автор исходит из положений о том, что:

1) в пределах муниципального района как компонента муниципального устройства и территории осуществления местного самоуправления, функционирует и развивается муниципальная экономика;

2) экономика муниципального района интегрирует экономики поселений, входящих в его состав, и поскольку преимущественно данные поселения являются сельскими, то положения теории сельской экономики также применимы для данного объекта исследования;

3) экономики муниципальных районов, локализующихся в регионах разных типов (индустриальных, аграрных), имеют различную отраслевую структуру: либо с доминированием сельского хозяйства, либо с доминированием несельскохозяйственных видов деятельности (лесное хозяйство, традиционные промыслы, сбор дикорастущих трав, агротуризм и т. д.).

В связи с этим при характеристике правового статуса наибольшее внимание уделим этим двум видам муниципального образования: муниципальному району и сельскому поселению.

По нашему мнению, уточненную характеристику правового статуса муниципальных районов и сельских поселений следует давать, используя предложенные В. В. Долинской элементы правового статуса (структурно-организационный и содержательный), т. е. выявляя отличительные признаки для наделения статусом муниципального района или сельского поселения и предназначения в качестве субъекта права. Под первым подразумевается территория муниципального образования и его границы, а последнее означает компетенцию, полномочия и вопросы, находящиеся в ведении муниципального района или сельского поселения, которые в значительной степени определяют статус любого публично-территориального образования, т. е. вопросы местного значения¹. Представим сравнительную характеристику муниципального района и сельского поселения в таблице 2.

---

¹ Ильиных А. В. Проблемы сельских поселений в России: от вопросов местного значения к территориально-правовым и финансово-экономическим реалиям // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25(380). С. 44.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика муниципальных районов и сельских поселений

Критерий	Муниципальный район (МР)	Сельское поселение (СП)
Территория муниципального образования	Состав территории могут формировать только сельские и городские поселения, а также межселенные территории	В состав территории могут входить, как правило, один сельский населенный пункт или поселок с численностью населения более 1 000 чел. (для территории с высокой плотностью населения – более 3 000 чел.) и (или) объединенные общей территорией несколько сельских населенных пунктов с численностью населения менее 1 000 чел. каждый (для территории с высокой плотностью населения – менее 3 000 чел. каждый). Однако Закон № 131-ФЗ предусматривает возможность наделения сельского населенного пункта с численностью населения менее 1 000 чел. статусом СП
Границы муниципального образования	Границы МР устанавливаются с учетом необходимости создания условий для решения вопросов местного значения межпоселенческого характера органами местного самоуправления МР, а также для осуществления на всей территории МР отдельных государственных полномочий, переданных указанным органам федеральными законами и законами субъектов РФ	Границы СП, в состав которого входят два и более населенных пункта, как правило, устанавливаются с учетом пешеходной доступности до его административного центра и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в его состав, или совпадают с границами населенного пункта
Вопросы местного значения, в том числе экономического характера	37, из них доля экономических вопросов 19 % (дополнительно к вопросам местного значения СП выделены вопросы выравнивания уровня бюджетной обеспеченности поселений в составе МР и развитие курортов местного значения и лечебно-оздоровительных местностей). МР также обладает правами на решение 12 вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения МР, в том числе правом на создание условий для развития туризма	13, из них 38 % относятся к сфере экономики (составление, утверждение и исполнение бюджета СП; установление, изменение, отмена местных налогов и сборов; владение, пользование, распоряжение муниципальным имуществом; создание условий для обеспечения жителей услугами связи, общественного питания, торговли, бытового обслуживания; содействие развитию сельскохозяйственного производства, малого и среднего предпринимательства). СП также обладает правами на решение 15 вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения СП, в том числе правом на создание условий для развития туризма

Примечание. Составлено по: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Статус сельского поселения или муниципального района присваивается законом субъекта РФ при формировании муниципального устройства. При этом сельское поселение – единственный вид муниципальных образований, упразднение которого прямо допускается Законом № 131-ФЗ. Упразднение возможно при одновременном соблюдении следующих условий:

1) упраздняемое поселение расположено на территории с низкой плотностью сельского населения и (или) в труднодоступных местностях;

2) численность населения сельского поселения составляет не более 100 чел.

Создание вновь образованных поселений на межселенных территориях осуществляется с согласия населения муниципального района, выраженного его представительным органом, законами субъектов Российской Федерации по инициативе населения, выдвинутой на сходе граждан, проживающих в населенном пункте, расположенном на межселенных территориях, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти в соответствии с Законом № 131-ФЗ. Наделение статусом сельского поселения или лишение такого статуса возможно и в случае преобразований муниципального образования, предусмотренных ст. 13 Закона № 131-ФЗ.

Можно сделать вывод о том, что сельское поселение является базовым «кирпичиком» системы муниципалитетов: с одной стороны, оно является составной частью муниципалитета верхнего уровня (муниципального района), а с другой – это один из двух типов муниципальных образований, который может создаваться с нуля, а затем последовательно преобразовываться в другие типы муниципальных образований.

Как видно из таблицы 2, в основу выделения территорий сельских поселений положены географические (пешеходная доступность, текущие и перспективные границы населенных пунктов), а также демографические (пороговые значения численности жителей населенных пунктов применительно к территориям с различной плотностью населения) критерии. Экономические (наличие финансов и имущества, достаточных для оказания муниципальных услуг) или организационные (работоспособность системы управления, прежде всего дееспособность ор-

ганов местного самоуправления) критерии в качестве юридически значимых для сельских поселений не определены¹.

Низкая (в два раза меньше, чем у сельского поселения) доля вопросов местного значения экономического характера в муниципальном районе компенсируется наличием полномочий для создания сравнительно более благоприятных условий для ведения бизнеса на территории конкретного муниципального образования (например, в вопросы местного значения муниципального района входит дорожная деятельность, часть полномочий по организации электро- и газоснабжения, осуществление мер по противодействию коррупции и др.).

За сельским поселением закреплены только те вопросы местного значения, которые, с одной стороны, наиболее значимы для них, с другой – соизмеримы с их организационными и финансово-экономическими возможностями. Однако федеральный законодатель учел, что уровень социально-экономического развития сельского поселения, система организации в них местного самоуправления различаются по разным субъектам РФ и даже по разным муниципальным районам и самим сельским поселениям. В связи с этим законодательством предусмотрена возможность расширять законами субъектов РФ (и принятыми в соответствии с ними уставами) перечень вопросов местного значения сельского поселения за счет отнесения к их компетенции иных вопросов из числа вопросов местного значения городских поселений, названных в ч. 1 ст. 14 Закона № 131-ФЗ.

Следует подчеркнуть, что за сельскими и городскими поселениями закреплено «содействие в развитии сельскохозяйственного производства», за муниципальным районом – «создание условий для развития сельскохозяйственного производства в поселениях», в то время как за городским округом и внутригородским районом – «создание условий для расширения рынка сельскохозяйственной продукции», т. е. законодательно делается акцент на значение сельскохозяйственного производства для развития сельского поселения и муниципального района. Соот-

---

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»/ кол. авт. : И. В. Бабичев, В. В. Волков, А. В. Мадьярова и др. ; под ред. И. В. Бабичева, Е. С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.

ветственно, особенности экономико-правового статуса муниципального района и сельского поселения связаны с тем, что на формирование экономической основы местного самоуправления муниципальных районов оказывают влияние закономерности функционирования сельской экономики. Согласно мнению российского ученого Д. А. Сюсюры, существуют объективные особенности экономических отношений в сельской местности, в том числе¹:

- исходная цель развития экономических отношений в сельской местности – создание лучших условий для жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека;
- направленность на использование ресурсов и возможностей, специфических для конкретной сельской территории;
- пространственная распределенность, удаленность объектов производственной инфраструктуры, низкий уровень диверсификации экономики;
- удаленность от крупных торговых логистических и административных центров;
- относительно низкий уровень развития рыночной инфраструктуры;
- низкая концентрация трудовых ресурсов и относительная ограниченность рынка труда;
- значительная ориентация на самообеспеченность территории, тесная связь потребителей, производителей, продавцов в пределах территории;
- важная роль в экономике (производстве) индивидуального труда или результатов труда конкретного человека, относительно низкий уровень внутренней конкуренции производителей;
- большая роль в экономике (реализации) индивидуальных возможностей и ресурсов для удовлетворения потребностей конкретного человека, относительно низкий уровень внутренней конкуренции потребителей;
- тесная связь производственного и социального аспекта жизнедеятельности населения, вызванная ограниченным разнообразием мест трудоустройства и общим местом проживания (заселения).

---

¹ Сюсюра Д. А. К вопросу идентификации сельской экономики // Проблемы современной экономики. 2010. № 3(35). С. 418–420.

Сельская экономика как направление экономической науки фокусируется на углубленном изучении положений экономической теории и прикладных дисциплин применительно к отраслям, составляющим основу жизнедеятельности села и сельской местности. В рамках пространственной экономики возможен детальный анализ территориального аспекта развития сельской экономики, однако другие аспекты, связанные с сельской местностью и исследуемые сельской экономикой, лежат вне прямой специализации пространственной экономики, несмотря на мультидисциплинарность ее подходов. Среди таких аспектов функционирования и развития сельской экономики можно назвать экономический, экологический, географический, демографический, а также социальный и культурный.

В пространственной экономике муниципальные районы как территории концентрации сельских поселений изучаются с позиции территории, места размещения определенных видов экономической деятельности, преимущественно сельскохозяйственных, а также как форма расселения, что ограничивает область теоретических положений о сущности муниципальных районов и сельских поселений территориальной спецификой, особенно в рамках территориального подхода, в то время как сельская экономика позволяет наиболее полно осветить прикладные вопросы, касающиеся влияния отраслей, функционирующих в муниципальных районах. В связи с этим целесообразным представляется рассмотреть и характеризовать муниципальные районы и входящие в их состав сельские поселения в контексте положений теорий сельской экономики.

Формирование сельской экономики как направления экономической науки, объединившего в себе положения теории фирмы и теорий маркетинга и организации, приходится на конец XIX века. На протяжении XX века она развивалась в основном как эмпирическая отрасль экономики, поскольку сельское хозяйство исторически играло важную роль в национальных экономиках. С 1960-х годов, когда сельскохозяйственные секторы экономик стран ОЭСР начали сжиматься из-за снижения цен на сельскохозяйственные товары, вызванного перепроизводством, усугубившегося в результате быстрых технологических изменений и роста производительности на фоне неэластичного спроса, внимание ученых-аграрников сме-

стилось в область проблем развития бедных стран, последствий торговли и макроэкономической политики в сельском хозяйстве в богатых странах, а также к ряду вопросов, касающихся производства, потребления, окружающей среды и использования ресурсов. Это существенно расширило предмет и область исследования сельской экономики.

Теоретически сельская экономика базируется на достижениях политической экономии и теории фирмы применительно к формам организации сельскохозяйственного производства (фермы, крестьянские хозяйства). В отношении первого основания необходимо отметить, что, как и все политэкономы XVIII века, А. Смит не мог игнорировать аграрный вопрос, даже если и придавал ему меньшее значение, чем физиократы. В его сочинениях, а также в работах Д. Рикардо, И. фон Тюнена и Т. Мальтуса раскрыты вопросы, касающиеся специализации в сельском хозяйстве, отдачи от капиталовложений в землю как фактор производства, расстояния до рынка сбыта сельскохозяйственной продукции, а также долгосрочные последствия роста в арифметической прогрессии производства продуктов питания и роста в геометрической прогрессии спроса на них ввиду увеличения народонаселения. Значительная часть «Богатства народов...» (1776 г.) посвящена сельскому хозяйству, включая различия в потенциале для специализации на сельском хозяйстве или промышленности, а также искусству земледелия на микроэкономическом уровне. Вслед за физиократами А. Смит подчеркивал роль сельского хозяйства как хранилища национального богатства и отмечал, что в сравнении с промышленностью земледелие более выгодно для приложения капитала, поскольку такие вложения менее рискованны, чем вложения в промышленное производство: «...при одинаковой или почти одинаковой прибыли мануфактурам, естественно, отдается предпочтение перед внешней торговлей по той же причине, по какой земледелие, естественно, предпочитается мануфактурам»¹. Д. Рикардо в «Началах политической экономии и налогового обложения» (1821 г.) размышлял на тему земельной

---

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2009. С. 384.

ренды «за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы»¹ как постоянного фактора производства. Он проводил различие между повышением производительности за счет улучшения качества почв и технологических нововведений и влиянием на стоимость земли государственной политики (например, налоговой), а также капитализации других вложений в землю. В труде И. фон Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826 г.) проведен анализ соотношения между расстоянием до рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и рентой, результаты которого представлены в виде диаграммы концентрических колец использования земель вокруг рыночного центра, что сделало его автора, по мнению А. Маршалла, первым экономистом-аграрником из тех, кто послужил источником вдохновения для маржиналистов². Важным достижением модели И. фон Тюнена явилось то, что она показала роль пространства и расстояния в объяснении сельской экономической деятельности.

Классическая политическая экономия не могла не вводить в свой анализ сельское хозяйство ввиду его роли в экономике, однако объектом специализированного изучения оно стало лишь к концу XIX века, после маржиналистской революции, когда в экономической науке стали доминировать методологические принципы маржинализма (методологический индивидуализм, статический подход, исследование равновесного состояния, экономическая рациональность (максимизация хозяйственными субъектами своих функций), предельный анализ и математизация). Принципы маржинализма сформировали второе основание сельской экономики. В частности, дальнейшая разработка теории фирмы А. Маршалла и попытки измерить и статистически обосновать соотношение между затратами на производство, ценами на продукцию и прибылью фермерских хозяйств придали этому направлению экономической науки более прикладной характер.

---

¹ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М. : Эксмо, 2009. С. 112.

² Runge C. F. Agricultural Economics: A Brief Intellectual History (Working Paper WP06-1). St. Paul, MN : Center for International Food and Agricultural Policy, 2006. P. 5.

Последующее развитие сельской экономики в значительной степени определялось развитием сельского хозяйства в конкретной стране. Так, например, в США из-за затянувшегося кризиса фермерских хозяйств 1870–1890-х годов повестку сельской экономики заняли вопросы маркетинга и организации. Объединенные трудовыми интересами фермеры искали такие торговые точки и способы организации сбыта, которые дали бы им бóльшую торговую мощь, – например, кооперативы, популярные в Северной Европе и Скандинавии, откуда родом были многие из них¹. Пристальное внимание уделялось вопросу управления трудовыми, техническими и научными аспектами сельскохозяйственного производства в фермерских хозяйствах, особенно в части агрономии.

Появление теории семейно-трудового хозяйства А. В. Чаянова также во многом обусловлено историческими и идейными условиями общественной жизни России конца XIX – начала XX века, в том числе кризисом помещичьего хозяйства и развитием крестьянских подворий, на которые сместился центр сельскохозяйственного производства². Неслучайным в контексте развития теоретических основ сельской экономики оказывается использование А. В. Чаяновым маргиналистски оформленного терминологического аппарата: предельные затраты и полезность предельного рубля выработки работника.

Вклад А. В. Чаянова и его единомышленников А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, А. А. Рыбникова в теорию сельской экономики сложно переоценить, особенно в контексте необходимости изучения некапиталистических форм хозяйствования. Сам исследователь еще в 1927 г. подчеркивал важность теоретического анализа феномена крестьянского хозяйства: «Обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных, основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно особые мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности»³. А. В. Чаянов делает

---

¹ Runge C. F. Agricultural Economics: A Brief Intellectual History (Working Paper WP06-1). St. Paul, MN : Center for International Food and Agricultural Policy, 2006. P. 5.

² Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М. : Экономика, 1989. С. 27.

³ Там же. С. 114.

вывод: «...когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Африка и Азия с их своеобразными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем»¹. В середине 1960-х годов его труды были вновь открыты зарубежными учеными (сельскими социологами, антропологами, этнологами), когда фокус сельской экономики сместился в сторону изучения проблем развивающихся стран, характеризовавшихся традиционной экономической системой, преимущественно сельским населением и доминированием в структуре экономики сельского хозяйства, и до сих пор не теряют своей актуальности для исследования малых форм хозяйствования в аграрном секторе².

До середины 1970-х годов рост сельской экономики ассоциировался с увеличением аграрного производства, однако в последней четверти XX века стала объективно возрастать роль несельскохозяйственных видов деятельности, размещенных в сельской местности. Таким образом, сельская экономика сфокусировалась на изучении экономики *села* как системы «отраслей и видов деятельности, включающих в себя, кроме сельского и лесного хозяйства, добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, сферы услуг, функционирующие в сельской местности, а также инфраструктуру»³.

В контексте широкого спектра тем исследований в рамках сельской экономики необходимо еще раз обозначить различие между сельской и аграрной экономикой. Как отмечает С. В. Киселев, в точном значении их нельзя рассматривать как синонимы, поскольку аграрная экономика – это экономика аграрного сектора (сельского хозяйства). Иными словами, аграрная экономика как часть экономиче-

---

¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М. : Экономика, 1989. С. 143.

² См., например: Tannenbaum N. The Misuse of Chayanov: Chayanov's Rule and Empiricist Bias in Anthropology // *American Anthropologist*. 1984. Vol. 86, iss. 4; Schulman M. D., Newman B. A. The Persistence of the Black Farmer: The Contemporary Relevance of the Lenin-Chayanov Debate // *Rural Sociology*. 1991. Vol. 56, iss. 2; Chayanov, Peasants, and Economic Anthropology / ed. by E. P. Durrenberger. Orlando, FL : Academic Press, 1984; Sartorius K., Sartorius B., Tollman S. et al. Rural Poverty Dynamics and Refugee Communities in South Africa: A Spatial-Temporal Model // *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, iss. 1.

³ Киселев С. В. Сельская экономика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 19.

ской теории изучает использование ограниченных ресурсов в производстве, переработке, реализации и потреблении продовольствия. Е. В. Серова пишет, что «аграрная теория состоит из двух основных частей: экономической теории особенностей собственно сельского хозяйства и экономической теории аграрной политики»¹. Несколько иначе рамки аграрной экономики обозначает К. Рандж: «...с 1970-х годов семь исследовательских тем вносили наиболее значительный вклад в аграрную экономику: влияние технологических изменений и инвестиций в человеческий капитал; состояние окружающей среды и ресурсной базы; торговля и экономическое развитие; риск и неопределенность в сельском хозяйстве; ценообразование и стабилизация доходов; структура рынка и организация сельскохозяйственных предприятий; цепочки потребления и поставок продовольствия»².

На начальных этапах формирования аграрная и сельская экономика (англ. agricultural economics и rural economics / rural area economics / economics of rural places) учеными не различались по объекту исследования и объему исследуемых тем. Подтверждением тому служит статья Дж. Айза 1920 г., в которой автор указывал на то, что существует три группы сельских экономистов и, соответственно, три точки зрения на исследовательское поле *сельской* экономики:

1) сельская экономика включает не только ту часть экономики, которая относится непосредственно к сельскому хозяйству, но также управление фермерским хозяйством (таким образом, проблемы фермера рассматриваются не только с социальной позиции, но и с позиции индивидуума);

2) к сельской экономике относится только часть экономики, которая связана с сельским хозяйством, без управления фермерским хозяйством;

3) такого направления экономической науки, как сельская экономика, не существует, есть только сочетание обычной экономики с одной стороны и сельского хозяйства – с другой³.

---

¹ Серова Е. В. Аграрная экономика : учебник. М. : ГУ ВШЭ, 1999. С. 8.

² Runge C. F. Agricultural Economics: A Brief Intellectual History (Working Paper WP06-1). St. Paul, MN : Center for International Food and Agricultural Policy, 2006. P. 15–16.

³ Ise J. What is Rural Economics // The Quarterly Journal of Economics. 1920. Vol. 34, no. 2. P. 300–301.

Дж. Айз пишет о сельской экономике (rural economics), но фактически имеет в виду аграрную. Чуть дальше он замечает, что «большинство из того, что обычно называют „сельская экономика“, или „аграрная экономика“, или „экономика сельского хозяйства“, это в чистом виде сельское хозяйство»¹, и не видит перспектив для аграрной и сельской экономики, утверждая, что со временем это направление разделится на более частные вопросы, такие как проблемы права собственности на землю, маркетинг фермерских продуктов, сельские кредиты, кооперация². Однако очевидно, что и аграрная, и сельская экономика продолжают развиваться и оставаться отдельными направлениями экономической науки, хотя и существенно пересекаются с другими. Одновременно ни одна из них полностью не включает в себя другую.

Представление же о сельской экономике как об аграрной связано с длительным доминированием последней в структуре экономической деятельности сельских районов³. В настоящее время «агроцентричное» понимание сельской экономики не является, по нашему мнению, правомерным. В современной научной литературе граница между сельской и аграрной экономикой очерчена достаточно четко. Э. Касл пишет, что сельская экономика относится к изучению экономической деятельности и экономических проблем сельской, находящейся вне города части экономики, при этом понятие «сельская экономика» равноценно термину «экономика сельских территорий» (rural area economics и economics of rural places), что в сумме требует, чтобы экономические проблемы сельской местности рассматривались с иных позиций, нежели аграрные феномены⁴. Среди факторов, формирующих специфику исследования сельской экономики, по его мнению, следует выделить малонаселенность территорий, многообразие условий, а также взаимозависимость с городскими и мировой системами, так как именно они определяют параметры функцио-

---

¹ Ise J. What is Rural Economics // The Quarterly Journal of Economics. 1920. Vol. 34, no. 2. P. 308.

² Ibid. P. 311.

³ Киселев С. В. Сельская экономика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 19.

⁴ Castle E. N. The Economics of Rural Places and Agricultural Economics // Western Agricultural Economics Association Annual Meetings. Vancouver, 2000. P. 2.

нирования сельских экономик¹. Малонаселенность означает, что пространство и расстояние играют важную роль. Многообразие делает сложным обобщение. Сельское хозяйство может доминировать в структуре одних сельских территорий, но в целом обеспечивать незначительный объем трудоустройства в сельской местности. Взаимозависимость означает, что существенные проблемы сельской местности редко могут быть решены в отрыве от городских и мировой систем. Можно утверждать, что сельская экономика как направление экономической науки позволяет обеспечить сельское измерение при изучении проблем в ряде областей, среди которых землепользование, неравномерное экономическое развитие, региональное управление и местное самоуправление, образование, здравоохранение, сельская бедность, окружающая среда, предоставляя больше исследовательских возможностей, чем аграрная экономика, сосредоточенная на одном секторе.

Характеризуя сельскую экономику как объект изучения, российский ученый Д. А. Сюсюра понимает ее как «все многоукладное хозяйство сельской территории, представленное совокупностью хозяйствующих субъектов, отраслей и видов деятельности, связанных использованием сельских ресурсов и занятостью сельского населения»², фактически выделяя два основных признака для объединения субъектов экономических отношений, различных отраслей и видов деятельности в сельскую экономику:

1) использование ресурсов определенной сельской территории в производстве, обмене и потреблении;

2) занятость сельского населения.

В целях сущностной идентификации муниципальных районов и входящих в их состав сельских поселений в контексте сельской экономики требуется внести ясность в термин «сельский» и критерии отнесения к нему, поскольку терминологический аппарат сельской экономики основывается на множестве понятий, включающих его.

---

¹ Castle E. N. The Economics of Rural Places and Agricultural Economics // Western Agricultural Economics Association Annual Meetings. Vancouver, 2000. P. 3.

² Сюсюра Д. А. Управление многофункциональной сельской экономикой : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2013. С. 15–16.

Согласно словарю С. И. Ожегова «сельский» значит «относящийся к жизни и деятельности внегородских поселений, деревенский»¹, т. е. в самом общем значении сельский в отношении местности, территории, района, поселения (населенного пункта) – находящийся вне городов, за пределами урбанизированных ареалов. Принцип противопоставления городу, городскому является основным при определении сельского, так как в целом «сельский» (как и «городской») – это многомерный термин, вмещающий разные характеристики. В экономическом контексте определяющим признаком в одних случаях может быть плотность и численность населения, в других – географическая изолированность территории.

Анализ критериев «сельского», представленный Службой экономических исследований Министерства сельского хозяйства США (Economic Research Service of the U. S. Department of Agriculture), предлагает исследователям выбрать из нескольких альтернатив в зависимости от поставленной цели².

Первая – классификация, предлагаемая Бюро переписи населения США (U. S. Census Bureau), основанная на плотности и количестве населения. В соответствии с ней сельские территории включают открытую сельскую местность (open countryside) с плотностью населения меньше 500 чел. на квадратную милю и поселения с менее чем 2 500 жителями. Городские территории (urban areas) делятся на два типа: урбанизированные территории (urbanized areas) с населением более 50 000 чел. и городские кластеры (urban clusters) с населением от 2 500 до 50 000 чел. В целом городские территории должны обладать ядром с плотностью населения 1 000 чел. на квадратную милю и прилегающей территорией с плотностью как минимум 500 чел. на квадратную милю. К «сельскому» относится все население, жилой фонд и территория, не включенные в категорию «городское».

Вторая – использование данных по территориям, не являющимся метрополиями (nonmetropolitan/nonmetro areas), определенных Административно-бюджетным управлением (Office of Management and Budget) на основе округов (counties)

---

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1998.

² What is rural? // National Agricultural Library of the US Department of Agriculture. URL : <https://www.nal.usda.gov/ric/what-is-rural>.

или эквивалентных административно-территориальных единиц (parishes (приходы), borough (боро)). Эта концепция имеет экономико-региональный характер, так как, с одной стороны, основана на административно-территориальном устройстве, с другой – на значительной социально-экономической интеграции (в том числе рынков труда), измеряемой с помощью транспортных связей. В соответствии с ней выделяют территории-метрополии (metro), территории-микрополии (nonmetro, micropolitan) и территории, не имеющие ядра (nonmetro, noncore). Территории-метрополии имеют как минимум одну урбанизированную территорию с численностью свыше 50 000 чел. в сочетании с прилегающей территорией с высокой степенью социально-экономической интеграции с ядром. Территории-микрополии имеют как минимум один городской кластер с населением от 10 000 до 50 000 чел. в сочетании с прилегающей территорией с высокой степенью социально-экономической интеграции с ядром. Интерес для исследователей сельских территорий представляют последняя категория и округа, не имеющие ядра, центра. Однако, как указывается в Стандартах по определению территорий-метрополий и микрополий, данная классификация не может быть приравнена в чистом виде к разделению территорий на сельские и городские, а существует главным образом для статистических целей (сбор, систематизация статистических данных на федеральном уровне), так как округа сочетают в себе разные типы территорий¹.

Непосредственно Служба экономических исследований Министерства сельского хозяйства США отслеживает данные по трем категориям территорий: открытая сельская местность, сельские города с населением менее 2 500 чел. и городские территории с населением от 2 500 до 49 999 чел. Что касается других случаев, например, соответствия требованиям для участия в программах здравоохранения или статистики по образовательным учреждениям, то соответствующие государственные структуры, как правило, уточняют значение критериев (численности населения, плотности и др.) отдельно, поскольку согласно позиции, обозначенной Министерством здравоохранения и социальных служб США, Бюро пере-

---

¹ Standards for Delineating Metropolitan and Micropolitan Statistical Areas (Revised on February 28, 2013). Washington, DC : Office of Management and Budget, 2010.

писи преувеличивает численность сельского населения, а классификация Административно-бюджетного управления – преуменьшает¹.

Методика ОЭСР также базируется на численности и плотности населения и городских центрах, расположенных в пределах региона². Методика состоит из трех этапов.

1. Классификация «локальных единиц» (может использоваться муниципальное устройство, административно-территориальное деление). Локальные единицы считаются сельскими, если плотность населения ниже 150 чел. на квадратный километр (500 чел. в случае Японии и Кореи ввиду того, плотность населения в этих странах превышает 300 чел. на квадратный километр), в остальных случаях – городскими.

2. Объединение локальных единиц в регионы с последующей классификацией как преимущественно городских регионов (*predominantly urban*), в значительной степени сельских регионов (*intermediate*), преимущественно сельских регионов (*predominantly rural*) с использованием процентного соотношения населения, проживающего в сельских локальных единицах (п. 1):

– преимущественно городские регионы: доля населения, проживающего в сельских локальных единицах, ниже 15 %;

– в значительной степени сельские регионы – от 15 до 50 %;

– преимущественно сельские регионы – выше 50 %.

3. Учет размера городских центров в регионах (п. 2) и корректировка классификации по следующим правилам:

– регион, классифицированный как преимущественно сельский в п. 1 и 2, становится в значительной степени сельским, если включает городской центр с численностью населения более чем 200 000 чел. (500 000 чел. для Японии и Кореи), составляющих как минимум 25 % населения региона;

---

¹ Defining Rural Population / Health Resources & Services Administration. URL : <https://www.hrsa.gov/ruralhealth/aboutus/definition.html>.

² OECD Regional Typology. Paris : OECD Directorate for Public Governance and Territorial Development, 2011. URL : https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf.

– регион, классифицированный как в значительной степени сельский в п. 1 и 2, становится преимущественно городским, если включает городской центр численностью населения более чем 500 000 чел. (1 000 000 чел. для Японии и Кореи), составляющих как минимум 25 % населения региона.

В рамках расширенной версии этой методики (пять типов регионов) дополнительно вводится критерий удаленности от центра (время в пути на автомобиле для как минимум 50 % населения региона до центра (ближайшего населенного пункта с численностью свыше 50 000 чел.)).

Федеральная служба государственной статистики РФ оперирует наиболее общими определениями сельской территории и сельской местности из Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», сформулированными в соответствии с муниципальным устройством страны: сельские территории – территории сельских поселений и межселенные территории; сельская местность – совокупность сельских населенных пунктов¹. Некоторые документы не проводят и такого различия и дают максимально широкое определение²: «под сельскими территориями (сельской местностью)... понимаются сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты и рабочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских округов, на территории которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации), городских поселений и внутригородских муниципальных образований Севастополя, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции».

---

¹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р.

² Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г. : федеральная целевая программа.

Можно согласиться с Д. А. Сюсюрой, который по итогам анализа отечественного и зарубежного опыта устанавливает четыре основных принципа (критерия) выделения сельских территорий: демографический; по структуре занятого населения; по структуре экономической деятельности; по полученному ранее административно-территориальному статусу¹. Доминирующим критерием можно считать демографический (количество и плотность населения), с одной стороны, отличающимся относительной простотой, с другой – объективностью, так как его показатели косвенно свидетельствуют о характере локализованных на местности видов экономической деятельности.

Важной характеристикой сельской местности и сельских территорий выступают выполняемые ими функции, которые фактически отражают их роль, предназначение в национальной экономике. Согласно консенсусной точке зрения в аграрных и индустриальных обществах большая часть сельских поселений выполняет аграрные функции, в то время как в постиндустриальных обществах, где доля занятых в сельском хозяйстве снижается, они реализовывают намного более разнообразные функции: промышленные, транспортные, рекреационные, сервисные, жилые и др.² Иными словами, в рамках постиндустриального общества речь идет о многофункциональности (полифункциональности) сельской местности. Обзор мнений ряда исследователей относительно функций, выполняемых сельской местностью / сельскими территориями, представлен в таблице 3.

На основе концепции мультифункциональности рядом исследователей развивается концепция функционального обогащения сельских территорий³, которая направлена на комплексное освоение природно-ресурсного потенциала и улучшение социально-экономического положения сельской местности. Исследователи пишут о трех элементах концепции.

---

¹ Сюсюра Д. А. Управление многофункциональной сельской экономикой : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2013. С. 15.

² Социально-экономическая география: понятия и термины : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. С. 226.

³ Мичурина Ф. З., Латышева А. И., Мичурин С. Б. Функциональное обогащение территорий: производственная, рекреационная и брендинговая парадигмы развития // Пермский аграрный вестник. 2016. № 2(14).

Таблица 3 – Функции сельской местности /сельских территорий

Автор (год)	Функции сельской местности/ сельской территории
А. И. Алексеев (1990), Н. В. Чепурных (2006), О. О. Зайцева (2013)	Производственная, социально-демографическая, культурная и этническая, экологическая, рекреационная, пространственно-коммуникационная, политическая и социального контроля над территорией
Р. М. Газизов (2013)	Три группы функций: – <i>экономическая</i> : производственная, пространственно-коммуникационная, ресурсная; – <i>социальная</i> : культурная, демографическая, контроля над территорией; – <i>экологическая</i> : рекреационная, природоохранная
Д. С. Мальчикова (2014)	<i>Базовый уровень</i> : – <i>экономические (производственные) функции</i> : сельскохозяйственная, лесохозяйственная, промышленная. – <i>социальные функции</i> : демографическая, рекреационно-туристическая, историко-культурная; – <i>средообразующие функции</i> : селитебная, природоохранная, пространственно-коммуникационная; – <i>управленческая функция</i> ; – <i>ресурсная функция</i> . <i>Уровень производных функций</i> : лесопромышленная, агропромышленная, агорекреационного сервиса, формирование агорекреационного потенциала территории, формирование расселенческой емкости территории, краеведческая, воспроизводство ресурсов сельского развития, формирование опорного каркаса территории
Н. И. Антонова (2015)	Перечень функций Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. (производственная, демографическая, трудоворесурсная, жилищная, пространственно-коммуникационная, социальный контроль над сельской территорией) автор дополняет рекреационной, экологической, культурной, геополитической функциями
А. В. Нотяг (2016)	Производственная, демографическая, трудоворесурсная, жилищная, культурно-этническая, рекреационная.
Примечание. Составлено автором по: Гаева И. В. Влияние функций сельских населенных пунктов на развитие сельской местности (Еврейская автономная область) // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 139; Зайцева О. О. Сельские территории как объект управления: понятие, функции, типологии // Фундаментальные исследования. 2013. № 6. С. 419; Газизов Р. М. Сельские территории: понятие, типология, функции // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 11. С. 349; Мальчикова Д. С. Планирование территорий и функций сельской местности: общественно-географический анализ // Географический вестник. 2014. № 3(30). С. 49; Антонова Н. И. Виды диверсификации, способствующие выполнению сельской территорией народнохозяйственных функций // Островские чтения. 2015. № 1. С. 361; Нотяг А. В. Формирование механизма развития сельских территорий в рамках региональной социально-экономической политики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2016. С. 7.	

Первый включает приоритет производственной функции, обеспечивающей население продуктами питания и сырьем легкую промышленность. Производ-

ственная функция в пределах сельских территорий индустриальных регионов дополнена добычей минерального сырья.

Второй элемент отражает возрастающую целесообразность рекреационного использования территории, связанную с необходимостью повышения уровня жизни сельского населения, потребности в полноценном отдыхе, развития интереса к природному окружению и истории функционирования территории горожан, а также потребности сельских жителей в достижении социально-экономической устойчивости.

Третьим элементом выступает использование топонимии в создании брендинга сельской территории, формирующего ее имидж как для привлечения инвестиций, так и для получения непосредственного результата в виде целевого ценообразования производимых и реализуемых услуг, создания новых рабочих мест, роста туристского потенциала.

Как показывает исследование Н. Ю. Власовой, даже в индустриальных регионах развивается промышленный и геолого-минералогический туризм, который «может стать весомым источником доходов для муниципалитетов»¹.

Таким образом, на постиндустриальном этапе сельская местность/территории выполняют разнообразные функции, имеющие важное социо-экономическое, геополитическое, историко-культурное и экологическое значение. При изучении сущности сельской местности/территории важно специфическое преломление различных групп факторов, формирующих комплекс характеристик, отражающих ее своеобразие в сравнении с городской территорией. Анализ таких факторов представлен в таблице 4.

Согласно сложившемуся мнению сельская местность интерпретируется как «вся обитаемая территория стран и районов, находящаяся вне городских поселений, с ее естественными и преобразованными человеком (антропогенными)

---

¹ Власова Н. Ю. Развитие туристического потенциала в стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований // Туризм как фактор регионального развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20 апреля 2018 г.). Екатеринбург : Из-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 29.

ландшафтами, населением и населенными пунктами (которые относятся к категории сельских)»¹.

Таблица 4 – Анализ факторов, формирующих сущностную характеристику сельской местности /сельских территорий

Группа факторов	Характеристика влияния
Экономические факторы (соотношение факторов производства, особенности их распределения, специфика производительных сил)	<ul style="list-style-type: none"> – специфическое использование земельных ресурсов; – преимущественное развитие отраслей первичного сектора, в частности сельского хозяйства; – формирование естественной основы производства и специализации; – относительно низкий уровень доходов населения; – иммобильность рабочей силы
Экологические факторы (природный потенциал, состояние окружающей среды)	<ul style="list-style-type: none"> – тесная взаимосвязь с природными, климатическими и биологическими факторами; – острая необходимость природосбережения (сохранение окружающей среды, защита дикой природы, поддержание природных ландшафтов, применение природосберегающих технологий и развитие альтернативных источников энергии)
Географические и демографические факторы (географическое положение, специфика рождаемости, смертности, миграции, старения и др.)	<ul style="list-style-type: none"> – влияние на особенности развития производительных сил и производственных отношений
Социальные и культурные факторы	<ul style="list-style-type: none"> – формирование понятия «сельский образ жизни». Это многостороннее понятие включает в себя специфические ценностные ориентации людей, их жизненные установки и стереотипы поведения, условия жизни, в том числе особенности проживания, социального контроля и партнерства, взаимодействия с природой. Сельский образ жизни характеризуется тесными взаимоотношениями людей и их семей между собой в жизни и работе, отсутствием отчужденности, ценностью семьи и семейной жизни, относительной автономностью своего жизнеобеспечения, умением самостоятельно выполнять разнообразные работы, ориентацией людей на взаимопомощь, знанием основ развития растительного и животного мира и др.; – сохранение традиционного уклада жизни
Примечание. Составлено по: Киселев С. В. Сельская экономика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 14–16.	

С. В. Киселев характеризует сельскую местность (сельский район) как «пространство или территорию, характеризующуюся низкой плотностью населения,

¹ Социально-экономическая география: понятия и термины : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. С. 225.

рассредоточенностью населенных пунктов, относительной удаленностью от крупных городских центров, большим удельным весом сырьевых отраслей экономики, невысокой концентрацией промышленности и других сфер деятельности, большим удельным весом сырьевых отраслей экономики и высокой зависимостью от природно-климатических, биологических и географических факторов»¹. При этом понятие «сельский район» в большей степени отражает административно-территориальный аспект, понятие «сельская местность» – экономико-географический, а термин «сельская территория» широко применяется в практике управления и законодательного регулирования. Различие же между сельской территорией и сельской местностью, на наш взгляд, наиболее ясно излагает Д. А. Сюсюра: «Под сельской территорией следует понимать единицу деления пространства, ограниченную по какому-либо признаку или совокупности признаков пространство земли; под местностью – единое обозначение территорий и (или) их частей»².

Понятие сельской местности, на наш взгляд, имеет прямое отношение к сущностной идентификации муниципальных районов и входящих в их состав сельских поселений в контексте положений теории сельской экономики, поскольку они представляют собой часть сельской местности. Муниципальные районы как пространства, в пределах которых сконцентрировано 92 % сельских поселений Российской Федерации, в рамках положений сельской экономики можно рассматривать как часть сельской местности и, соответственно, характеризовать комплексно с учетом демографического, социально-экономического, географического, природно-климатического аспекта (рисунок 3).

Применяя принцип проведения различия между сельской территорией и сельской местностью, предложенный Д. А. Сюсюрой, можно сделать также вывод о том, что в зависимости от территориально-отраслевого признака как муниципальный район в целом, так и его часть, образуемая из совокупности сельских поселений, могут рассматриваться в качестве сельской территории, ограниченной по признаку муниципального устройства.

---

¹ Киселев С. В. Сельская экономика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 14.

² Сюсюра Д. А. Управление многофункциональной сельской экономикой : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2013.. С. 15.

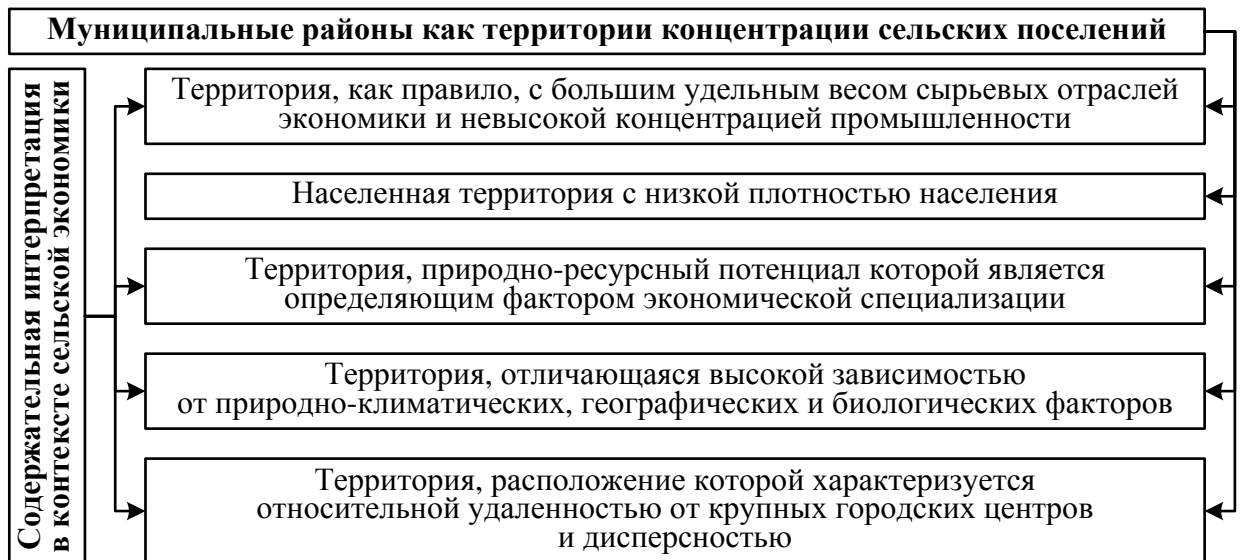

Рисунок 3 – Сущностная идентификация муниципальных районов и сельских поселений в контексте положений сельской экономики

Таким образом, сельские поселения, входящие в состав муниципальных районов, следует отнести к муниципальным образованиям сельского типа, под которыми понимаются населенные сельские территории, выполняющие диверсифицированный набор функций в национальном хозяйстве и обладающие признаками сельской местности, т. е. являющиеся территориями с большим удельным весом сырьевых отраслей экономики и невысокой концентрацией промышленности, низкой плотностью населения, природно-ресурсный потенциал которых выступает определяющим фактором экономической специализации, и отличающиеся высокой зависимостью от природно-климатических, географических и биологических факторов, расположение которых характеризуется относительной удаленностью от крупных городских центров и дисперсностью.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что муниципальный район – это муниципальное образование, обладающее особым экономико-правовым статусом, связанным с сущностными характеристиками муниципальной экономики, территориально объединяющее городские и сельские поселения, в экономическом пространстве которого образуются различные виды взаимодействий в системе «население – местное самоуправление – производственно-хозяйственный комплекс».

Двойственная правовая природа муниципального района – одновременное присутствие публично-правового и частноправового элементов в правовом статусе – позволяет ему выполнять разнообразные функции в области государственного управления территорией и населением и воздействия на муниципальную экономику. Взаимосвязь правовой и экономической составляющих статуса муниципального района выражается в масштабах деятельности муниципалитета, которые зависят от объема вопросов местного значения экономического содержания и объема гражданской правоспособности, которые регулируются законодательно. Таким образом, приобретенный территорией экономико-правовой статус формирует ее дополнительный ресурс, что сказывается на формировании и развитии экономического пространства муниципальных районов, а именно на процессах деятельности экономических агентов, что влияет на насыщенность и связанность экономического пространства в масштабах экономики региона.

2 АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

2.1 Методика идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона

Выделенные в предыдущей главе характеристики муниципального района как пространственного экономического образования позволяют нам перейти к следующему этапу исследования – идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона.

Анализ научной литературы показал, что при изучении социально-экономического развития муниципального района отечественные ученые выделяют несколько групп показателей, характеризующих его либо как комплексный, либо как отраслевой объект оценки (таблица 5).

Таблица 5 – Обзор методик исследования социально-экономического развития муниципальных районов

Автор (год)	Характеристика методики	Подход
С. В. Гриценко (2009)	Методика основывается на интегральном показателе, состоящем из индексов муниципального продукта, индексов экономического и социального развития. Результаты оценки используются для классификации МР с использованием кластерного анализа. Индекс муниципального продукта рассчитывается через умножение частного ВРП к численности занятых в субъекте на численность занятых в МР и соотношение среднемесячной заработной платы по МР с субъектом. Индексы экономического и социального развития рассчитываются на основе агрегирования выбранных показателей	Комплексный
Е. А. Гутникова, А. Н. Чекавинский, Н. В. Ворошилов (2012)	Рассчитываемый интегральный показатель является суммой частных показателей, характеризующих отдельные аспекты социально-экономического развития (СЭР). Частные показатели объединены в четыре блока	Комплексный

Продолжение таблицы 5

Автор (год)	Характеристика методики	Подход
	по 4–7 показателей: демографические показатели; показатели, характеризующие обустроенность территориального образования; показатели уровня жизни населения; показатели уровня развития экономики	
Н. Т. Аврамчикова, А. И. Фролова (2012)	Валовой муниципальный продукт (ВМП) рассматривается как единый макроэкономический критерий, представляющий возможность обобщающей, интегральной оценки хозяйственной деятельности и социально-экономических процессов на территории. Для МР предлагается методика расчета ВМП как суммы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами муниципального образования; оборота розничной торговли; оборота общественного питания; объема платных услуг населению; объема производства сельскохозяйственных организаций	Аграрно ориентированный
А. В. Шевандрин (2012)	ВМП рассматривается как центральный показатель методики, способный системно согласовывать социальную, экономическую и экологическую составляющие СЭР территории. ВМП рассчитывается как произведение частного ВРП к численности занятых региона на численность занятых МР и частное среднемесячной заработной платы по региону к среднемесячной заработной плате в МР. Другие показатели, использованные автором для комплексного позиционирования МР по уровню СЭР посредством многомерной классификации на основе иерархических и итерационных методов кластерного анализа: объем производства продукции сельского хозяйства на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, объем платных услуг на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, удельный вес прибыльных организаций к общему количеству организаций, количество малых и средних предприятий на 10 тыс. чел., доходы местного бюджета на душу населения	Комплексный
Д. А. Сюсюра (2012)	Экономика МР рассматривается как сельская экономика. СЭР МР оценивается через оценку социально-экономического положения сельского населения, которая, в свою очередь, определяется через сумму агрегированных показателей уровня жизни, показателя наличия и состояния социальной и инженерной инфраструктур, а также степени их использования, и показателя результатов реализации социально-экономических процессов	Аграрно ориентированный
И. В. Ильина, О. В. Сидоренко (2016)	Для мониторинга состояния МР используется интегральная рейтинговая оценка (методом суммы мест) состояния сельскохозяйственного производства на основе четырех блоков экономических показателей: «финансовые ресурсы», «производственные ресурсы», «эффективность производства», «тенденции развития сельскохозяйственного производства»	Аграрно ориентированный

Продолжение таблицы 5

Автор (год)	Характеристика методики	Подход
О. В. Шумакова, М. В. Кутузова (2016)	Методика базируется на двух индексах: индекса уровня СЭР (объективного), определяемого на основе оценки категорий «демографическая составляющая и уровень развития здравоохранения региона», «уровень экономического развития, занятости, и доходов населения», «качество социальной сферы и социально-экологическая безопасность», и индекса удовлетворенности уровнем СЭР (субъективного), определяемого на основе социологических опросов населения	Комплексный
<p>Примечание. Составлено автором по: Гриценко С. В. Статистический анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 22(151); Гутникова Е. А., Чекавинский А. Н., Ворошилов Н. В. Социально-экономическое развитие муниципальных районов Вологодской области в 2000–2010 гг. // Проблемы развития территории. 2012. № 5(61); Аврамчикова Н. Т. Фролова А. И. Роль и значимость интегрального показателя «валовой муниципальный продукт» в проведении мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетникова. 2012. № 1(41); Шевандрин А. В. Оценка социально-экономического развития муниципальных районов Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика и экология. 2012. № 2(21); Сюсюра Д. А. Индикатор результативности управления сельскими экономиками муниципальных районов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа : https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6708; Ильина И. В., Сидоренко О.В. Мониторинг функционирования муниципальных районов региона // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. № 2(10); Шумакова О. В., Кутузова М. В. Мониторинг уровня социально-экономического развития муниципальных районов сельской местности (на примере Омской области) // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2016. № 5(62).</p>		

Таблица 5 позволяет сделать вывод о том, что разработанные методики можно разделить на две группы:

- 1) комплексные;
- 2) аграрно ориентированные.

Первая группа методик основывается на показателях (группах показателей), оценивающих, кроме непосредственно состояния экономики и социальной сферы, важные, на взгляд автора методики, составляющие социально-экономического развития муниципального района (например, демографические процессы, уровень жизни, здравоохранение, экологическую ситуацию, обустроенность территориального образования).

Вторая группа методик исходит из положения, что сельское хозяйство – отрасль, имеющая принципиальное значение для развития муниципального района, в связи с этим при оценке состояния экономики данного вида муниципального образования авторы преимущественно опираются на оценку сельскохозяйственного производства и уровня жизни сельского населения.

В дополнение к рассмотренным методикам необходимо отметить, что в ряде работ по социально-экономическому развитию муниципальные районы анализируются как часть объекта исследования, например: как вид муниципальных образований¹, или часть сельской территории², или муниципальное образование неурбанизированной территории³, сельское муниципальное образование⁴.

Во всех рассмотренных методиках социально-экономическое развитие муниципальных районов оценивается без учета влияния пространственного фактора. Исследования, в той или иной степени посвященные муниципальным районам в региональном экономическом пространстве, фокусируются на изучении асимметрии, неравномерности социально-экономического развития⁵, поляризации эко-

---

¹ Мясникова Т. А. Теоретико-методологические положения и методическое обеспечение стратегирования социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Воронеж, 2016.

² Клейменов Д. С. Совершенствование управления развитием сельских территорий : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Воронеж, 2016; Савенкова О. Ю. Стратегия социально ориентированного развития сельских территорий : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Воронеж, 2016.

³ Шевелева Р. Н. Инструменты формирования стратегии социально-экономического развития муниципальных образований неурбанизированных территорий : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Красноярск, 2016.

⁴ Пастухова Н. Ю., Бойко А. Н. Показатели комплексного развития территорий сельских муниципальных образований // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12(17), ч. 1; Дармограй О. В. Совершенствование управления социально-экономическим развитием сельских муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2010.

⁵ Колесниченко Е. А. Концепция снижения дифференциации развития национального регионального пространства : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05, 08.00.01. Тамбов, 2009; Кузнецова О. П., Юмаев Е. А. Социально-экономическое развитие муниципальных районов: сравнительный анализ (на материалах Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской и Омской областей) // Омский научный вестник. 2010. № 2 (86); Чепик А. Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.12. М., 2015.

номического пространства¹, оценивают пространственную организацию региона², экономическое пространство отдельных территориальных образований³.

Задача настоящего исследования состояла в том, чтобы предложить методику идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов, которая позволяет не только оценивать динамику экономических показателей муниципальных районов, но и увязывать ее с процессами трансформации экономического пространства региона. Для решения поставленной задачи принципиально важно ответить на два вопроса: что представляют собой трансформации экономического пространства региона и как они могут быть измерены через экономические показатели муниципальных районов.

Ответы на данные вопросы возвращают нас к пониманию сущности экономического пространства. Академик А. Г. Гранберг писал об экономическом пространстве как о *насыщенной* территории (различными объектами и связями между ними: населенными пунктами, промышленными предприятиями, хозяйственно освоенными и рекреационными площадями, транспортными и инженерными сетями)⁴. В вопросе характеристики качества экономического пространства среди многообразия различных параметров особое значение он придавал *плотности* (показатели численности населения, объема валового регионального продукта, природных ресурсов и др. в расчете на единицу площади пространства), *размещению* (показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности, в том числе существование хозяйствен-

---

¹ Карашаева Д. А. Механизм сглаживания социально-экономической поляризации в условиях дотационного региона: на материалах Кабардино-Балкарской республики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Владикавказ, 2013.

² Жичкина Ю. А. Пространственное развитие региона и конкурентоспособность муниципальных образований: на примере Самарской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Самара, 2011; Исляев Т. Р. Пространственная организация экономики субъекта РФ: особенности регионального развития и инструменты модернизации: на примере Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2013.

³ Чулкова Е. А. Методология стратегического управления муниципальными районами региона как территориальными системами : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Челябинск, 2012; Шаралдаев Б. Б. Управление социально-экономической системой муниципального образования на основе пространственного потенциала : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Улан-Удэ, 2013.

⁴ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник. М., 2000. С. 25.

но освоенных и неосвоенных территорий) и *связанности* (интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала, людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей)¹. Перечисленные параметры могут служить для характеристики состояния и изменений экономического пространства региона. Однако ввиду того, что изучение процессов равномерности размещения населения и экономической деятельности в экономическом пространстве не входит в задачи разрабатываемой методики, более соответствующей поставленной цели представляется трактовка экономического пространства академиком П. А. Минакиром и А. Н. Демьяненко. В их определении экономическое пространство есть «множество экономических агентов, распределенных в пределах определенного географического пространства и взаимодействующих друг с другом в соответствии с едиными в пределах этого географического пространства экономическими институтами»². В соответствии с этой дефиницией задача измерений пространственных процессов должна решаться через «описание пространственного поведения экономических агентов, их взаимодействий, а также взаимных реакций экономического поведения и других форм социального поведения в пространстве»³. Структура данного определения позволяет выделить несколько элементов, отражающих состояние экономического пространства и изменения в нем:

– экономические агенты. Экономическое действие всегда связано с экономическим субъектом. Под экономическим агентом в данном случае понимается индивидуум или их группа, которые участвуют хотя бы в одном из процессов – производстве, обмене, потреблении⁴;

– физический базис, который детерминирует *пространственное* поведение экономических агентов и задает пределы географического пространства, в рамках которого осуществляются взаимодействия;

---

¹ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник. М., 2000. С. 25.

² Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. С. 43.

³ Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

– экономические институты – инфраструктурный элемент, обеспечивающий и поддерживающий взаимодействие экономических агентов.

Таким образом, трансформация экономического пространства региона может быть отражена через динамику состояния указанных элементов.

Выбор показателей экономической динамики должен не только позволять оценивать влияние муниципальных районов на экономическое пространство региона, но и отвечать ряду критериев:

– показатели должны отражать развитие муниципального района как специфического объекта в экономическом пространстве региона, обладающего определенными экономико-пространственными характеристиками;

– показатели должны отражать развитие муниципального района как пространства функционирования муниципальной экономики и территории концентрации сельских поселений, т.е. набор показателей корректируется с учетом данной характеристики;

– оценка динамики показателей должна позволять сделать выводы о тенденциях, способствующих развитию экономического пространства региона, и тенденциях, ведущих к его разрушению, что позволит идентифицировать данные тенденции соответственно как конструктивные и деструктивные.

Последний критерий требует дополнительного пояснения. Разделяя мнение российского исследователя В. Н. Лаженцева о том, что пространственное развитие – это «согласованные прогрессивные изменения в освоении и воспроизводстве природных ресурсов, размещении и внутреннем содержании производительных сил, в расселении населения и обустройстве среды жизнедеятельности»¹, можно сделать вывод о том, что развитие экономического пространства происходит через:

- возникновение новых поселений;
- рост экономической активности;
- рост экономически значимого результата (продукт/доход);
- развитие инфраструктуры.

---

¹ Лаженцев В. Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 1(1). С. 97.

Обратный процесс – разрушение экономического пространства – характеризуется исчезновением поселений, упадком экономической активности, снижением экономически значимого результата, деградацией инфраструктуры.

На основе синтеза представленных точек зрения, а также сформулированных критериев нами определен состав трех групп показателей для формирования методики идентификации конструктивных и деструктивных тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона:

- 1) показатели, характеризующие насыщенность экономического пространства деятельностью экономических агентов;
  - 2) показатели, характеризующие пространственный каркас (физический базис) экономического пространства;
  - 3) показатели, характеризующие связанность экономического пространства.
- Представим описание каждой их групп.

1. Показатели, характеризующие насыщенность экономического пространства муниципальных районов деятельностью экономических агентов.

Экономические агенты взаимодействуют и участвуют на разных стадиях воспроизводственного процесса в экономическом пространстве муниципального района, являющегося неотъемлемой частью экономического пространства региона. Стадии воспроизводственного процесса, которые отражаются в счетах СНС, включают стадии производства, распределения, потребления. Соответственно, для оценки насыщенности экономического пространства муниципальных районов деятельностью экономических агентов могут быть использованы следующие показатели:

- продукция сельского хозяйства как показатель производства, результатов производственной деятельности (первичный сектор экономики);
- инвестиции в основной капитал (осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) как показатель распределения (денежных средств в накопление основного капитала));
- оборот розничной торговли как показатель потребления.

Данная группа показателей дает возможность делать выводы о наличии и изменении масштабов экономической деятельности в экономическом пространстве муниципального района, являющегося неотъемлемой частью экономического пространства региона.

2. Показатели, характеризующие пространственный каркас (физический базис) экономического пространства.

Данная группа показателей характеризует изменение освоенности экономического пространства в пределах территории муниципального района. В аналитической перспективе показатели группы позволяют делать заключение о физическом сжатии или расширении экономического пространства.

- количество муниципальных образований (муниципальных районов, сельских, городских поселений) и населенных пунктов;
- плотность населения;
- посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий;
- площадь многолетних насаждений;
- площадь земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства в расчете на 10 тыс. чел. населения.

3. Показатели, характеризующие связанность экономического пространства.

Данная группа показателей характеризует интенсивность экономических связей внутри муниципального района, определяемую развитием транспорта, дорог, коммуникаций, поддерживающих взаимодействие экономических агентов.

- доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципального района;
- доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения;

- число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью;
- число телефонизированных сельских населенных пунктов.

Муниципальные районы представляют собой часть экономического пространства региона, один из типов пространственных экономических образований на уровне региона, следовательно, методика должна включать оценку, с одной стороны, самостоятельного экономического развития муниципальных районов, с другой – масштабов влияния муниципальных районов на экономическое пространство региона.

Алгоритм методического подхода к идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона представлен на рисунке 4.

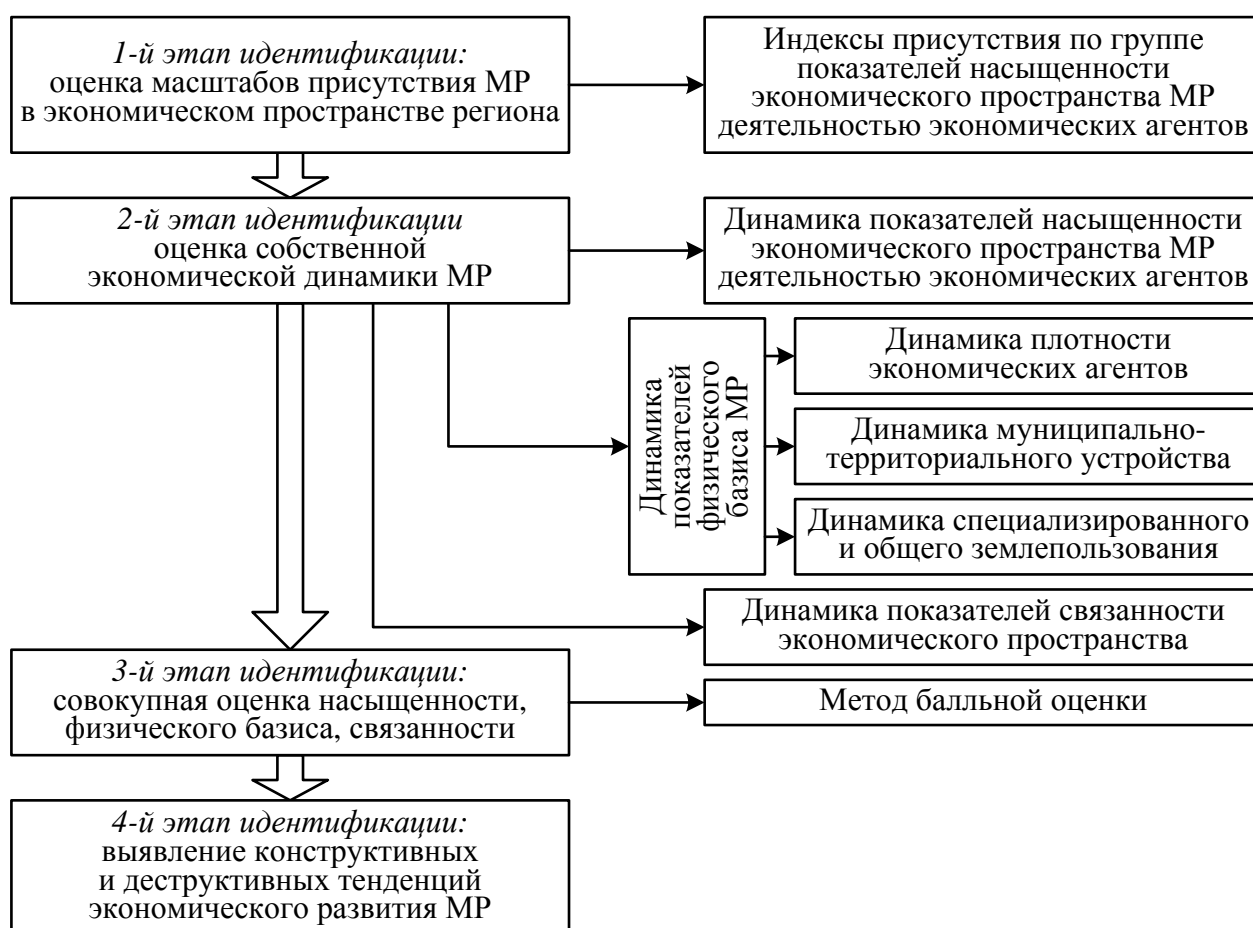

Рисунок 4 – Алгоритм методического подхода к идентификации тенденций (конструктивных и деструктивных) экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона

Первая группа показателей – показатели насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов – анализируется на двух уровнях: региональном и локальном, так как показатели группы отражают воспроизводственный процесс, протекающий на территории муниципального района, который является компонентом регионального воспроизводственного процесса.

Во второй группе показателей – показателей пространственного каркаса – одна часть показателей соотносится с уровнем региона (плотность населения, посевная площадь, численные изменения муниципально-территориального устройства), другая часть рассматривается только на уровне муниципального района (площадь многолетних насаждений, площади земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства).

Третья группа показателей служит для оценки связанности экономического пространства внутри муниципального района и одновременно указывает на степень его интегрированности в экономическое пространство региона.

На основе представленных точек зрения на методические вопросы изучения объектов в экономическом пространстве и исходя из сформулированных характеристик муниципального района как пространственного экономического образования нами была предложена методика, позволяющая посредством анализа экономической динамики муниципальных районов оценить их влияние на экономическое пространство региона. Разработанная методика включает в себя четыре этапа. На первом оцениваются масштабы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве региона. На втором проводится оценка собственной экономической динамики муниципальных районов. Третий этап включает обобщение данных оценок, четвертый – идентификацию типа тенденций экономического развития муниципальных районов на этой основе с заключительными выводами о влиянии муниципальных районов на экономическое пространство региона.

2.2 Тенденции экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона

Для апробации методики выбраны два региона – Свердловская и Челябинская области. Выбор регионов обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, данные регионы характеризуются сходством структуры экономики, так как относятся к регионам традиционно-промышленного классического типа¹ и признаны ведущими индустриальными регионами страны².

Во-вторых, интерес к двум областям обусловлен практически одинаковым уровнем состояния окружающей среды (согласно данным Общероссийской общественной организации «Зеленый патруль»)³, что, как уже подчеркивалось в первой главе, существенно влияет на развитие муниципальных районов.

Третье обстоятельство связано с муниципальным устройством регионов – соотношением количества муниципальных районов и городских округов. В Свердловской области 5 муниципальных районов и 68 городских округов, а в Челябинской области – 27 муниципальных районов и 16 городских округов⁴. Пример Свердловской и Челябинской областей позволяет сравнивать масштабы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве региона в условиях численного превосходства разных типов муниципальных образований.

Анализ статистических показателей, а также расчет индексов присутствия на их основе ограничен периодом 2011–2017 гг. Выбор периода обусловлен тем, что 2011 г. – это первый год реализации Концепции устойчивого развития сельских

---

¹ Голошейкин Е. В. Методический подход к исследованию традиционно-промышленного региона в территориальной структуре национальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 19.

² Гордеев С. С., Зырянов С. Г. Иванов О. П., Кочеров А. В. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование // Социум и власть. 2016. № 6(62).

³ Итоговый экологический рейтинг субъектов РФ за 2017 г. Режим доступа : <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=338>.

⁴ Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2017 гг. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

территорий Российской Федерации на период до 2020 г.¹, а именно сельские территории преобладают в экономическом пространстве муниципальных районов.

Оценка масштабов присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве региона. По показателям группы насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов рассчитаны индексы присутствия как соотношение между долей муниципального района в регионе по анализируемому показателю и его долей в общей численности населения региона. Индекс присутствия как показатель, сбалансированный по численности населения, позволяет делать вывод о том, насколько пропорционально участие муниципальных районов в воспроизводственном процессе региона по численности экономических агентов. Значение индекса меньше единицы свидетельствует о преимуществе других территорий, равное единице – о пропорциональном по численности населения распределении показателя, больше единицы – об активном участии муниципальных районов в формировании регионального показателя.

Основой индекса присутствия является показатель численности населения. Динамика доли численности населения муниципальных районов Свердловской области представлена в таблице 6, Челябинской области – в таблице А.1 (приложение А).

Совокупное присутствие муниципальных районов Свердловской области по доле в численности населения сократилось за рассматриваемый период с 2,45 до 2,31%. Однако происходит снижение отрицательной величины темпов прироста: если в начале периода она составляла 1,5%, то к концу темпы падения доли муниципальных районов в численности населения региона составили 0,9%. Снижение численности населения в Байкаловском, Нижнесергинском, Слободо-Туринском, Таборинском муниципальных районах сопровождается сокращением масштабов их присутствия в экономическом пространстве Свердловской области по численности населения. Камышловский муниципальный район – единственный район, где численность населения и доля в населении региона увеличились.

---

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.

Таблица 6 – Доля населения муниципальных районов в общей численности населения Свердловской области на конец года, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	0,38	0,36	0,36	0,35	0,35	0,35	0,35
Камышловский МР	0,66	0,66	0,66	0,66	0,66	0,67	0,67
Нижнесергинский МР	1,00	0,98	0,97	0,96	0,95	0,94	0,92
Слободо-Туринский МР	0,34	0,33	0,32	0,32	0,31	0,31	0,30
Таборинский МР	0,08	0,08	0,08	0,08	0,07	0,07	0,07
<i>Итого</i>	<i>2,45</i>	<i>2,42</i>	<i>2,39</i>	<i>2,37</i>	<i>2,35</i>	<i>2,33</i>	<i>2,31</i>
Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi ; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 .							

Масштабы присутствия муниципальных районов по численности населения в экономическом пространстве Челябинской области более чем в 11,5 раз превышают масштабы присутствия муниципальных районов в Свердловской области, однако они также продолжают сокращаться: в период 2011–2017 гг. доля муниципальных районов в численности населения региона упала с 28,38 до 27,09 %. Снижение отрицательной величины темпов прироста происходит аналогичным Свердловской области образом: в начале периода она варьировала от 0,8 до 1,1 %, к концу темпы падения доли муниципальных районов в численности населения региона составили 0,6 %.

В Челябинской области так же, как и в Свердловской, только в одном муниципальном районе масштабы присутствия по численности населения и численность населения росли в течение всего рассматриваемого периода – в Сосновском муниципальном районе. Еще два района смогли сохранить долю в численности населения региона: в Увельском муниципальном районе численность населения на конец периода выросла, а в Чебаркульском – осталась почти такой же, как в 2011 г.

Рассчитанные индексы присутствия муниципальных районов по показателю «продукция сельского хозяйства (хозяйства всех категорий)» для Свердловской области представлены в таблице 7, для Челябинской области – в таблице А.2 (приложение А).

Таблица 7 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по показателю продукции сельского хозяйства

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	5,11	5,51	5,90	6,27	6,27	6,95	6,94
Камышловский МР	3,33	6,65	6,75	8,29	8,39	7,80	8,06
Нижнесергинский МР	1,58	1,69	1,83	1,88	1,86	2,03	2,00
Слободо-Туринский МР	3,54	3,26	3,87	3,83	3,81	4,08	3,50
Таборинский МР	2,66	2,64	2,82	3,55	3,62	3,73	2,80
<i>Итоговый индекс</i>	<i>2,89</i>	<i>3,86</i>	<i>4,10</i>	<i>4,64</i>	<i>4,68</i>	<i>4,75</i>	<i>4,72</i>
Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi ; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 ; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Свердловской области : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016.							

Динамика индекса присутствия по показателю продукции сельского хозяйства позволяет сделать вывод о совокупном росте масштабов присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по объему продукции сельского хозяйства: индекс присутствия на конец периода увеличился с 2,89 до 4,72 (на 63 %). Однако в 2017 г. присутствие почти всех муниципальных районов по производству сельскохозяйственной продукции начало снижаться, а Слободо-Туринский и вовсе продемонстрировал отрицательную динамику на конец периода. Все это привело к падению итогового индекса 2017 г. по сравнению с 2016 г. с 4,75 до 4,72. Исключение составил Камышловский муниципальный район, который в 2017 г. частично восстановил значение показателя.

Индивидуальные индексы присутствия по продукции сельского хозяйства выше единицы. Это свидетельствует о том, что доля муниципальных районов в региональном показателе продукции сельского хозяйства превышает долю в численности населения, а также говорит об активном участии муниципальных районов в формировании регионального значения рассматриваемого показателя.

Хотя численность населения муниципальных районов Челябинской области в 9,5 раза, а доля населения муниципальных районов в региональной численности

населения в 11,5 раза больше соответствующих показателей Свердловской области, индекс присутствия муниципальных районов Челябинской области ниже, чем в Свердловской (3,27 против 4,72), и за рассматриваемый периода увеличился всего на 5%. Таким образом, в Свердловской области региональное сельскохозяйственное производство и доля муниципальных районов в нем росли более быстрыми темпами, чем в Челябинской области.

Индивидуальные индексы присутствия по показателю продукции сельского хозяйства большинства районов за весь период выше единицы. Только четыре района имеют индекс меньше единицы – Ашинский, Катав-Ивановский, Коркинский, Кусинский (на конец периода), Саткинский; доля в региональном сельскохозяйственном производстве в них ниже доли в численности населения региона.

Внимание привлекает внушительная динамика индекса Нагайбакского муниципального района. Масштабы присутствия данного района выросли более чем в два раза – с 5,12 до 10,99, при этом динамика была исключительно положительной и подкреплялась ростом сельскохозяйственного производства. Такая динамика связана с появлением на территории района птицеводческого комплекса. Активное строительство основных производств Нагайбакского птицеводческого комплекса стартовало в начале лета 2011 г. Мощность комплекса – 50 тыс. т мяса птицы в год. Проект Нагайбакского птицеводческого комплекса включает восемь производственных площадок, каждая из которых расположена на территории отдельного сельского поселения¹.

Другой район, продемонстрировавший резкий рост с 2,96 до 9,50, – Увельский муниципальный район, хотя он несколько снижал масштабы присутствия по показателю продукции сельского хозяйства в 2012–2013 гг. Достижения района непосредственно связаны с компанией «Увелка», базирующейся в п. Увельский, занимающейся переработкой злаковых и бобовых и активно инвестирующей в экономику района. Положительную динамику по результатам на конец периода также показывают Еманжелинский (с 2,67 до 2,74), Красноармейский (с 4,02 до

---

¹ ООО «Нагайбакский птицеводческий комплекс» – СИТНО. Режим доступа : <http://sitno.ru/enterprises/proizvodstvo-ptitsevodcheskoy-produktsii/ooo-nagaybakskiy-ptitsevodcheskiy-kompleks->

4,38), Кунашакский (с 2,67 до 5,27), Троицкий (с 5,05 до 5,35), Уйский (с 3,21 до 3,39) муниципальные районы.

Индексы присутствия муниципальных районов по показателю «инвестиции в основной капитал» для Свердловской области представлены в таблице 8, для Челябинской области – в таблице А.3 (приложение А).

Таблица 8 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по показателю инвестиций в основной капитал

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	0,35	0,24	0,39	0,26	0,31	0,37	0,46
Камышловский МР	0,23	0,32	0,13	0,17	0,18	0,19	0,19
Нижнесергинский МР	0,71	0,41	0,22	0,18	0,46	0,16	0,16
Слободо-Туринский МР	0,10	0,19	0,09	0,10	0,07	0,07	0,04
Таборинский МР	0,29	1,26	0,65	0,14	0,35	0,13	0,07
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,43</i>	<i>0,36</i>	<i>0,22</i>	<i>0,18</i>	<i>0,30</i>	<i>0,19</i>	<i>0,20</i>
Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi ; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 .							

Динамика масштабов присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по показателю инвестиций в основной капитал неравномерна как территориально, так и хронологически. Однако в целом масштабы присутствия муниципальных районов Свердловской области по показателю инвестиций в основной капитал снижаются (с 0,43 в 2011 г. до 0,20 в 2017 г.) и не превышают единицы, что связано с более высокими темпами роста объемов инвестиций в экономику городских округов под влиянием процессов новой индустриализации. Единственным районом, показавшим рост масштабов присутствия по данному показателю, является Байкаловский муниципальный район (с 0,35 до 0,46).

Территориальная и хронологическая неравномерность масштабов присутствия по показателю инвестиций свойственна и муниципальным районам Челя-

бинской области. Масштабы присутствия муниципальных районов на конец периода не изменились и не превышают единицы (0,28), как и в Свердловской области.

В отличие от Свердловской области, в Челябинской можно найти существенное количество примеров муниципальных районов, где индекс присутствия по показателю инвестиций в основной капитал превышал единицу. Такие районы включают Ашинский, Варненский, Еманжелинский, Кунашакский, Нагайбакский, Пластовский, Увельский, в основном превышение индекса приходилось на 2013–2014 гг. В среднем индекс присутствия по показателю инвестиций выше, чем в муниципальных районах Свердловской области, что говорит о чуть большей обеспеченности экономики муниципальных районов Челябинской области инвестициями.

Второе отличие Челябинской области по динамике данного показателя – присутствие значительного количества муниципальных районов, демонстрировавших рост по результатам периода – 11 из 27 районов (Агаповский, Ашинский, Брединский, Варненский, Еткульский, Карталинский, Каслинский, Пластовский, Сосновский, Увельский, Уйский).

Индексы присутствия муниципальных районов по показателю «оборот розничной торговли» для Свердловской и Челябинской областей представлены в таблице 9, для Челябинской области – в таблице А.4 (приложение А).

Масштабы совокупного присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по показателю, характеризующему потребление, а именно обороту розничной торговли, в совокупности практически не изменились (0,21 в 2011 г. и 0,23 в 2017 г.). Значения индивидуальных индексов присутствия по обороту розничной торговли свидетельствуют о том, что потребление главным образом сосредоточено в городских округах, а доля в численности населения муниципальных районов существенно превышает долю районов в региональном показателе потребления.

Оценивая муниципальные районы Свердловской области в индивидуальном порядке, можно отметить, что два из них (Нижнесергинский и Слободо-Туринский) показали положительную динамику, в остальных районах масштабы присутствия в регионе по показателю оборота розничной торговли снижались.

Таблица 9 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской области по показателю оборота розничной торговли

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	0,24	0,24	0,22	0,23	0,23	0,23	0,23
Камышловский МР	0,16	0,16	0,16	0,16	0,14	0,14	0,14
Нижнесергинский МР	0,24	0,24	0,27	0,27	0,29	0,29	0,29
Слободо-Туринский МР	0,17	0,17	0,18	0,20	0,22	0,23	0,23
Таборинский МР	0,17	0,16	0,16	0,16	0,10	0,10	0,10
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,21</i>	<i>0,20</i>	<i>0,21</i>	<i>0,22</i>	<i>0,22</i>	<i>0,22</i>	<i>0,23</i>
Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi ; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 ; Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2012–2016 гг. : стат. сб. : в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2017. Ч. 1, 2.							

Совокупный индекс присутствия по показателю потребления в муниципальных районах Челябинской области вырос в два раза и к 2017 г. практически достиг уровня Свердловской области. Однако в целом объемы потребления муниципальных районов региона остаются низкими по сравнению с городскими округами. Относительными лидерами по потреблению можно считать Ашинский, Еманжельинский, Еткульский, Каслинский, Катав-Ивановский, Коркинский, Красноармейский, Кусинский, Пластовский, Саткинский, Сосновский муниципальные районы. Индекс присутствия по обороту розничной торговли в данных районах в целом был выше, чем в итоговый индекс для всех муниципальных районов, и демонстрировал положительную динамику.

В качестве положительного факта следует отметить, что абсолютное большинство муниципальных районов Челябинской области нарастили свое присутствие в региональном показателе розничной торговли к концу периода, за исключением Увельского и Чебаркульского муниципальных районов.

Таким образом, масштабы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской и Челябинской областей сокращались по показателю численности населения и инвестиций, что с учетом динамики регио-

нальных значений этих показателей свидетельствует о перемещении трудовых ресурсов и капитала в городские округа. Однако стоит отметить, что в среднем индекс присутствия по показателю распределения в муниципальных районах Свердловской области был ниже, чем в Челябинской области, что говорит о несколько большей их насыщенности капиталом.

Что касается двух оставшихся индексов, то, несмотря на сходство в главном (в обоих регионах индекс присутствия по показателю продукции сельского хозяйства выше единицы, а индекс присутствия по обороту розничной торговли ниже), здесь наблюдаются и некоторые различия.

В Свердловской области по показателю экономической специализации муниципальных районов – продукции сельского хозяйства – масштаб присутствия в экономическом пространстве региона увеличился значительно – на 63 %. С учетом того, что индекс выше единицы, т. е. региональный показатель формируется преимущественно муниципальными районами, можно говорить о том, что развитие характерной экономической деятельности на территории муниципальных районов балансирует и диверсифицирует региональное экономическое пространство традиционно-промышленного региона, предоставляя возможность сохранять относительно стабильные масштабы присутствия в регионе по показателю потребления, которые в течение анализируемого периода существенно не менялись.

В Челябинской области рост масштабов присутствия муниципальных районов по показателю сельскохозяйственного производства был гораздо менее значительным (5 %), чем в Свердловской области, а динамика индивидуальных индексов присутствия была отрицательной в большинстве районов. Следовательно, присутствие муниципальных районов Челябинской области в региональном сельскохозяйственном производстве неравномерно. Что касается индексов присутствия по показателю потребления, то совокупный индекс муниципальных районов в Челябинской области вырос в два раза и к концу рассматриваемого периода практически достиг уровня Свердловской области. Выскажем предположение, что достигнутое значение может быть определенной границей потребления для исследуемого типа территории вне зависимости от уровня доходов, поскольку

в сельской местности часть предметов потребления может быть куплена только в крупных городских поселениях, а существенный объем производится самими жителями.

Оценка экономической динамики муниципальных районов. Следующим этапом методического подхода к идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона является оценка собственной экономической динамики муниципальных районов по трем группам показателей: насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов, развития пространственного каркаса и связанности экономического пространства.

Анализ насыщенности экономического пространства муниципальных районов деятельностью экономических агентов представлен с точки зрения воспроизводственного процесса на территории муниципальных районов через характеристику показателя производства (продукция сельского хозяйства), распределения (инвестиций в основной капитал) и потребления (оборот розничной торговли).

Динамика показателей продукции сельского хозяйства муниципальных районов Свердловской области представлены в таблице 10, Челябинской области – в таблице Б.1 (приложение Б).

Сельскохозяйственное производство муниципальных районов Свердловской области за рассматриваемый период выросло в два раза. Муниципальные районы Свердловской области производят 11% (2017 г.) сельскохозяйственной продукции региона. В среднем муниципальные районы нарастили сельскохозяйственное производство с 37 993 р. на душу населения в районе в 2011 г. до 86 393 р. в 2017 г. Все муниципальные районы Свердловской области по результатам на конец периода продемонстрировали рост продукции сельского хозяйства, в трех из них – Байкаловском, Камышловском, Нижнесергинском – он превысил региональный темп прироста (40 % к уровню 2011 г.). Продукция сельского хозяйства Камышловского района выросла более чем в 3,5 раза к 2017 г. В остальных районах рост был более умеренным, варьировал от 22 % в Слободо-Туринском до 79 % в Байка-

ловском муниципальном районе за анализируемый период и прерывался падением показателя в 2012 г.

Таблица 10 – Продукция сельского хозяйства муниципальных районов Свердловской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	1 069 771	1 031 082	1 244 712	1 461 401	1 669 985	1 814 579	1 916 232
Камышловский МР	1 250 059	2 249 651	2 593 145	3 594 982	4 201 669	3 871 642	4 276 585
Нижнесергинский МР	893 097	856 792	1 044 052	1 182 447	1 333 981	1 409 351	1 457 815
Слободо-Турунскый МР	681 033	552 482	731 411	794 372	890 794	924 380	831 812
Таборинский МР	121 359	107 843	128 107	175 916	201 506	199 687	156 480
Свердловская область	56 587 000	51 374 000	58 576 000	65 686 000	75 605 000	74 209 000	79 133 600

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Свердловской области : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016.

Падение объемов продукции сельского хозяйства в 2012 г. наблюдалось и в подавляющем большинстве муниципальных районов Челябинской области. Исключение составили лишь Еманжелинский и Нагайбакский муниципальные районы, причем последний демонстрировал исключительно положительную динамику на протяжении всего периода 2011–2017 гг. В других муниципальных районах падение сельскохозяйственного производства в 2012 г. составило от 6 % (Чебаркульский) до 38 % (Октябрьский) к уровню 2011 г.

Для большинства муниципальных районов Челябинской области характерна чередующаяся динамика показателя с ростом по результатам анализируемого периода. Районы, снизившие объемы производства продукции сельского хозяйства, включают Ашинский, Верхнеуральский, Каслинский, Катав-Ивановский, Кусин-

ский, Нязепетровский, Пластовский, Саткинский муниципальные районы. Практически не изменил первоначальные объемы производства (изменение в пределах 1 % в плюс или минус) Чесменский муниципальный район. Существенный рост продукции сельского хозяйства наблюдался в Увельском муниципальном районе – в 4,8 раза, Нагайбакском – в 2,9 раза, Кунашакском – 2,8 раза по результатам на конец периода.

В среднем объем сельскохозяйственного производства в муниципальных районах Челябинской области вырос с 75 592 р. на душу населения в районе в 2011 г. до 118 299 р. в 2017 г. Муниципальные районы производят 88,6 % (2017 г.) сельскохозяйственной продукции региона. Рост сельскохозяйственного производства в муниципальных районах Челябинской области был меньше, чем в Свердловской, и составил 49,9 %, при этом продукция сельского хозяйства региона выросла на 49,6 %.

Динамика показателей инвестиций в основной капитал муниципальных районов Свердловской области представлена в таблице 11, Челябинской области – в таблице Б.2 (приложение Б).

В совокупности муниципальные районы в Свердловской области получают менее 1 % инвестиций, причем их доля продолжает сокращаться. Единственный муниципальный район, нарастивший объем инвестиций по результатам периода, – Байкаловский. В остальных муниципальных районах Свердловской области падение объема инвестиций составило от 18 % (в Камышловском) до 78 % (в Нижне-сергинском) на конец периода. Динамика регионального показателя инвестиций в основной капитал не совпадает с динамикой муниципальных районов.

Муниципальные районы Челябинской области получали в рассматриваемый период в среднем около 13% инвестиций в регионе. Инвестиционный процесс в муниципальных районах Челябинской области протекает более активно, чем в Свердловской области: доля муниципальных районов, увеличивших объем инвестиций в основной капитал на конец периода, выше, чем в Свердловской области (12 из 27 против 1 из 5).

Таблица 11 – Инвестиции в основной капитал муниципальных районов Свердловской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	429 704	301 500	493 660	347 426	386 498	444 233	540 589
Камышловский МР	514 718	748 100	293 564	406 922	411 040	448 124	419 743
Нижнесергинский МР	2 383 184	1 430 800	769 859	630 338	1 510 289	532 547	505 464
Слободо-Туринский МР	110 555	221 800	107 225	119 835	77 864	74 049	40 570
Таборинский МР	78 828	350 600	178 628	39 731	90 352	33 500	17 535
Свердловская область	333 451 000	351 637 000	352 916 000	371 631 000	349 964 000	345 812 000	337 798 000

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица 12 –оборот розничной торговли муниципальных районов Свердловской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	679 200	736 700	770 200	828 100	850 200	869 100	872 100
Камышловский МР	825 700	892 500	985 500	1 056 100	937 100	970 500	1 009 200
Нижнесергинский МР	1 832 700	1 988 100	2 463 300	2 542 900	2 825 200	2 867 800	2 908 500
Слободо-Туринский МР	434 300	481 300	558 400	632 700	707 000	736 800	750 700
Таборинский МР	103 500	107 900	119 400	120 200	76 600	77 100	78 800
Свердловская область	764 558 000	858 801 000	953 973 000	998 643 000	1 035 793 000	1 054 177 000	1 078 234 000

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2012–2016 гг. : стат. сб. : в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2017. Ч. 1, 2.

Видимого прироста объема инвестиций по результатам на конец периода добились Варненский (почти в 9 раз), Сосновский (в 2,3 раза) муниципальные районы. В целом динамика муниципальных районов Челябинской области по показателю инвестиций в основной капитал повторяет региональную, хотя снижение потока инвестиций в муниципальных районах начинается раньше, чем в регионе: если региональный объем инвестиций начал снижение в 2014 г., то в муниципальных районах совокупные инвестиции снизились на год раньше.

Динамика показателей оборота розничной торговли муниципальных районов Свердловской области представлена в таблице 12, Челябинской области – в таблице Б.3 (приложение Б).

Совокупный оборот розничной торговли муниципальных районов Свердловской области вырос на 45 % по сравнению с 2011 г., однако в процентном отношении не изменился: он составлял 0,5 % регионального потребления на протяжении всего периода.

Положительную динамику по показателю потребления на протяжении всего периода можно наблюдать в трех из пяти муниципальных районов – Байкаловском, Нижнесергинском, Слободо-Туринском. Динамика оборота розничной торговли и соответствующих индексов (исключительно положительная на протяжении всего периода) совпадает только в Слободо-Туринском и Нижнесергинском муниципальных районах. Рост потребления в этих районах превышал региональные темпы (38 %) и составил 70 и 56 % соответственно к концу периода. В Таборинском муниципальном районе потребление, наоборот, существенно сократилось – на 26 %, несмотря на довольно стабильный рост в 2011–2014 гг.

Положительная динамика объемов потребления на конец периода наблюдалась во всех муниципальных районах, за исключением Увельского и Чебаркульского, оборот розничной торговли которых снизился так же, как и соответствующий индекс.

Потребление муниципальных районов Челябинской области к 2017 г. выросло в 2,4 раза и составило 5,8% регионального показателя потребления. При этом темпы роста были выше региональных, а снижение регионального показате-

ля, начавшееся в 2015 г., муниципальные районы повторили на год позже. В то время как региональный показатель потребления в 2017 г. продолжил падать, муниципальные районы, наоборот, увеличили потребление.

Таким образом, в муниципальных районах Свердловской области положительная динамика наблюдалась по показателю производства (сельскохозяйственное производство выросло во всех муниципальных районах по результатам на конец периода) и показателю потребления – обороту розничной торговли (кроме Таборинского муниципального района). Показатель распределения же, напротив, имел отрицательную динамику почти во всех муниципальных районах, за исключением Байкаловского муниципального района.

В Челябинской области рост сельскохозяйственного производства был менее равномерным, хотя наблюдался в большинстве муниципальных районов (за исключением восьми). В отличие от Свердловской области, на территории муниципальных районов Челябинской области более активно осуществлялись инвестиции в основной капитал и потребление росло более высокими темпами.

Анализ показателей, характеризующих пространственный каркас (физический базис) экономического пространства позволяет оценивать изменение освоенности экономического пространства в пределах территории муниципального района. Рассматриваются динамика плотности экономических агентов, муниципально-территориального устройства, специализированного (посевы, многолетние насаждения) и общего (жилищное строительство) землепользования.

Первым показателем рассмотрим плотность экономических агентов, характеризующую распределенность экономических агентов в пространстве. Рассчитанная динамика плотности экономических агентов Свердловской области представлена в таблице 13, Челябинской области – в таблице Б.4 (приложение Б). Исходные данные для расчета представлены в приложениях В и Г.

Во всех муниципальных районах плотность населения ниже, чем в среднем по Свердловской области. Наиболее высокая плотность в Камышловском и Нижнесергинском районах – 13 и 10,7 чел на 1 км² соответственно, самая низкая среди муниципальных районов Свердловской области – в Таборинском муниципальном

районе – 0,27 чел на 1 км². Это обусловлено значительной (самой большой среди муниципальных районов) площадью муниципального образования (11 367 км²) и очень небольшим населением (чуть больше 3 тыс. чел.). Плотность населения падает почти во всех муниципальных районах Свердловской области, по результатам периода плотность экономических агентов выросла только в Камышловском муниципальном районе.

Таблица 13 – Плотность экономических агентов муниципальных районов Свердловской области, чел./км²

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	6,94	6,86	6,79	6,69	6,65	6,64	6,58
Камышловский МР	12,89	12,83	12,79	12,90	12,95	13,08	13,09
Нижнесергинский МР	15,07	14,87	11,09	11,21	11,08	10,94	10,77
Слободо-Туринский МР	5,44	5,28	5,17	5,07	4,97	4,90	4,81
Таборинский МР	0,31	0,30	0,29	0,29	0,28	0,27	0,27
Свердловская область	22,17	22,21	22,24	22,27	22,29	22,28	22,26

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Резкое снижение плотности населения в Нижнесергинском районе в 2013 г. по сравнению с 2011–2012 гг. связано также с увеличением площади самого муниципального образования. Сокращение плотности экономических агентов на исследуемых территориях представляется крайне негативной тенденцией, так как именно агенты создают и развивают экономическое пространство, будучи носителями экономических действий. Экономические агенты формируют в том числе трудовой потенциал территории, являющийся основной движущей силой социального и экономического развития территорий¹. Сокращение плотности экономических

¹ Чулкова Е. А., Дегтярева Т. Д., Рахматуллина Л. И. Сельские трудовые ресурсы региона: состояние, тенденции развития и пространственное распределение // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5(55). С. 244; Микула Е. С. Обзор методов оценки человеческого капитала муниципального образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2(331). С. 97.

агентов представляется тем более критичным, что трудовой потенциал может сокращаться более быстрыми темпами, чем общая численность населения (и, следовательно, плотность), как происходит, например, в муниципальных районах и городских округах Вологодской области¹.

По плотности населения муниципальные районы Челябинской области дают неоднозначную картину: в регионе 13 муниципальных районов, плотность населения которых не превышает 10 чел. на 1 км², 12 муниципальных районов с плотностью выше 10 чел. на 1 км², но меньше средней по региону – 39,5 чел. на 1 км², и два муниципальных района, многократно превышающих региональную плотность населения – Еманжелинский и Коркинский. Высокая плотность населения в последних (437,6 и 580,1 чел. на 1 км² соответственно) обусловлена близостью к Челябинску, поскольку административный центр данных муниципальных районов находится в пределах 50 км от центра региона. Однако даже в этих муниципальных районах плотность экономических агентов падала на протяжении всего периода.

Плотность населения снижается в большинстве муниципальных районов. Исключение составили лишь Сосновский и Увельский муниципальные районы, плотность и численность населения которых выросли на конец периода. В Чебаркульском муниципальном районе показатель не изменился. Однако следует отметить, что Сосновский муниципальный район – единственный, где рост плотности и численности населения составил 15 % и продолжался в течение всего рассматриваемого периода, что в значительной степени объясняется его близостью к Челябинску. Выявленную тенденцию подтверждает и ранее проведенное исследование А. В. Шмидта, В. С. Антонюк, А. Франчини относительно влияния Челябинской агломерации в том числе на миграционный прирост (убыль) по городским округам и муниципальным районам. Авторы пишут о том, что «характеристика... свидетельствует о том, что за 2006–2014 гг. увеличился прирост населения только в близлежащих к Челябинску муниципальных образованиях (Копейск – на 102,41 %

---

¹ Чекмарева Е. А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 176.

и Сосновский район – 121,83 %). В Челябинске темпы роста населения составили 122,35 %. Во всех остальных городских округах и муниципальных районах произошла миграционная убыль населения»¹. Подчеркнем, что агломерации в целом повышают неравномерность, несбалансированность развития экономического пространства ввиду высокой концентрации населения и экономической деятельности в них² и являются важным фактором в территориальном планировании³.

Следующим шагом при анализе развития пространственного каркаса является оценка изменений *муниципально-территориального устройства регионов*. Как уже отмечалось, развитие экономического пространства выражается в возникновении новых поселений, его разрушение – в их исчезновении. Понятие поселения мы будем рассматривать как в географическом смысле (населенный пункт), так и с точки зрения муниципального устройства (как муниципалитет).

Динамика муниципального устройства Свердловской и Челябинской областей представлена в таблице 14.

Таблица 14 – Количество муниципальных районов, сельских и городских поселений (ГП) Свердловской и Челябинской области в 2011 и 2017 гг.

Регион	2011			2017		
	МР	СП	ГП	МР	СП	ГП
Свердловская область	5	16	5	5	16	5
Челябинская область	27	246	27	27	242	27

Примечание. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2012 г., 2017 г. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

¹ Шмидт, А. В., Антонюк В. С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 783.

² Лапаева М. Г., Лапаев С. П. Современные особенности размещения производительных сил // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 3. С. 28.

³ Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Территориальное планирование субъекта РФ с учетом развития городских агломераций // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии : материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.). Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018.

Муниципальное устройство Свердловской области не изменилось за период 2011–2017 гг., в отличие от Челябинской области, в которой при неизменном количестве муниципальных районов за счет укрупнения сократилось число входящих в их состав сельских поселений с 246 до 242.

Муниципально-территориальное устройство Свердловской области по состоянию на конец 2011 и 2017 г. в разрезе сельских и городских населенных пунктов представлено в таблице 15.

Таблица 15 – Муниципально-территориальное устройство Свердловской области на конец 2011 г. и 2017 г.

Муниципальное образование	2011			2017		
	Города	Поселки городского типа	Сельские населенные пункты	Города	Поселки городского типа	Сельские населенные пункты
Байкаловский МР	–	–	68	–	–	68
Камышловский МР	–	–	54	–	–	54
Нижнесергинский МР	2	3	33	2	3	33
Слободо-Туринский МР	–	–	48	–	–	48
Таборинский МР	–	–	34	–	–	33
Итого МР	2	3	237	2	3	236
Свердловская область	47	27	1 840	47	27	1 795

Примечание Численность и движение население муниципальных образований Свердловской области в 2011 г. : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2012; Численность и движение население муниципальных образований Свердловской области в 2017 г. : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2018.

Рассматривая муниципальные районы Свердловской области с точки зрения изменения числа населенных пунктов, можно отметить, что за анализируемый период в Таборинском муниципальном районе исчез один сельский населенный пункт – Законом Свердловской области от 14 ноября 2016 г. № 105-ОЗ был упразднен поселок Посолка¹. При этом в целом в Свердловской области за тот же

¹ Об упразднении поселка Посолка, расположенного на территории административно-территориальной единицы Свердловской области «Таборинский район», и о внесении изменений в приложение 92 к закону Свердловской области «О границах муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области» : закон Свердловской области от 14 ноября 2016 г. № 105-ОЗ.

период исчезло 45 сельских населенных пунктов, число же городских поселений (городов и поселков городского типа) не изменилось.

Муниципально-территориальное устройство Челябинской области по состоянию на конец 2011 г. и 2017 г. представлено в таблице Б.5 (приложение Б).

С точки зрения количества населенных пунктов состав муниципальных районов Челябинской области оставался неизменным, за исключением Сосновского муниципального района: в 2014 г. в нем добавился 1 населенный пункт – поселок Терема¹. Сосновский муниципальный район расположен в непосредственной близости к городскому округу с внутригородским делением Челябинску, ранее территориально входил в его состав. В связи с этим территория муниципального округа активно используется под строительство загородных поселков, дач (динамика земельных участков под жилищное строительство представлена также в таблице Б.6 приложения Б). Вновь образованный населенный пункт появился как один из таких поселков. Появление населенного пункта можно рассматривать как положительный признак долгосрочного расширения обжитого пространства и развития физического базиса экономического пространства.

Анализ *общего землепользования* основывается на показателе площади земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства, в расчете на 10 тыс. чел. населения. Динамика данного показателя для муниципальных районов Свердловской области (данные по 2016 г.) представлена в таблице 16, Челябинской области – в таблице Б.6 (приложение Б).

Объемы предоставления земельных участков под жилищное строительство не имеют устойчивой положительной динамики ни в одном из районов и в целом крайне неравномерны, что связано с зависимостью спроса на жилье от общей социально-экономической ситуации. Несмотря на это, объемы предоставления зе-

---

¹ О согласовании образования вновь возникшего населенного пункта на территории Кременкульского сельского поселения Сосновского муниципального района и присвоении ему наименования «Терема»: постановление Губернатора Челябинской области от 5 марта 2014 г. № 245; О присвоении наименования географическому объекту в Челябинской области и о внесении изменения в постановление Правительства РФ от 28 апреля 2014 г. № 379: постановление Правительства РФ от 19 августа 2014 г. № 825.

мельных участков под жилищное строительство, в расчете на 10 тыс. чел. населения выросли в Байкаловском, Слободо-Туринском, Таборинском муниципальных районах по результатам на конец периода, что свидетельствует о продолжающихся процессах хозяйственного освоения территории районов.

Таблица 16 – Площадь земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства, в расчете на 10 тыс. чел. населения в муниципальных районах Свердловской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Байкаловский МР	...	3,79	4,90	4,20	4,60	5,60
Камышловский МР	25,6	4,90	4,43	5,20	5,32	8,27
Нижнесергинский МР	7,5	3,90	19,90	29,88	6,20	5,50
Слободо-Туринский МР	6,8	8,58	9,50	9,70	6,63	18,23
Таборинский МР	...	...	7,50	45,50	14,90	20,00

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

Доступность данных по Челябинской области дает меньше материала для анализа, однако видно, что земли под строительство жилья выделяют и здесь. Положительная динамика предоставления земельных участков под жилищное строительство, в расчете на 10 тыс. чел. населения наблюдается в Ашинском, Еманжелинском, Карталинском, Каслинском и Уйском муниципальных районах. Тем не менее можно предположить, что работа с выделением земельных участков в Свердловской области ведется в больших масштабах и более системно.

Анализ *специализированного землепользования* базируется на показателях посевных площадей всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий и площадей многолетних насаждений плодово-ягодных культур. Данные показатели дают возможность оценивать степень освоенности физического базиса в соответствии с характеристикой муниципальных районов как территорий концентрации сельских поселений. Динамика посевных площадей всех сельскохозяй-

ственных культур в муниципальных районах Свердловской области представлена в таблице 17, Челябинской области – в таблице Б.7 (приложение Б).

Таблица 17 – Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий муниципальных районов Свердловской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	37 755	38 347	44 884,8	47 116,9	46 519,6	47 473,1	47 715,3
Камышловский МР	23 372	23 273	40 200,1	36 633,6	36 490,9	38 834,0	39 194,0
Нижнесергинский МР	12 334	12 464	21 594,1	21 886,0	21 489,1	21 512,9	26 311,1
Слободо-Туринский МР	12 251	12 825	17 599,9	17 370,0	19 415,3	20 583,9	19 889,0
Таборинский МР	–	–	–	–	–	3,3	3,3
Свердловская область	847 100	839 200	856 800,0	862 400	866 400,0	847 100,0	959 600,0

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Посевные площади сельскохозяйственных культур Свердловской области увеличились на 13 % в 2017 г. по сравнению с 2011 г., при этом муниципальные районы за тот же период увеличили площади своих посевов на 55 % (прирост на конец периода составил от 26% (Байкаловский муниципальный район) до более двух раз (Нижнесергинский муниципальный район)), что привело к росту их доли в региональных посевных площадях. Занимая 11,5 % территории региона, муниципальные районы смогли увеличить долю в региональных посевных площадях с 10,1 до 13,9 %, что говорит о процессе расширения экономической ойкумены. Отрицательным фактом является то, что в 2016 г. доля муниципальных районов региона составляла 15,2 % и в 2017 г. снизилась. Таким образом, увеличение площади посевов области в 2017 г. по сравнению с 2016 г. произошло не благодаря участию муниципальных районов.

В Таборинском муниципальном районе учитываемые площади посевов до 2016 г. отсутствовали, а в 2016–2017 гг. составили 3,3 га. С учетом площади муниципального района (максимальной среди муниципальных районов Свердловской

области) величина представляется незначительной, однако также является признаком расширения хозяйственно обжитого пространства.

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в Челябинской области на 99,6 % состоят из посевных площадей муниципальных районов, поэтому сокращение площади посевов региона на 7,2 % за весь рассматриваемый период означает сокращение площади посевов муниципальных районов на аналогичную величину, хотя необходимо отметить, что в последние два года рост посевных площадей возобновился. Большинство муниципальных районов (20) демонстрировали отрицательный результат на конец периода, что свидетельствует о сжатию ойкумены. Подчеркнем, что в данном случае муниципальные районы оказывают решающее влияние на развитие физического базиса экономического пространства.

Динамика площадей многолетних насаждений плодово-ягодных культур в муниципальных районах Свердловской области представлена в таблице 18, Челябинской области – в таблице Б.8 (приложение Б).

Таблица 18 – Многолетние насаждения плодово-ягодных культур в муниципальных районах Свердловской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	79,0	158,0	82,7	81,6	85,9	87,7	90,0
Камышловский МР	54,0	98,0	67,7	66,9	64,5	58,7	60,2
Нижнесергинский МР	341,0	682,0	398,1	392,7	449,3	458,5	470,7
Слободо-Туринский МР	260,0	520,0	275,1	271,4	295,7	301,8	309,8
Таборинский МР	18,0	36,0	31,8	31,4	28,4	29,0	29,8
Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi .							

Площадь многолетних насаждений плодово-ягодных культур в муниципальных районах в целом выросла к 2017 г. по сравнению с 2011 г., прирост за период варьировал от 12 % в Камышловском муниципальном районе до 66 % в Таборинском. Динамика многолетних насаждений плодово-ягодных культур в течение анализируемого периода была неравномерной, однако наибольший рост за период

наблюдался в 2012 г. – двукратный во всех районах, кроме Камышловского (прирост составил 81 % к уровню 2011 г.). За резким ростом 2012 г. последовало падение, однако к концу периода положительная динамика восстановилась во всех районах.

Площадь многолетних насаждений плодово-ягодных культур в муниципальных районах Челябинской области в основном не показывает положительной динамики (изменение с 2011 по 2017 г. составило –5 %). К 2017 г. площадь плодово-ягодных культур выросла только в Нагайбакском муниципальном районе на 3 га (11 %) и Каслинском – на 7 га (4 %); неизменной осталась в Варненском муниципальном районе. В остальных муниципальных районах площадь плодово-ягодных культур сократилась в пределах 7 % к концу периода, за исключением Агаповского муниципального района, в котором падение площади многолетних плодово-ягодных насаждений составило 47 %. В муниципальных районах Челябинской области объемы насаждений плодово-ягодных культур в абсолютных значениях резко не изменялись, однако наблюдается постепенное снижение показателя в течение всего периода.

В отношении развития физического базиса экономического пространства в муниципальных районах двух областей можно сделать следующие выводы.

В Свердловской области активно развивается как общее, так и специализированное землепользование. Однако с точки зрения населенности территории ситуация обратная – падает плотность населения, исчез один сельский населенный пункт, что в долгосрочной перспективе является крайне неблагоприятным признаком.

В Челябинской области специализированное землепользование в большинстве районов сокращается, что частично может быть связано с изменением конъюнктуры продовольственных рынков (ввиду высокого уровня самообеспеченности региона¹ часть произведенной сельскохозяйственной продукции вывозится в другие регионы), неочевидна положительная динамика и в общем землепользовании.

---

¹ Вопрос обеспечения продовольственной безопасности Челябинской области и импортозамещения рассмотрел комитет Законодательного собрания по аграрной политике. Режим доступа : <https://www.zs74.ru/news/vopros-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-chelyabinskoy-oblasti-i-importozameshcheniya>.

Тем не менее в Челябинской области, в отличие от Свердловской, появился один населенный пункт. Положительная динамика по плотности населения присутствует в двух муниципальных районах, однако один из них находится в непосредственной близости от Челябинской агломерации и испытывает ее влияние.

Анализ показателей, характеризующих связанность экономического пространства, позволяет оценить инфраструктуру, поддерживающую взаимодействие экономических агентов. На данном этапе анализа собственной экономической динамики муниципальных районов рассматриваются четыре показателя, отражающих развитие сети автомобильных и железных дорог, почтовой и телефонной связи.

Динамика доли населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципальных районов Свердловской области (данные по 2016 г.) представлена в таблице 19, Челябинской области – в таблице Б.9 (приложение Б).

Таблица 19 – Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципальных районов по муниципальным районам Свердловской области, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Байкаловский МР	0,91	0,87	0,87	0,99	0,95	0,40
Камышловский МР	2,13	1,72	1,62	1,62	1,60	1,36
Нижнесергинский МР	0,80	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70
Слободо-Туринский МР	0,40	0,40	0,35	0,32	0,45	0,50
Таборинский МР	19,80	...	20,30	14,00	14,00	5,00
Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi .						

В трех муниципальных районах Свердловской области доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, за весь анализируемый период не превышала единицы – Байкаловском,

Нижнесергинском, Слободо-Туринском. В оставшихся двух она сократилась: в Камышловском муниципальном районе – с 2,13 до 1,36 %, в Таборинском намного более существенно – с 19,8 до 5,0 %. С учетом низкой численности населения в последнем количество такого населения в абсолютном значении – не более 156 чел., что ниже, чем количество такого населения в Камышловском и Нижнесергинском муниципальных районах. В целом можно заключить, что доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, невелика (не более 960 чел.), а уровень связанности экономического пространства внутри муниципальных районов, обеспечиваемый железнодорожным и автобусным сообщением, высок.

В Челябинской области в муниципальных районах проживает 27 % населения (2017 г.), при этом существенная доля населения проживает в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, – 0,8 % населения региона, или 30 631 чел. (что практически равно численности населения Еткульского муниципального района). Доля такого населения в регионе остается высокой и в некоторых случаях достигает нескольких тысяч человек в одном муниципальном районе. Максимального значения доля такого населения достигла в 2016 г. и составила 1,1 % от населения региона, или 40 332 чел., во многом благодаря Чесменскому муниципальному району, 52,45 % населения которого (9 860 чел.) в 2016 г. проживали в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром. Однако в 2017 г. доля снизилась до 3,2 %, что в значительной степени улучшило региональный показатель. Необходимо подчеркнуть, что отсутствие необходимой инфраструктуры нарушает взаимодействие экономических агентов и ведет к высоким издержкам взаимодействия.

Динамика доли протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения по муни-

ципальным районам Свердловской области представлена в таблице 20, Челябинской области – в таблице Б.10 (приложение Б).

Таблица 20 – Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, по муниципальным районам Свердловской области, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	...	86,29	59,16	58,77	59,50	58,30	58,22
Камышловский МР	...	52,32	48,97	48,16	37,62	37,41	37,18
Нижнесергинский МР	...	53,54	54,01	70,89	80,36	80,36	80,39
Слободо-Туринский МР	...	8,56	35,34	49,29	51,78	51,78	51,78
Таборинский МР	...	53,73	0,90	9,58	10,15	10,45	41,94

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

Ситуация с качеством сети автомобильных дорог местного значения в муниципальных районах Свердловской области намного драматичнее. Стоит отметить, что в регионе обеспеченность автомобильными дорогами в целом ниже, чем обеспеченность железнодорожным транспортом, как показало исследование П. А. Пыхова и Т. О. Кашиной¹. Не отвечают нормативным требованиям от 37 % (в Камышловском муниципальном районе) до 80 % (в Нижнесергинском) дорог местного значения, т. е. в среднем по муниципальным районам 53,9 % дорог (максимальное значение за рассматриваемый период). В двух районах ситуация ухудшалась на протяжении всего периода – в Нижнесергинском и Слободо-Туринском. В обоих муниципальных районах масштабы деградации дорожного покрытия выглядят критично: в первом – доля дорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, увеличилась с 53,5 до 80,4 %, во втором – с 8,6 до 51,8 %. Отдельно стоит отметить Камышловский муниципальный район, показатели транспортной инфраструктуры которого постепенно улучшаются.

¹ Пыхов П. А., Кашина Т. О. Инфраструктурная обеспеченность регионов УрФО: методика оценки и результаты диагностики // Экономика региона. 2015. № 3. С. 71–72.

В противовес состоянию автобусного и железнодорожного сообщения с центром муниципальных районов в Челябинской области лучше ситуация с дорожным покрытием. К 2017 г. не отвечало нормативным требованиям в среднем 9,5 % автомобильных дорог общего пользования местного значения. Наихудший показатель – у Кусинского муниципального района, где не соответствовало нормативным требованиям 17,32 % дорог местного значения. Однако ситуация с дорогами в муниципальных районах Челябинской области представляет резкий положительный контраст с аналогичной ситуацией в Свердловской области.

Статистические данные обеспеченности населенных пунктов почтовой и телефонной связью доступны только начиная с 2014 г. Динамика числа сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, в муниципальных районах Свердловской области представлена в таблице 21, Челябинской области – в таблице Б.11 (приложение Б).

Таблица 21 – Число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, в муниципальных районах Свердловской области

Муниципальное образование	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	65	65	65	64
Камышловский МР	51	51	51	51
Нижнесергинский МР	31	31	31	31
Слободо-Туринский МР	44	44	44	44
Таборинский МР	16	23	23	23
Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi .				

Количество сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, оставалось неизменным во всех муниципальных районах, кроме Байкаловского, в котором количество таких населенных пунктов уменьшилось на один, и Таборинского, где количество таких населенных пунктов увеличилось на семь. Необходимо также отметить, что на данный момент в муниципальных районах не все сельские населенные пункты обслуживаются почтовой связью. Отсутствует почтовая связь в Байкаловском муниципальном районе – в 4, в Камышловском – в 3,

в Нижнесергинском – в 2, в Слободо-Туринском – в 4, в Таборинском – в 10 населенных пунктах.

В Челябинской области значительное количество муниципальных районов имеют хорошие показатели по обеспеченности почтовой связью. Все сельские населенные пункты обеспечены работой почты в Агаповском, Аргаяшском, Варненском, Еткульском, Карталинском, Кизильском и Нагайбакском муниципальных районах. Отрицательная динамика обеспеченности почтовой связью отмечается в восьми муниципальных районах. Есть и районы-аутсайдеры по данному показателю, в которых почта отсутствует более чем в половине сельских населенных пунктов – Еманжелинский, Каслинский, Катав-Ивановский, Пластовский муниципальные районы.

Динамика числа телефонизированных сельских населенных пунктов в муниципальных районах Свердловской области представлена в таблице 22, Челябинской области – в таблице Б.12 (приложение Б).

Таблица 22 – Число телефонизированных сельских населенных пунктов в муниципальных районах Свердловской области

Муниципальное образование	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	67	67	67	67
Камышловский МР	53	53	53	53
Нижнесергинский МР	30	31	31	31
Слободо-Туринский МР	44	44	44	44
Таборинский МР	20	24	24	24
Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi .				

Масштабы телефонизации сельских населенных пунктов в муниципальных районах Свердловской области также существенно не менялись. Изменения произошли только в Нижнесергинском муниципальном районе (+1 населенный пункт) и Таборинском (+4 населенных пункта). При этом без телефонной связи остаются по 1 сельскому населенному пункту в Байкаловском и Камышловском муниципальных районах, 4 – в Слободо-Туринском, 2 – в Нижнесергинском и 9 – в Таборинском.

Все сельские населенные пункты обеспечены телефонной связью в Аргаяшском, Варненском, Еткульском, Кизильском, Коркинском, Кусинском и Нагайбакском муниципальных районах Челябинской области, что во многом совпадает с перечнем районов, сельские населенные пункты которых полностью обеспечены почтой. Часть районов компенсирует отсутствие почтовой связи в населенных пунктах наличием телефонной: например, количество телефонизированных сельских населенных пунктов, существенно выше тех, где имеется почтовая связь, в Каслинском, Катав-Ивановском, Нязепетровском муниципальных районах. Количество муниципальных районов, имеющих отрицательную динамику по данному показателю, совпадает с количеством муниципальных районов с падающей обеспеченностью почтовой связью (восемь районов). Среди районов-аутсайдеров по данному показателю Ашинский, Брединский, Еманжелинский, Карталинский, Красноармейский, Кунашакский, Пластовский, Саткинский, Сосновский муниципальные районы – в них телефонная связь отсутствует более чем в половине сельских населенных пунктов. В целом можно отметить, что по данным на 2017 г. обеспеченность почтовой связью в муниципальных районах Челябинской области лучше, чем телефонной.

Можно сделать вывод, что с точки зрения связанности экономического пространства относительно хорошая ситуация в муниципальных районах Свердловской области сложилась с регулярным автобусным и железнодорожным сообщением. По обеспеченности почтовой и телефонной связью ситуация не меняется, хотя и не представляется критичной, кроме Таборинского муниципального района. Что касается автомобильного покрытия, то высокий процент дорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям (в среднем 53 %), является существенным препятствием в обеспечении внешней и внутренней интегрированности муниципальных районов. Однако, как отмечают Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева и И. И. Шурова, недостаток развития транспортной сети и транспортной инфраструктуры частично нивелируется развитием сотовой связи и сети Интернет¹.

---

¹ Dvoryadkina E. B. Kaibicheva S. I., Shurova I. I. Compression of economic space and its impact on peripheral areas // International Journal of Economics and Financial Issue. 2016. Vol. 6, no. 8 (Special Issue).

В Челябинской области относительно хорошая ситуация в муниципальных районах сложилась с качеством автомобильного покрытия, однако регулярное автобусное и железнодорожное сообщение с центром муниципального района не налажено более чем для 0,8% населения региона, что в условиях высокой дисперсности сельских населенных пунктов является негативным показателем уровня связанности экономического пространства. Обеспеченность почтовой и телефонной связью крайне неравномерна среди муниципальных районов Челябинской области, что оказывает дополнительное неблагоприятное воздействие на связанность экономического пространства в регионе и внешнюю и внутреннюю интегрированность муниципальных районов в него.

2.3 Идентификация конструктивных и деструктивных тенденций экономического развития муниципальных районов

На последних этапах методики выполняется обобщение оценок насыщенности экономического пространства муниципальных районов, развития их пространственного каркаса и связанности экономического пространства, которое позволяет провести идентификацию типа тенденций экономического развития и сделать заключительные выводы о влиянии муниципальных районов на экономическое пространство региона.

Для совокупной оценки используем балльный метод, при этом баллы присваиваются динамике муниципальных районов по следующим критериям:

- 4 балла – рост показателя в течение всего периода;
- 3 балла – нестабильная динамика, по результатам на конец периода – рост;
- 2 балла – нестабильная динамика, по результатам на конец периода показатель не изменился или показатель не менялся в течение периода;
- 1 балл – нестабильная динамика, по результатам на конец периода показатель снизился;

– 0 баллов – отрицательная динамика в течение всего периода.

Данные критерии действуют для всех показателей, кроме двух, имеющих отрицательный смысл (для них критерии применяются в обратном порядке):

– доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципального района;

– доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения.

Кроме того, в отношении показателей обеспеченности телефонной и почтовой связью в случае, если показатель сохранял максимальную величину на протяжении всего анализируемого периода, динамика оценивается в 4 балла.

Максимальное количество баллов составляет 64; тогда конструктивными можно считать тенденции экономического развития муниципальных районов, получивших от 33 до 64 баллов, деструктивными – от 0 до 32 баллов. В случае отсутствия данных динамика оценивается в 2 балла (стабильная). Совокупная оценка экономического развития муниципальных районов Свердловской и Челябинской областей представлена в таблицах 23 и 24.

Согласно полученным расчетам к конструктивным тенденциям можно отнести экономическое развитие трех из пяти муниципальных районов Свердловской области: Байкаловского (36 баллов), Камышловского (39 баллов), Нижнесергинского (36 баллов). Слободо-Туринский и Таборинский муниципальные районы (30 и 31 балл соответственно) характеризуются как деструктивно развивающиеся.

В Челябинской области конструктивными являются тенденции развития Еткульского, Карталинского, Каслинского, Нагайбакского, Сосновского, Троицкого, Увельского, Уйского муниципальных районов. Остальные 19 муниципальных районов имеют деструктивные тенденции экономического развития, т. е. оказывают разрушающее воздействие на экономическое пространство региона.

Таблица 23 – Балльная оценка экономического развития муниципальных районов Свердловской области на 2017 г.

Муниципальное образование	Присутствие МР в регионе				Насыщенность территории МР деятельностью экономических агентов			Развитие физического базиса МР				Связанность экономического пространства МР				Итого	
	Доля в численности населения	ИП по продукции сельского хозяйства	ИП по инвестициям в основной капитал	ИП по обороту розничной торговли	Сельскохозяйственное производство	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли	Плотность экономических агентов	МТУ	Земля под ИЖС и ЖС	Посевы	Многолетние насаждения	Без автобусного, железнодорожного сообщения с центром МР	Несоответствие автодорог нормам	Наличие почтовой связи		Наличие телефонной связи
Байкаловский МР	0	3	3	1	3	3	4	0	2	3	3	3	3	3	0	2	36
Камышловский МР	4	3	1	0	3	1	3	3	2	1	3	3	4	4	2	2	39
Нижнесергинский МР	0	3	1	4	3	1	4	1	2	1	3	3	4	0	2	4	36
Слободо-Туринский МР	0	1	1	4	3	1	4	0	2	3	3	3	1	0	2	2	30
Таборинский МР	0	3	1	0	3	1	1	0	0	3	2	3	3	3	4	4	31
Примечание. ИП – индекс присутствия; МТУ – муниципально-территориальное устройство; ИЖС и ЖС – индивидуальное жилищное строительство и жилищное строительство под комплексное освоение земель.																	

Краткое обобщение некоторых показателей (таблица 25) позволяет сделать вывод о более высокой в целом производительности труда и эффективности экономической деятельности в муниципальных районах Свердловской области по сравнению с Челябинской.

Несмотря на схожие проблемы, связанные с численностью экономических агентов, муниципальные районы Свердловской области имеют более равномерные и высокие балльные оценки производственной деятельности (продукция сельского хозяйства), развития пространственного каркаса в части общего и специализированного землепользования, а также связанности экономического пространства по показателям автобусного и железнодорожного сообщения, обеспеченности почтовой и телефонной связью, чем муниципальные районы Челябинской области.

Таблица 24 – Балльная оценка экономического развития муниципальных районов Челябинской области на 2017 г.

Муниципальное образование	Присутствие МР в регионе				Насыщенность территории МР деятельностью экономических агентов			Развитие физического базиса МР				Связанность экономического пространства МР				Итого	
	Доля в численности населения	ИП по продукции сельского хозяйства	ИП по инвестициям в основной капитал	ИП по обороту розничной торговли	Сельскохозяйственное производство	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли	Плотность экономических агентов	МГУ	Земля под ИЖС и ЖС	Посевы	Многолетние насаждения	Без автобусного, железнодорожного сообщения с центром МР	Несоответствие автодорог нормам	Наличие почтовой связи		Наличие телефонной связи
Агаповский МР	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	3	0	0	2	4	0	29
Аргаяшский МР	1	1	1	3	3	1	3	1	2	0	0	1	1	4	4	4	30
Ашинский МР	0	1	3	3	1	3	3	0	2	3	1	1	1	2	0	2	26
Брединский МР	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	3	1	1	2	2	1	30
Варненский МР	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	1	2	0	1	4	4	32
Верхнеуральский МР	0	1	1	4	1	1	3	0	2	2	1	1	3	4	0	0	24
Еманжелинский МР	0	3	1	3	3	1	3	0	2	3	1	1	2	2	2	2	29
Еткульский МР	0	1	3	3	3	3	3	0	2	4	1	1	2	4	4	4	38
Карталинский МР	0	2	3	3	3	3	3	0	2	4	1	0	4	1	4	4	37
Каслинский МР	0	1	3	3	1	3	3	0	2	3	1	3	3	3	1	3	33
Катав-Ивановский МР	0	1	1	4	1	1	3	0	2	1	0	1	1	2	2	4	24
Кизильский МР	0	1	1	3	3	1	3	0	2	0	1	1	4	4	4	4	32
Коркинский МР	0	1	1	3	3	1	3	0	2	1	1	1	2	3	2	4	28
Красноармейский МР	1	3	1	3	3	1	3	1	2	2	1	1	1	2	0	4	29
Кунашакский МР	0	3	1	3	3	1	3	1	2	2	1	1	3	2	0	0	26
Кусинский МР	0	1	1	4	1	1	4	0	2	2	1	1	3	2	0	4	27
Нагайбакский МР	0	3	1	4	4	1	4	0	2	1	1	3	1	2	4	4	35
Нязепетровский МР	0	1	1	4	1	1	3	0	2	1	1	1	3	2	2	0	23
Октябрьский МР	0	1	1	3	3	1	3	0	2	0	1	1	1	2	4	4	27
Пластовский МР	1	0	3	3	1	3	3	1	2	4	3	0	2	1	1	0	28
Саткинский МР	0	0	2	3	1	3	3	0	2	1	1	1	4	1	4	0	26
Сосновский МР	4	1	3	3	3	3	3	4	4	1	1	1	1	4	4	0	40
Троицкий МР	0	3	1	3	3	1	3	0	2	0	2	1	4	2	4	4	33
Увельский МР	2	3	3	1	3	3	1	3	2	3	2	0	2	2	4	4	38
Уйский МР	0	3	4	4	3	3	4	0	2	3	3	0	3	0	0	4	36
Чибаркульский МР	2	1	1	1	3	1	1	2	2	0	3	1	3	2	3	4	30
Чесменский МР	0	3	1	4	3	1	3	0	2	0	1	0	1	2	2	2	25

Таблица 25 – Доля муниципальных районов Челябинской и Свердловской области в некоторых региональных показателях

Региональный показатель	МР Свердловской области		МР Челябинской области	
	2011	2017	2011	2017
Численность населения	2,4	2,3	28,4	27,08
Продукция сельского хозяйства	7,1	10,9	88,5	88,6
Инвестиции в основной капитал	1,1	0,4	8,2	7,5
Оборот розничной торговли	0,5	0,5	2,8	5,8
Площадь земель МР	11,0	11,5	88,7	88,7
Площадь посевов	10,1	13,9	98,95	99,6

В Челябинской области муниципальные районы занимают 88,7 % территории региона, поэтому их равномерное развитие менее ожидаемо. Тем не менее в муниципальных районах региона сельскохозяйственное производство выступает важной составляющей экономической базы и его результаты оказывают существенное влияние на региональное экономическое пространство. Динамичнее, чем в Свердловской области, протекает воспроизводственный процесс в экономическом пространстве муниципальных районов Челябинской области в части процессов потребления и распределения: наблюдаются несколько более активные инвестиции по сравнению со Свердловской областью, высокими темпами растет потребление. Развитие пространственного каркаса экономического пространства имеет скорее отрицательную динамику, несмотря на появление нового населенного пункта и рост плотности населения в двух муниципальных районах. Наиболее критичной представляется ситуация в отношении связанности экономического пространства и интегрированности муниципальных районов как в экономическое пространство региона, так и внутри самих районов – она очень неравномерна, что является признаком разрушающего воздействия на экономическое пространство региона.

3 ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ: НАПРАВЛЕНИЯ, УСЛОВИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ

3.1 Лучшие практики пространственного развития и возможности их адаптации в отношении муниципальных районов

Рассматривая пространство как «экономический феномен и содержательную форму функционирования социально-экономической системы»¹, можно говорить о пространственном развитии не только как о прогрессивных изменениях физического базиса и функционирующей на нем социально-экономической среды, но и как о комплексе практических мер в области региональной экономической политики, направленном на повышение качества жизни населения. Необходимость учета пространственного фактора в практической деятельности по развитию муниципальных образований подчеркивается в ряде исследований². При этом, как отмечают Н. Н. Киселева и В. В. Браткова, «инструменты управления пространственным ростом диверсифицируются в зависимости от типа зоны роста»³, а под пространственным ростом понимается снижение концентрации населения в городах-центрах, рост полупериферии и периферийных территорий, появление новых точек развития, повышение равномерности распределения населения и экономической деятельности.

---

¹ Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 15.

² Колмакова Е. М. Социально-экономический анализ муниципальных образований по критерию их устойчивого территориального развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2(331); Маркварт Э. Э., Киселева Н. Н., Стародубровская И. В. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях : учеб. пособие. М., 2018; Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий : монография / Ю. Г. Лаврикова, С. Н. Котлярова, А. В. Суворова и др. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2018.

³ Киселева Н. Н., Браткова В. В. Управление пространственным ростом // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 31.

В соответствии с проведенным анализом экономико-пространственное развитие муниципальных районов может быть направлено на:

- 1) рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории;
- 2) сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности;
- 3) рост интегрированности муниципальных районов в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района;
- 4) сбалансированное развитие сельско-городских отношений (городские и сельские поселения в пределах муниципального района; муниципальные районы и городские округа в пределах региона).

Таким образом, принципиальный интерес в изучении лучших практик представляет опыт в области развития экономической деятельности в сельских муниципалитетах, раскрытия и сохранения их природно-ресурсного, демографического, экологического потенциала, улучшения инфраструктурного обеспечения, выстраивания сельско-городских взаимоотношений.

В целях исследования лучших практик пространственного развития целесообразно обращаться к опыту муниципальных образований стран, достигших высокого уровня социально-экономического развития. При этом основной интерес представляют муниципальные образования в странах, сходных по экономико-правовым, административно-территориальным, демографическим, природно-климатическим или иным условиям с изучаемыми субъектами РФ.

Первое направление – рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории.

На данный момент доминирующей парадигмой развития территорий, характеризующихся центробежным характером производственных отношений и наличием соответствующих специфических ресурсов, является парадигма мультифункционального развития, поскольку ресурсы, которыми обладает такая терри-

тория, имеют потенциал применения в разных сферах, а не только в сельском хозяйстве. Ключевые отличия парадигмы мультифункционального сельского развития представлены в таблице 26.

Таблица 26 – Новая парадигма сельского развития

Критерий	Старая парадигма	Новая парадигма
Цель	Выравнивание и назначение целевых показателей, ориентированное на доход фермы и ее конкурентоспособность	Конкурентоспособность сельских территорий, придание ценности сельским активам, вовлечение ранее неиспользуемых ресурсов
Ключевой целевой сектор	Основана на одном секторе	Разные сектора сельских экономик (например, сельский туризм, производство, информационно-коммуникационный сектор и др.)
Основные инструменты	Субсидии	Инвестиции
Ключевые участники	Национальные правительства, фермеры	Все уровни управления (наднациональный, национальный, региональный, локальный), множество локальных стейкхолдеров (общественные, частные, некоммерческие организации)
Примечание. New Rural Policy: Linking up for Growth. Paris : OECD Publication, 2015. P. 7.		

Мультифункциональное развитие сельских территорий – концепция, которая продвигает несельскохозяйственные виды деятельности и нацелена на преодоление стереотипа о том, что внегородские территории – это монофункциональные территории; «...эта концепция является не просто попыткой увеличить занятость, она дает гораздо больший импульс развитию сельских территорий, в том числе в части улучшения условий жизни и модернизации инфраструктуры»¹. Данная парадигма формирует отправную точку в поиске способов решения экономических проблем территории: через раскрытие потенциала территории, поиск неиспользуемых ресурсов, диверсификацию сельской экономики, повышение инвестицион-

¹ Multifunctional Development of Rural Areas. International Experience / ed. by P. Bórawski. Ostrołęka : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomiczno-Społecznej w Ostrołęce, 2012. URL : <https://ageconsearch.umn.edu/record/208117/files/Multifunctional.development2012.pdf>.

ной привлекательности, активное использование международного, межрегионального, межмуниципального опыта¹ и знаний.

В части роста экономической активности и экономически значимых результатов можно выделить два блока: меры, направленные на поддержку производства, и меры, направленные на улучшение предоставления услуг.

Основные проблемы, связанные с производством на данной территории, – конкуренция с городскими территориями за человеческие, финансовые, материальные и другие виды ресурсов, а также низкая производительность. Препятствиями на пути повышении производительности являются большое расстояние до рынков реализации готовой продукции и рынков материалов (ведут к высоким издержкам), небольшой размер локального рынка (необходимость продажи на другие территории), ограниченность рабочей силы, компетенций (результат – низкая конкурентоспособность товара по цене и ограниченность объема производства), старение и снижение численности населения. Таким образом, усилия органов местного самоуправления могут касаться данных направлений.

Возможности для повышения уровня экономической деятельности на сельских территориях несет в себе социальное предпринимательство. Такая характеристика социальных предпринимателей, как связанность с местным сообществом и вовлеченность в жизнь муниципалитета, означает, что они мобилизуют большое разнообразие локальных ресурсов и активов для достижения локально привязанных результатов, включая развитие социального капитала².

Несомненно, эффективность такой важной для экономики муниципальных районов отрасли, как сельское хозяйство, повышают точное земледелие или «умные» фермы. Появившись благодаря удешевлению интернет-технологий и сотовой связи, сейчас они дают производителям сельскохозяйственной продукции возможности применять точечный мониторинг локального климата, почвы, растений,

---

¹ См., например, Зырянов С. Г., Иванов О. П., Гордеев С. С. Устойчивость регионального развития и практика межмуниципального взаимодействия // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2017. № 1.

² Eversole R., Barraket J., Luke B. Social Enterprises in Rural Community Development // Community Development Journal. 2014. Vol. 49, Iss. 2.

животных, передвижения техники. Это вносит свой вклад в сокращение затрат на горючее, семена, воду, удобрение и средства защиты растений, корма. Накопление больших объемов данных позволяет составлять карты урожайности и делать севооборот более гибким¹. Данная практика уже активно заимствуется российскими предприятиями и приносит положительные результаты, что подтверждают обзоры, опубликованные в журнале «Эксперт»², поэтому подробно останавливаться на ней мы не будем.

Другой эффективной практикой может быть издольное сельское хозяйство (англ. share farming) – способ ведения сельскохозяйственной деятельности, при котором фермеры пользуются различными сельскохозяйственными активами в обмен на часть дохода с урожая или часть урожая, но не владеют ими. С одной стороны, такой способ ведения сельского хозяйства известен давно и ранее воспринимался скорее как негативное явление, так как получил распространение в феодальном обществе, в бедных странах Африки, в Индии. С другой стороны, сегодня, издольное сельское хозяйство применяется в развитых странах, поскольку дает возможность фермерам снять часть ответственности с себя и, соответственно, уменьшить риски и увеличить доход. Издольное сельское хозяйство также позволяет снизить барьеры входа в отрасль и привлечь в нее инвестиции, балансировать возрастную структуру занятых³. Издольное сельское хозяйство отличается от сельскохозяйственного производства по контракту (англ. contract farming), поскольку риски в нем разделены более пропорционально. Характеристика издольного сельского хозяйства с точки зрения разделения ответственности между его участниками представлена в таблице 27.

---

¹ См., например: Степных Н. В., Заргарян А. М., Нестерова Е. В. Электронная база данных состояния и функционирования агроландшафтов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 4.

² Лабыкин А. АПК уходит в «цифру» // Эксперт. 2018. № 25; Инкинжинова С. Зерно хотят оцифровать // Эксперт. 2018. № 25.

³ Sharefarming: How it works and why it could reshape farming // Farmers Weekly. 2018. August 24. URL : <https://www.fwi.co.uk/business/business-management/partnerships/share-farming-how-it-works-and-why-it-could-reshape-farming>.

Таблица 27 – Разделение ответственности в издольном сельском хозяйстве

Актив	Владелец	Оператор / Фермер
Экспертные знания	+	+
Сельскохозяйственные постройки	+	–
Сельскохозяйственная земля	+	–
Полевые машины и мобильная техника	–	+
Стационарное оборудование	+	–
Труд	–	+
Долгосрочный уход за землей	+	–
Капитальный ремонт строений	+	–
Часть оборотного капитала в виде доли фактических затрат	+	+
Доля в собственности на домашний скот	+	+

Примечание. Sharefarming: How it works and why it could reshape farming // Farmers Weekly. 2018. August 24. URL : <https://www.fwi.co.uk/business/business-management/partnerships/share-farming-how-it-works-and-why-it-could-reshape-farming>.

Второй блок практик связан с улучшением предоставления услуг населению. В сельской местности действует ряд специфических факторов, влияющих на стоимость услуг и, кроме ранее перечисленных, включающих также растущее разнообразие жителей и их потребностей и ограниченное количество организаций, предоставляющих услуги. Среди практик, позволяющих улучшить предоставление услуг населению и повысить их экономическую эффективность, можно назвать¹: альтернативные способы доставки услуг (например, передвижные стоматологические пункты, библиотеки); помощь муниципальных предприятий в оказании услуг, отсутствующих на территории; использование альтернативных источников электроэнергии, которые позволяют обеспечивать бесперебойное электроснабжение поставщиков услуг. Дополнительные возможности в этом направлении возникают благодаря современным цифровым технологиям и телекоммуникационной связи.

Европейская система по сельскому развитию (European Network for Rural Development) проанализировала разнообразный опыт внедрения концепции «Smart Village» («„Умная“ деревня») для улучшения качества и объема предоставления услуг на удаленных и малонаселенных территориях. Был сделан вывод о том, что

¹ New Rural Policy: Linking up for Growth. Paris : OECD Publication, 2015. P. 29–30.

цифровые технологии позволяют не только повысить разнообразие предоставляемых услуг, но и сделать процесс более гибким и настроенным на требования потребителя, при этом сами потребители участвуют в выборе проектов цифровизации населенного пункта¹. Среди примеров, решением которых стали цифровые технологии, можно назвать создание коворкингов в Испании (которые обеспечили не только рабочие места находящимся на территории муниципалитета путешественникам, но и приток новых жителей, стремящихся поменять образ жизни), предоставление услуг химчистки, ремонта, ухода за садом для старшего населения в Испании, онлайн-обучение фермеров в Австрии и многое другое².

Второе направление – сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности.

Поддержание степени освоенности территории, улучшение качественных характеристик физического базиса критическим образом зависит от плотности экономических агентов. Падение численности населения приводит к снижению контроля над территорией, обезлюдению и в конечном счете исчезновению поселений. В связи с этим интересны выводы Дж. Сисснер, анализировавшей нормативные документы шведских муниципальных образований относительно отражения в них вопросов демографического сжатия³. Хотя исследование было направлено на изучение ответа местного самоуправления на вызов сокращения населения (и его старения) в целом, а не в сельской местности, оно проводилось на материалах пяти муниципалитетов сельскохозяйственной провинции Эстергетланд, которые попадают по классификации Ассоциации местных органов власти и регионов Швеции в категорию С – маленькие города / городские территории

---

¹ Smart Villages: Revitalising rural services // EU Rural Review. 2018. No. 26. URL : https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd_publications/publi-enrd-rr-26-2018-en.pdf.

² Digital and Social Innovation in Rural Services / The European Agricultural Fund for Rural Development. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. URL : https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd_publications/publi-eafrd-brochure-07-en_2018-0.pdf.

³ Syssner J. Planning for Shrinkage? Policy Implications of Demographic Decline in Swedish Municipalities // Revista de estudios sobre despoblación y desarrollo rural. 2016. Vol. 20.

и сельские муниципалитеты¹. Автор исследования также отмечает, что шведские муниципалитеты не отличаются большой численностью населения в принципе (самый большой муниципалитет – Стокгольм, население которого составляет 890 тыс. чел., при этом средняя численность населения муниципалитета в Швеции – 15,5 тыс. чел.), а наибольшее падение численности населения происходит в самых маленьких из них, расположенных в сельской местности². Таким образом, рассмотрение данного опыта представляется целесообразным ввиду соответствия основных экономико-пространственных характеристик муниципалитетов.

Три вывода, к которым приходит автор исследования, заключаются в следующем. Во-первых, изменение демографической ситуации рассматривается муниципалитетами как важный фактор муниципального развития, так как ведет к дефициту компетенций и рабочей силы, финансовых ресурсов (налогов и субсидий), необходимости повышать эффективность социального обеспечения, прекращать или объединять предоставление существующих государственных услуг или перераспределять средства между ними (например, часть расходов на школы перенаправлять на уход за пожилым населением), в связи с чем возрастает роль межмуниципального сотрудничества и объединения ресурсов. Во-вторых, в документах муниципальных образований представлены два варианта реагирования на проблему демографического сжатия – принятие мер, направленных на стимулирование роста численности населения и повышение привлекательности территории для бизнеса и инвестиций, и мер по адаптации к данному изменению, оптимизации его последствий (например, управление основными средствами (жилым фондом, общественными зданиями и инженерной инфраструктурой³)), хотя последний вариант не оказывается в приоритете. Кроме перечисленных вариантов существуют еще два – игнорирование статистических данных и рассмотрение

---

¹ Classification of Swedish Municipalities 2017 / Swedish Association of Local Authorities and Regions. URL : <https://skl.se/download/18.6b78741215a632d39cbcc85/1487772640274/Classification+of+Swedish+Municipalities+2017.pdf>.

² Syssner J. Planning for Shrinkage? Policy Implications of Demographic Decline in Swedish Municipalities // Revista de estudios sobre despoblación y desarrollo rural. 2016. Vol. 20. P. 8.

³ Jonsson R., Syssner J. New Demography, Old Infrastructure: The Management of Fixed Assets in Shrinking Municipalities in Sweden // Dealing with Urban and Rural Shrinkage. Formal and Informal Strategies / ed. by G.-J. Hospers, J. Syssner. Zurich : LIT VERLAG GmbH&Co. KG Wien, 2018.

складывающейся демографической ситуации как возможности для нового витка в муниципальном развитии¹. В-третьих, по мнению исследователя, небольшие муниципалитеты, которые больше всего нуждаются в выработке стратегий для ответа на вызовы демографического сжатия, имеют меньше всего возможностей для этого, поэтому возрастает роль региональных и национальных органов власти в обеспечении информацией и лучшими практиками этих муниципалитетов и поддержке развития их нормативно-правовой базы.

В качестве способа, позволяющего сглаживать отрицательные последствия демографического сжатия, Дж. Сисснер и ее коллега М. Мейер рассматривают неформальные практики пространственного планирования². Словенский ученый С. Кузар определяет их как попытки жителей адаптировать пространство в соответствии со своими потребностями, предпринимаемые вне официальной (формальной) системы планирования³. Интересно, что С. Кузар не говорит о неформальных практиках пространственного планирования только как о положительном явлении – они могут также включать и незаконные способы отстаивания интересов (например, коррупция, лоббизм⁴), однако в дальнейшем мы будем иметь в виду те, которые соответствуют нормам закона и приводят к конструктивному диалогу между жителями и муниципалитетом. Согласно словенскому исследователю, существует три случая возникновения неформальных практик: 1) формальная система планирования не работает или дает неудовлетворительный результат (в силу временных затрат, противоречивости норм или отсутствия гибкости); 2) есть несоответствия между нормативным актом и практическим внедрением новых формальных институтов; 3) система планирования недостаточно легитимна («привязана» к реальной ситуации и не учитывает интересов стейкхолдеров). В этих слу-

---

¹ Hospers G.-J., Reverda N. *Managing Population Decline in Europe's Urban and Rural Areas*. London : Springer, 2015.

² Syssner J., Meijer M. *Informal Planning in Depopulating Rural Areas: A Resource-Based View of Informal Planning Practices* // *European Countryside*. 2017. Vol. 9, no. 3.

³ Kušar S. *Landscape Studies Informal Planning Practices: Some Evidence from Slovenia* // *Journal of Landscape Studies*. 2010. No. 3(3). P. 159.

⁴ *Ibid.* P. 162.

чаях использование неформальных практик позволяет компенсировать недостатки системы планирования, предусмотренной законодательством.

Дж. Сисснер и М. Мейер предлагают развивать неформальные практики на основе ресурсного подхода. Анализ неформальных практик пространственного планирования (т. е. являющихся результатом коллективного принятия решений и генерирующих пространственный эффект), проведенный учеными на материалах провинции Эстергетланд (Швеция) и Ахтерхук (часть провинции Гелдерланд, Нидерланды), позволил выявить четыре вида ресурсов, «приобретаемых» муниципалитетами благодаря инициативам жителей. Данные ресурсы компенсируют сокращение ресурсной базы из-за падения численности населения и позволяют поддерживать привлекательность территории и качество жизни.

Во-первых, это **финансовые ресурсы**, приток которых обеспечивается несколькими способами: запросом и получением общеевропейских субсидий (например, программа EU Leader), неоплачиваемой работой волонтеров, а также передачей операционных издержек под ответственность инициаторов проекта после завершения капитальных затрат (например, поддержание местной библиотеки или ледовой арены).

Во-вторых, **материальные ресурсы**, такие как техника и оборудование. Примером служит проведение широкополосного доступа к сети Интернет в Швеции. Для телекоммуникационных компаний невыгодно проведение оптоволокну на малонаселенных территориях, поэтому в Швеции государство предоставляет оборудование и материалы, а органы местного самоуправления и жители организуют и контролируют процесс прокладки кабеля. Другим примером может служить использование пустующих зданий, принадлежащих муниципалитету, когда жители предлагают идеи их использования или снижения издержек их эксплуатации.

В-третьих, **человеческие ресурсы** (знания, умения, компетенции, опыт, здравый смысл и интуиция). На территориях, где отмечается демографическое сжатие, в органах власти и общественных организациях происходит сокращение рабочих мест, увольнение сотрудников или выход на пенсию, в связи с чем качество человеческого капитала падает, хотя является важным фактором в управле-

нии такими территориями. Знание местных особенностей, которым могут поделиться жители, помогает улучшать процесс формального пространственного планирования. Для использования этих знаний, интеллектуального капитала, физических навыков жителей, а также достижения общественного консенсуса по вопросам использования территории муниципалитетов в изучаемой провинции Нидерландов организован и функционирует фонд Gelderse Federatie voor Dorpshuizen en Kleine Kernen (Региональный фонд для общинных центров и малых общин Гелдерленда). Использование знаний осуществляется и в обратном направлении. Шведский аналог этого фонда Hela Sverige Ska Leva («Вся Швеция будет жить») разработал свою методику локального экономического анализа, которая может применяться местными жителями для анализа данных государственной статистики с целью дальнейшего выдвижения инициатив. Методика аналогична разработкам, сделанным для городских экономик, таким как, например, «Understanding Your Local Economy: A Resource Guide for Cities»¹, и включает широкий набор инструментов (анализ временных рядов, темпов роста и прироста, сложных индексов, бенчмаркинг, ГИС-картирование, PEST-анализ, анализ добавочной стоимости, коэффициентов локализации, компетентностный аудит и другие с пояснениями и примерами). Разработка шведского фонда, по мнению еще одной группы ученых, не только позволяет выявлять активы, которыми обладает территория, но и избегать излишнего пессимизма². Кроме того, оба фонда являются площадкой для обмена опытом и интерпретации новых нормативно-правовых актов.

В-четвертых, **организационные ресурсы** (структуры планирования и координирования и социальный капитал). В этом случае муниципалитеты получают легитимность, признание принимаемых решений и возможность общей ответственности между активными жителями и представителями органов власти. Из активных жителей создаются работающие структуры, способные решать вопросы

---

¹ Understanding Your Local Economy. A Resource Guide for Cities. Washington, DC : The Cities Alliance, 2007.

² Hutmán M., Rydstrom C., Tingvall P. Localizing the Economy: Rural Development in Ostergotland // Dealing with Urban and Rural Shrinkage. Formal and Informal Strategies / ed. by G.-J. Hospers, J. Syssner. Zurich : LIT VERLAG GmbH&Co. KG Wien, 2018.

местного значения. Происходит делегирование ответственности в таких областях, как образование и здравоохранение, создание спортивных сооружений, озеленение общественного пространства.

Таким образом, неформальные практики позволяют расширять ресурсную базу «сжимающихся» муниципалитетов и тем самым поддерживать освоенность территории, сохранять ее привлекательность.

Исследование сельских территорий Латвии подтверждает, что разработка пространственной политики в муниципальных образованиях, испытывающих демографическое сжатие, связана с поиском баланса между оптимизацией издержек на выполнение обязательств социального обеспечения, предоставлении государственных услуг, содержание муниципальной собственности и инфраструктуры (англ. *shrink to survive* – «уменьшиться, чтобы выжить») и сохранением потенциала территории, ее привлекательности для населения и бизнеса, поскольку часто сокращение издержек (заккрытие школ, учреждений здравоохранения и др.) приводит к значительному оттоку населения на более перспективные территории¹. Особенно такая миграция характерна для территорий, граничащих с развивающимися центрами с высокой транспортной доступностью для населения из «сжимающихся» территорий. В отношении российских регионов эффект конкуренции муниципалитетов пока существенно ограничен, что частично сдерживает отток населения. Однако муниципальные образования могут намеренно привлекать внутренних мигрантов², поскольку такой инструмент увеличения численности населения более доступен на муниципальном уровне.

Сохранение и улучшение освоенности территории возможно и в случае создания в ее пределах объекта, повышающего ее привлекательность для проживания. Примером такого объекта служит Научный институт Гран-Сассо (Gran Sasso

---

¹ Pužulis, A. Shrinking of Rural Territories in Latvia / A. Pužulis, L. Kūle // *European Integration Studies*. 2016. No. 10.

² Martinez-Fernandez C., Weyman T. The Crossroads of Demographic Change And Local Development // *Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics* / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012.

Science Institute, GSSI) в регионе Абруццо (Италия)¹. На момент создания Института регион переживал длительную историю масштабной эмиграции из региона. В основном население эмигрировало из небольших сельских муниципалитетов. В 2000–2015 гг. регион потерял более 60 тыс. чел. в возрастной группе 15–34 лет (–17,5%), а доля людей в возрасте старше 65 лет превысила среднее значение по Италии и ЕС. В связи с этим осуществлялись различные программы по восстановлению социально-экономического состояния территории, направленные на усиление экономики знаний и ориентированные на развитие внутренних ресурсов региона, инноваций и конкурентоспособности. Однако эта структура не выдержала испытания экономическим кризисом 2008–2009 гг. В 2009 г. произошло землетрясение, вызвавшее масштабные разрушения. Научный институт Гран-Сассо был создан в 2012 г., чтобы предложить другой вариант программы социально-экономического восстановления. Фокус исследования Института сосредоточился на «чрезвычайном» событии землетрясения и на уникальных ресурсах и опыте территории, т. е. на поле исследований естественных наук. Целью стало развитие центра международного уровня в области геологии и физики для привлечения международных высококвалифицированных исследователей. До 2016 г. Институт находился в ведении Национального института ядерных исследований, однако позднее Министерство образования признало автономию GSSI как университета. GSSI почти полностью финансируется на общественные средства, он оказался успешным в привлечении человеческих ресурсов из-за рубежа и таким образом стимулировал восстановление человеческого капитала территории. Вероятно, еще рано делать окончательные выводы, но, по наблюдениям, на территории растет экономическая деятельность. Второй результат – создание новых стартапов и предприятий, связанных с Институтом.

Третье направление – рост интегрированности муниципального района в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района.

---

¹ Shrinking Rural Regions in Europe: Policy Brief. Luxembourg : European Spatial Planning Observation Network, 2017. URL : <https://www.espon.eu/rural-shrinking>.

Вопросы развития транспортной инфраструктуры являются одними из самых острых в развитии сельских муниципальных образований в силу их малонаселенности и, как результат, низкого спроса на транспортные услуги и удаленности, приводящей к высоким издержкам. В связи с этим принципиальное значение для выработки стратегий их экономического развития имеет уровень транспортной доступности или, как формулируют это Д. Хьюстон, С. Маккей и М. Мюррей, «категорию „сельское“ можно рассматривать в двух плоскостях: доступные сельские районы, отличающиеся ростом и связанностью; и периферийные сельские районы, часто характеризующиеся неопределенностью и удаленностью»¹. Таким образом, связанность с другими территориями региона представляет собой важный фактор в развитии сельских муниципальных образований.

В. Канцлер на VI Конференции по транспортным исследованиям в Швейцарии² отметил, что с учетом небольшой ресурсной базы таких муниципалитетов уже существующая инфраструктура должна использоваться как можно более полноценно, поскольку это позволяет сокращать чистые инвестиции, в отличие от создания новой транспортной инфраструктуры. Он обозначил несколько инновационных решений в области транспорта на малонаселенных территориях, используемых в регионах Германии:

- вовлечение граждан: перевозки небольшими автобусами, водителями которых являются местные жители (Bürgerbus);
- совместное или поочередное использование личных и общественных автомобилей (private and public car pooling);
- альтернативы классическому общественному транспорту: гибкие транспортные услуги, такие как вызов автобуса по телефону (Rufbus), вызов такси по телефону (Anruftaxi). К примеру, такие услуги предоставляет компания

---

¹ Houston D., McKay S., Murray M. Civic Engagement and Development Strategies Learning from the Experience of Participatory Rural Redevelopment // Future Directions for the European Shrinking City / ed. by W. Neill, H. Schlappa. New York : Routledge, 2016. P. 44.

² Canzler W. Infrastructure Investments in a Shrinking Society / W. Canzler. 6th STRC Swiss Transport Research Conference. Monte Verità, 2017. URL : http://www.strc.ch/2006/Canzler_STRC_2006.pdf.

Verkehrsverbund Schwarzwald-Baar GmbH¹ в земельном районе Шварцвальд-Баар. RufBus можно вызывать, но он курсирует по расписанию. Если житель планирует отправиться в поездку с семьей в выходные, RufBus может отвезти их в требуемое место назначения в регионе Шварцвальд-Баар. Единственное, что необходимо сделать пассажирам, – зарегистрироваться по соответствующему номеру телефона за один час до запланированного времени выезда и назвать ближайшую автобусную остановку к месту отправления и назначения, а также общее количество пассажиров. По запросу также есть возможность отправления с других остановочных пунктов, не входящих в маршрут. Группы с более чем шестью пассажирами должны звонить в Центр обслуживания клиентов за пять дней. В отличие от RufBus, Anruf-Sammel-Taxi не обязательно придерживаться автобусных маршрутов. Такси забирает пассажира на ближайшей автобусной остановке и максимально быстро доставляет до пункта назначения, а по запросу – даже до входной двери дома (за дополнительную плату с человека). Тарифы автобуса и такси такие же, как у обычного общественного транспорта данной транспортной компании; при путешествии после восьми вечера на автобусе взимается дополнительная плата.

Однако В. Канцлер подчеркнул, что повышение транспортной доступности также может привести к оттоку населения, если на территории не создаются рабочие места, существуют проблемы с социальным обеспечением и др. Одновременно он призывает к гибкой транспортной политике, которая должна отличаться в регионах, разнящихся по уровню социально-экономического развития и демографическим характеристикам².

Еще одним аспектом повышения связанности пространства внутри сельских муниципальных образований является обеспечение взаимодействия экономическим агентов, в том числе по поводу вопросов пространственного планирования. Проблема представляется крайне актуальной для России. В связи с этим интересен опыт Финляндии, которая добилась существенных успехов в привлечении жителей к участию в пространственном планировании на уровне муниципального обра-

¹ RufBus and Anruf-Sammel-Taxi. URL : <http://www.v-s-b.de/en/service/rufbus-und-ast.html>.

² Canzler W. Transport Infrastructure in Shrinking (East) Germany // German Politics & Society. 2008. No. 26(2).

зования, рассмотренный С. И. Федуловой¹. Системы планирования в странах ЕС в целом развиваются в направлении открытости и гибкости, а граждане все активнее вовлекаются в процесс принятия решений, хотя это по-прежнему во многом зависит от политической воли глав поселений. Во многих населенных пунктах Финляндии доступны только публичные слушания и письменные обращения, которые уже считаются неудобными, но формально обязательными. Однако, как пишет исследователь, «получает распространение широкий спектр таких методов, как семинары, мастер-классы, дискуссионные сессии, круглые столы, участие через обучение (лекции), интернет-опросы, краудорсинговые платформы»². Важную роль играет свободный доступ к информации об инициативах в пространственном планировании: «Во многих муниципалитетах Финляндии в каждый дом присылаются красочные буклеты о планируемом развитии территории, содержащие информацию о проектах, времени и месте публичных слушаний. Проекты с целью получения мнений и отзывов также могут выставляться на всеобщее обозрение в помещении департамента городского планирования, в университете, на официальном сайте, а зачастую и в непосредственной близости от планируемой территории, например в библиотеке»³.

Исследователь подробно анализирует опыт разработки Городского плана Хельсинки с точки зрения применения современных практик и технологий. Граждане могли участвовать в каждом этапе планирования, при этом в зависимости от этапа использовались разные консультативные практики (тематические семинары, творческие мастерские и др.). Особую ценность, по мнению С. И. Федуловой, представляет масштабный онлайн-опрос населения, проведенный на этапе разработки Плана: «В короткие сроки были охвачены разные возрастные категории населения, в том числе молодежь и люди трудоспособного возраста, разные группы по ценностям и интересам, например автолюбители и собаководы... Жителям предлагалось в течение месяца отмечать на интерактивной карте конкретные пло-

---

¹ Федулова С. И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 108.

щадки и маршруты в соответствии со специально разработанными вопросами, такими как возможность строительства нового жилья и офисов, обязательное сохранение территорий в текущем виде, улучшение состояния рекреационных территорий, разработка пешеходных и велосипедных маршрутов». Опрос позволил значительно увеличить количество участников процесса пространственного планирования по сравнению с традиционными способами вовлечения населения, что дало возможность изучить ожидания людей, снизить вероятность конфликтов, собрать большой массив данных о муниципалитете.

Интересно, что в России уже есть опыт адаптации модели северных стран для проведения голосований по вопросам жизнедеятельности городов, поселков, в том числе планирования, обустройства и развития городской среды. Портал «Активный гражданин» создан в рамках проекта «Участие населения в городском планировании и развитии – адаптация и апробация модели северных стран в Калининградской области», и реализован в 2015–2017 гг. в Калининградской области при поддержке Совета министров северных стран¹. Оператором проекта является Министерство по муниципальному развитию и внутренней политике Калининградской области. Результаты голосований учитываются органами государственной власти при принятии решений. При осуществлении контроля реализации проектов, информация, отзыв с приложением документов и фото поступают ответственному лицу, организовывающему голосование, для проверки фактов и при необходимости организации устранения выявленных нарушений. Чуть ранее, 21 мая 2014 г., был запущен пионерный проект в Москве².

Четвертое направление – сбалансированное развитие сельско-городских отношений.

Близость к развитой городской территории и интеграция в глобальный цикл «производство – потребление» часто оказывается критичным фактором развития муниципальных районов как муниципальных образований, концентрирующих

---

¹ Проект «Активный гражданин» (Калининградская область). Режим доступа : <https://ag.gov39.ru>.

² Проект «Активный гражданин» (Москва). Режим доступа : <https://ag.mos.ru/site/index>.

преимущественно сельские поселения. В Повестке территориального развития ЕС¹ на основе взаимозависимости между сельскими и городскими территориями утверждается необходимость их широкого партнерства: во-первых, важно улучшать доступ к городским территориям из близлежащих сельских для поддержания уровня занятости и обеспечения необходимыми услугами; во-вторых, у городских территорий возникает ответственность за развитие окрестных территорий.

Документ «Перспектива европейского пространственного развития» (ESDP)² в качестве одной из целей пространственного развития территории ЕС, которые должны приниматься во внимание при разработке документов на разных уровнях, называет необходимость полицентричного и гармоничного пространственного развития. Для этого требуется развитие партнерства между сельскими и городскими территориями в таких областях, как местный транспорт, управление отходами, разграничение жилых и промышленных территорий.

Словенский исследователь М. Дивьяк рассматривает случай стратегического пространственного планирования для двух городов – Любляны и Копера с точки зрения гармоничного развития города и близлежащих территорий³. Проблема, с которой столкнулась Словения, – демографическое сжатие в крупных городах (Любляне, Мариборе, Целе, Копере) с параллельным рассредоточенным ростом населения пригородов. В целом пространственная организация страны характеризуется полицентричностью, поскольку исторически Словения находилась на пересечении крупных транспортных путей, а ее регионы существенно различаются по природно-климатическим условиям. В 1960–1970-е годы в Словении наблюдалась ускоренная урбанизация, однако после 1981 г. население двинулось в противоположном направлении: все больше жителей переезжали из центра города ближе

---

¹ Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. URL : http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf.

² European Spatial Development Perspective: Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Potsdam : ESDP, 1999. URL : https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf.

³ Divjak M. S. Urban planning strategies for dealing with shrinkage and suburbanisation in Slovene cities // Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012.

к окраинам и в пригороды, при этом расселение происходило неравномерно. К началу 1990-х годов около трети населения Словении проживало в пригородах. В результате экстенсивные процессы субурбанизации с достаточно низкой плотностью во вновь формируемых поселениях снизили эффективность землепользования, ухудшили состояние окружающей среды и локальных экономик.

Для того чтобы направить процесс расселения в русло устойчивого развития, был разработан и осуществляется план децентрализованной концентрации поселений для Любляны и Копера с небольшими вариациями. Он включает три общих блока: 1) развитие центральных застроенных территорий города и его исторического центра; 2) обновление, возрождение и трансформацию центральных мест города для улучшения городской среды и повышения привлекательности города для нынешних и потенциальных жителей; 3) развитие небольших центров концентрации в пригородных и сельских территориях и создание сетевых связей между ними. Важный принцип децентрализованной модели – связь региональных очагов городского роста с маршрутами общественного транспорта. Это позволяет оживить инвестиционный процесс и тем самым восстанавливать эти территории на основе реструктуризации экономики и делегирования им новых городских функций. Основной целью в развитии внутренних районов страны является концентрация расселения, снижение «расползания» городов, а также переключение жителей на использование общественного транспорта, а не личных автомобилей.

В отношении Любляны эта модель направлена прежде всего на снижение транспортного давления на центр города и формирование нескольких центров городского роста в пригородах таким образом, чтобы рассеянный жилой фонд из отдельно стоящих домов в пригородах концентрировался вдоль транспортных осей. При этом улучшится снабжение населения товарами и услугами, а поселения смогут функционировать почти независимо.

Что касается Копера, то город, будучи важным административным, экономическим и образовательным центром, окажется более тесно связанным с пригородами и сельскими поселениями с помощью автомобильной и автобусной инфраструктуры. Планы по развитию инфраструктуры включают расширение порта (по-

стройка третьего причала), замену нынешнего шоссе Копер – Изола, которое идет по побережью, на новое шоссе, которое проложат по внутренним районам через тоннель, при этом прибрежное шоссе будет больше использоваться для развития рекреационных проектов и местных автобусных маршрутов.

Таким образом, стратегии для пригородных территорий связаны с созданием децентрализованной концентрации на субурбанизированных территориях, объединенных маршрутами общественного транспорта. Применение предложенных для городов моделей позволит улучшить следующие аспекты пространственного развития: концентрацию расселения и землепользование; качество городской среды новых городских центров и их функции; возможности по трудоустройству; коммунальную и другую инфраструктуру; концентрацию населения вблизи транспортных остановок; экологическую составляющую общественного транспорта.

На основе изученного опыта можно дать несколько рекомендаций в отношении обеспечения сбалансированного развития сельско-городских отношений.

Во-первых, ввиду малой населенности сельских и небольших муниципалитетов важно не только вписывать их в общую транспортную инфраструктуру, но и определять локальные центры городского роста, которые смогут заменить и выполнить часть функций крупного городского поселения.

Во-вторых, планирование городских территорий обязательно должно учитывать уровень развития, потребности и ресурсы близлежащих сельских территорий. Необходимо использовать положительные стороны сельской местности, такие как более низкая стоимость земли (жилья) и хорошие экологические условия, в особенности подкрепленные хорошей транспортной доступностью¹.

В-третьих, большое значение для выстраивания сельско-городских отношений имеет текущее расположение сельских территорий по отношению к городским. С этой точки зрения ОЭСР выделяет три типа сельских территорий²: сель-

---

¹ Schenkel W. Regeneration Strategies in Shrinking Urban Neighbourhoods: Dimensions of Interventions in Theory and Practice (Switzerland) // Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012. P. 179.

² New Rural Policy: Linking up for Growth. Paris : OECD Publication, 2015.

ские территории, расположенные внутри функциональных городских территорий; сельские территории, расположенные близко к ним, и удаленные сельские регионы. В зависимости от типа смещается фокус выстраивания отношений. В первом случае, например, основные сложности развития сельской территории будут связаны с «доставкой» местному населению услуг, потому что последние сконцентрированы в городском ядре; с соизмерением компетенций и навыков с требованиями локального рынка труда и управлением землепользованием под давлением со стороны городской территории. Во втором случае сельская территория достаточно интегрирована с городской экономикой, а ее экономика включает и некоторые городские сектора экономики, она в состоянии конкурировать с городом за бизнес и жителей, поэтому могут возникать конфликты землепользования, а также между потребностями новых и коренных жителей. В третьем случае территории вынуждены работать над своим конкурентным преимуществами (абсолютными и сравнительными), улучшать доступ к рынкам поставки произведенных на территории товаров, развивать трудовые навыки, компетенции населения в направлении поддержки сравнительного преимущества и улучшать предоставление услуг населению. Однако выстраивание отношений тем сложнее, чем больше разница между городским центром и сельской территорией.

В целом проведенный обзор лучших практик позволил сделать несколько общих выводов:

– развитие муниципального образования необязательно должно быть направлено на рост экономических и других показателей через привлечение инвестиций, богатого населения и другого рода стимулирование; альтернативными целями пространственного развития могут быть сохранение текущих показателей, территориальной идентичности муниципального образования, снижение его отрицательного влияния на экологическую ситуацию¹;

– пространственное развитие должно принимать во внимание множество разнонаправленных трендов, очерчивающих контекст развития региональных эко-

---

¹ Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalisation // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36.2. P. 221

номик и муниципальных районов как их части. В частности, такие, как «глобализация и регионализация, концентрация и децентрация населения и производства, „привязанность“ людей к родным местам и все возрастающая их мобильность с одновременным развитием высокоскоростного транспорта, новые подходы к организации городов – мегаполисов и формирование сельско-городских систем расселения, желание стабильной повседневности и приверженность к динамичной жизнедеятельности с применением новых социальных технологий»¹;

– значительное влияние на причины, следствия, способы противодействия сельскому сжатию как в чисто демографическом, так и в экономико-пространственном понимании оказывает экономико-правовой статус муниципальных образований. В случае Швеции, например, автономность муниципалитета и существенный объем ответственности не только оговорены в Конституции, но и финансово обеспечены, а сами муниципальные образования составляют заметную долю публичного сектора (83 % сотрудников сектора²);

– рассогласованность стратегических и программных документов пространственного развития разного уровня (международного (в рамках интеграционных объединений), национального, регионального, муниципального) является существенным препятствием в их реализации и снижает эффективность мероприятий. Причины рассогласованности могут носить политический характер или быть связанными с недостатком информации и ресурсов при разработке документов.

---

¹ Федулова С. И. Пространственное планирование в странах Европейского союза и Российской Федерации: географические особенности, лучшие практики : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. М., 2017. С. 7.

² Syssner J. Planning for Shrinkage? Policy Implications of Demographic Decline in Swedish Municipalities // Revista de estudios sobre despoblación y desarrollo rural. 2016. Vol. 20. P. 9.

3.2 Условия пространственного развития муниципальных районов в контексте региональной пространственной политики

Согласно определению лучшей практики в пространственном планировании, данному С. И. Федуловой, такая практика предполагает «передачу разработанных в одних условиях экспертных знаний для решения конкретной проблемы в другие условия в целях достижения подобного желаемого результата через использование компонентов переносимого метода, модели или политики»¹. Следовательно, для передачи экспертных знаний необходима оценка условий, определяющих перспективность внедрения этих знаний в муниципальное и региональное управление, т. е. главным образом нормативно-правового характера. С этой целью проанализируем основные нормативно-правовые документы, определяющие условия пространственного развития муниципальных районов в Свердловской и Челябинской областях.

Как показал анализ международного опыта, для муниципальных образований критичным оказывается то, насколько хорошо разработаны стратегические приоритеты экономико-пространственного развития на национальном уровне. Небольшие муниципальные образования, расположенные в сельской местности, нуждаются в них больше всего, так как обладают сравнительно меньшими ресурсами (материальными, организационными, человеческими) для разработки собственных стратегий, программ, планов мероприятий².

Нормативный каркас системы социально-экономического и пространственного планирования в РФ прописан в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее –

---

¹ Федулова С. И. Пространственное планирование в странах Европейского союза и Российской Федерации: географические особенности, лучшие практики : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. М., 2017. С. 16.

² Чулкова Е. А., Дегтярева Т. Д. Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных районов : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Оренбург : Оренбургский государственный аграрный университет, 2017.

Закон № 172-ФЗ). Статья 11 Закона предусматривает три уровня стратегического планирования (федеральный, региональный, муниципальный).

На федеральном уровне разрабатываются четыре группы документов стратегического планирования:

– документы в рамках целеполагания (Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию, Стратегия социально-экономического развития РФ, стратегия национальной безопасности РФ и ряд других документов в сфере ее обеспечения, стратегия научно-технологического развития РФ);

– документы в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу (отраслевые документы стратегического планирования РФ, **Стратегия пространственного развития РФ**, стратегии социально-экономического развития макрорегионов);

– документы в рамках прогнозирования (прогноз научно-технологического развития РФ, стратегический прогноз РФ, прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период);

– документы в рамках планирования и программирования (основные направления деятельности Правительства РФ, государственные программы РФ, государственная программа вооружения, схемы территориального планирования Российской Федерации, планы деятельности федеральных органов исполнительной власти).

Главным образом приоритеты национального экономико-пространственного планирования на федеральном уровне должны рассматриваться в группе документов стратегического планирования в рамках целеполагания по территориальному принципу. Предполагаемый ключевой документ в России, который определит в том числе и новый состав макрорегионов, – Стратегия пространственного развития РФ – еще не утверждена и находится на стадии обсуждения. Однако как ученые, так и практики отмечают существенные недостатки предложенного проекта. В частности, Е. М. Бухвальд и Н. В. Ворошилов делают вывод о том, что из объекта Стратегии фактически выпали сельские территории, а «опора лишь на агломе-

рации, конурбации, „сетевую кластерную модель“ приведет к дальнейшему „вымыванию“ населения из сельских территорий»¹, в документе не уделяется достаточного внимания проблемам развития на муниципальном уровне. С последним соглашается и директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Б. Н. Порфирьев. По его мнению, Стратегия не касается субрегионального и муниципального уровня, а также не дает долгосрочной перспективы и исходит из текущей ситуации на территориях². Большинство экспертов проект Стратегии оценивается как эклектичный, не подкрепленный серьезными расчетами и не согласованный с целями промышленного развития страны³.

Следовательно, на данный момент ориентирами в приоритетах экономико-пространственного развития являются Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию, Стратегия социально-экономического развития РФ, Стратегия научно-технологического развития РФ. Кроме того, для анализа приоритетов могут быть использованы документы, касающиеся развития сельских территорий (Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., Доктрина продовольственной безопасности РФ в части сельскохозяйственного производства и устойчивого развития сельских территорий). Результаты анализа данных документов относительно обозначаемых ими приоритетов экономико-пространственного развития в отношении муниципальных районов представлены в приложении Д.

При анализе документов стратегического развития федерального уровня, формирующих приоритеты экономико-пространственного развития муниципальных районов, очевидно отличаются два этапа: документы, принятые до вступления в силу Закона № 172-ФЗ в 2010–2014 гг. и принятые позднее в целях его реализации. На первом этапе устойчивому развитию сельских территорий придавалось

---

¹ Бухвальд Е. М., Ворошилов Н. В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 139.

² Ивантер А., Маврина Л., Обухова Е., Огородников Е. Дороги ради дорог // Эксперт. 2018. № 36. С. 14.

³ Там же. С. 11–17.

большее значение в том числе с учетом того, что развитие сельских территорий позволит снизить дифференциацию социально-экономического развития разных типов муниципальных образований (городских и сельских). На текущем этапе несомненен сдвиг в сторону приоритета городского развития и развития промышленности, концентрированного развития экономической деятельности, поддержки процессов новой индустриализации, несмотря на важную роль сельской местности в повышении качества жизни в постиндустриальном обществе. Хотя в предлагаемом проекте Стратегии пространственного развития одним из приоритетов названо формирование и развитие экологического каркаса РФ как совокупности иерархически связанных между собой озелененных территорий, ценных для сохранения и поддержания биологического разнообразия, природных экологических процессов, водной и воздушной среды, а также здоровья и качества жизни населения, на наш взгляд, он раскрыт недостаточно. Представляется, что указанный сдвиг в приоритетах стратегического планирования и развития связан с попыткой повысить эффективность использования государственных средств и контроля за их использованием, однако это усугубляет асимметрию экономико-пространственного развития.

Второй вывод по результатам анализа – процесс расстановки приоритетов в пространственном планировании в Российской Федерации затруднен (в силу ряда причин, в том числе географического, природно-климатического разнообразия и др.), на текущем этапе приоритеты сформулированы противоречиво, что осложняет экономико-пространственное планирование на муниципальном уровне. В связи с этим стоит отметить, что «планирование, которое создает добавочную стоимость, включает пространственное конструирование и целевое развитие, никогда не является результатом только лишь законодательной деятельности; оно требует взаимодействия закона, политики, граждан и участников рынка. Одни только правила не могут дать единомыслия и сформировать общее видение»¹. С одной стороны, федеральный уровень пространственного планирования не может детально учи-

---

¹ Gawrońsk K., Van Assche K., Hernik J. Spatial Planning in the United States of America and Poland // *Infrastruktura i ekologia terenów wiejskich = Infrastructure and Ecology of Rural Areas*. 2010. No. 11. P. 65.

тывать особенности каждой территории, с другой – он может и должен обеспечивать бóльшую объективность приоритетов пространственного развития для регионов.

Документы стратегического планирования регионального уровня Законом № 172-ФЗ поделены на три группы: документы в рамках целеполагания (стратегия социально-экономического развития субъекта РФ); прогнозирования (прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период, бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период); планирования и программирования (план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, государственные программы субъекта РФ, схема территориального планирования двух и более субъектов РФ, схема территориального планирования субъекта РФ). Документы стратегического планирования регионального уровня, оказывающие определяющее влияние на условия экономико-пространственного развития муниципальных районов Свердловской и Челябинской области, систематизированы в таблице 28.

Как отмечают Е. М. Колмакова, И. Д. Колмакова, Н. А. Дегтярева, «взаимосвязь пространственного развития территории со стратегическим планированием экономики проявляется во включении в структуру разрабатываемых в субъектах РФ стратегий социально-экономического роста блоков управления пространственным развитием территорий»¹, по этому пути идет Челябинская область. Одновременно в предлагаемом проекте Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г. пространственные аспекты занимают отдельный блок – приоритетное направление «Основные направления пространственного развития Челябинской области». Целью пространственного развития объявлено «формирование устойчивого пространственного каркаса расселения», в рамках него выделено четыре поднаправления: «Развитие городских агломераций»; «Современная жилая среда»; «Доступная энергия»; «Кластерное развитие и цепочки поставок».

---

¹ Колмакова Е. М., Колмакова И. Д., Дегтярева Н. А. Пространственное развитие региона в контексте стратегии социально-экономического роста // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3(413). С. 30.

Таблица 28 – Нормативно-правовые документы, формирующие условия экономико-пространственного развития муниципальных районов Свердловской и Челябинской области на перспективный период

Тип документа	Свердловская область	Челябинская область	Область создаваемых нормативно-правовых условий
Стратегия пространственного развития	–	Раздел Проекта Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г. (проект)	Региональная система расселения и размещения производственных и инфраструктурных объектов на территории в контексте ее освоенности
Стратегия социально-экономического развития	Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ «О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.»	Постановление Законодательного собрания Челябинской области от 26 марта 2014 г. № 1949 «О принятии стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2020 г.»	Целеполагание в области социально-экономического развития региона
Схема территориального планирования	Постановление Правительства Свердловской области от 31 августа 2009 г. № 1000-ПП «Об утверждении схемы территориального планирования Свердловской области (с изм. от 19 июля 2018 г.)	Постановление Правительства Челябинской области от 24 ноября 2008 г. № 389-П «О схеме территориального планирования Челябинской области»	Обоснование выбранного местоположения объектов на территории во взаимосвязи с ее перспективным развитием (социальным, экономическим, экологическим, управленческим), на основе анализа возможностей и ограничений по использованию территории
Программа развития агропромышленного комплекса	Постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2013 г. № 1285-пп «Об утверждении государственной программы Свердловской области „Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2024 г.“»	Постановление Правительства Челябинской области от 21 декабря 2016 г. № 724-П «О государственной программе Челябинской области „Развитие сельского хозяйства в Челябинской области на 2017–2020 гг.“» (с изм. на 20 июня 2018 г.)	Мероприятия, направленные на корректировку функционирования сельского хозяйства или отраслей агропромышленного комплекса в совокупности и рынков продовольствия

Первое поднаправление включает развитие не только агломераций, но и полицентрических конурбаций и агломераций, а также экономических и административных центров территорий. В рамках этого направления большое внимание уделено транспортной связанности и доступности ключевых экономических центров. Например, утверждается необходимость улучшения «транспортной доступности ключевых экономических центров (Челябинск, Магнитогорск, Троицк, Сатка, Карталы) для жителей сельских и пригородных территорий через строительство и реконструкцию автодорог с твердым покрытием, связывающих ключевой экономический центр с населенными пунктами, расположенными на удалении в пределах 50 км».

Пространственное развитие Челябинской области нацелено на продолжение применения практики укрупнения муниципальных образований. Укрупнение предлагается проводить в два этапа: первый этап (до 2025 г.) – консолидация в рамках существующего правового поля через объединение части муниципальных районов путем присоединения районов с меньшей численностью населения административного центра к районам с большей численностью населения административного центра, а также объединение городских округов и муниципальных районов, имеющих один административный центр; второй этап (до 2035 г.) – объединение ряда муниципальных районов с городскими округами, создание агломераций, что в перспективе потребует внесения изменений в действующее законодательство РФ относительно определения понятия «агломерация», утверждения порядка формирования и функционирования агломераций, а также процедуры объединения районов и городских округов с разными административными центрами.

Следует отметить, что в предлагаемом проекте проведена обстоятельная инвентаризация активов и стратегических позиций Челябинской области, а также учтены современные тренды и концепции, такие как цифровая экономика, серебряная экономика, обучение в течение всей жизни, ресурсосбережение и др. Направления пространственного развития территории сформулированы с учетом современных подходов к управлению его параметрами.

Текущей стратегией социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. приоритет отдан развитию промышленного потенциала экономики региона, однако она также нацелена на обеспечение сбалансированного развития территории региона (параграф 5). В рамках последнего приоритета предусмотрены следующие направления, касающиеся развития сельских территорий и сельской экономики: увеличение доли потребления сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности, произведенной на территории региона; повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий; повышение эффективности функционирования АПК и конкурентоспособности его организаций; содействие развитию малых форм хозяйствования в сельской местности, личных подворий граждан. В части развития транспортно-логистического потенциала Свердловской области на сельских территориях предполагается увеличение количества сельских населенных пунктов, которые обеспечены постоянной круглогодичной связью с сетью автомобильных дорог общего пользования по дорогам с твердым покрытием (на 47 единиц).

Стратегические документы отраслевого и территориального планирования на региональном уровне, формирующие условия экономико-пространственного развития, представлены государственными программами региона.

В государственной программе Свердловской области «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2024 г.» выделено пять действующих подпрограмм: «Развитие агропромышленного комплекса Свердловской области»; «Устойчивое развитие сельских населенных пунктов Свердловской области»; «Развитие потребительского рынка Свердловской области»; «Обеспечение благоприятного состояния окружающей среды Свердловской области»; «Обеспечение реализации государственной программы «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2024 г.» (эффективность органов государственной власти). Подпрограмма 6 «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения Свердловской области» была исключена постановлением Правительства Свердловской области от 4 марта 2015 г. № 131-ПП. При этом в рамках подпрограммы

«Устойчивое развитие сельских населенных пунктов Свердловской области» предусмотрено финансирование решения следующих задач: 1) повышение уровня и качества газоснабжения в сельской местности; 2) улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов; 3) формирование единой сети автомобильных дорог, круглогодично доступной для населения и хозяйствующих субъектов; 4) развитие сети учреждений культурно-досугового типа в сельской местности; 5) **грантовая поддержка местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности;** 6) развитие сети плоскостных спортивных сооружений в сельской местности.

Подпрограмма «Развитие агропромышленного комплекса Свердловской области» предусматривает финансирование решения ряда задач в области развития сельской экономики: 1) развитие растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства; 2) развитие животноводства, переработки и реализации продукции животноводства; 3) развитие мясного скотоводства; 4) поддержка малых форм хозяйствования; 5) инновационное развитие сельскохозяйственного производства; 6) активизация инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе, техническая и технологическая модернизация производства; 7) реализация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе Свердловской области; 8) обеспечение агропромышленного комплекса квалифицированными кадрами.

В государственной программе Челябинской области «Развитие сельского хозяйства в Челябинской области на 2017–2020 гг.» шесть подпрограмм: «Развитие отраслей агропромышленного комплекса»; «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие»; «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе»; «Развитие товарной аквакультуры»; «Устойчивое развитие сельских территорий»; «Управление реализацией государственной программы Челябинской области „Развитие сельского хозяйства в Челябинской области на 2017–2020 гг.“». Таким образом, две подпрограммы совпадают по сфере проведения – устойчивое развитие сельских территорий и АПК. В отличие от Свердловской области, подпрограмма «Развитие отраслей агропро-

мышленного комплекса» нацелена на улучшение показателей уже существующих отраслей, а также сохранение оптимального уровня производства и самообеспечения сельскохозяйственной продукцией. Остальные направления, которые включены в симметричную программу в Свердловской области, – инвестиционная деятельность, инновационное развитие, модернизация производства – реализованы в отдельных подпрограммах; отдельно выделена также программа развития аквакультуры. В целом контроль над программами представляется более простым в силу их однозадачности.

Подпрограмма, касающаяся устойчивого развития сельских территорий Челябинской области, нацелена на создание комфортных условий для жизнедеятельности населения и благоприятных инфраструктурных условий для инвестиций в АПК. Среди ее задач: удовлетворение потребностей сельского населения, в том числе молодых семей и молодых специалистов, в благоустроенном жилье; повышение уровня комплексного обустройства населенных пунктов, расположенных в сельской местности, объектами инженерной инфраструктуры; строительство и реконструкция автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, ведущих от сети автомобильных дорог общего пользования к ближайшим общественно значимым объектам сельских населенных пунктов, а также к объектам производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Следовательно, по содержанию задач программа совпадает с аналогичной в Свердловской области. Однако целесообразно заметить, что транспортное направление последовательно получает приоритет в региональных документах Челябинской области и, как показывают имеющиеся данные, в отличие от Свердловской области показывает положительные результаты.

Следует отметить, что на субрегиональном уровне условия осуществления экономико-пространственного развития включают и нерешенные проблемы функционирования муниципальных образований в России, наиболее четко систематизированный перечень которых изложен в исследовании Е. М. Бухвальда и Н. В. Ворошилова, в том числе несовершенство законодательства, регламентирующего развитие местного самоуправления; дефицит собственных доходных ис-

точников и недостаточность финансовой поддержки со стороны государства (при этом постоянное реформирование института местного самоуправления в России пока никак не направлено на решение проблемы финансового обеспечения); низкая эффективность взаимодействия с органами государственной власти; отсутствие полной и достоверной информации о социально-экономическом развитии муниципалитета; пассивность местного населения; ограниченность полномочий органов местного самоуправления в сфере экономического развития территории¹. В дополнение к этому исследователи обращают внимание на то, что муниципальное звено воспринимается преимущественно как самый нижний уровень власти и управления, а не как самостоятельный и равноправный партнер в решении социально-экономических проблем, в связи с чем особая природа местного самоуправления не получает достаточного практического воплощения².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на масштабную трансформацию системы стратегического планирования, происходящую в РФ с 2014 г., и в определенной степени противоречивость некоторых документов стратегического планирования, в отношении экономико-пространственного развития муниципальных районов можно выделить ряд приоритетов: полицентричное развитие территорий муниципальных образований; диверсификация муниципальной экономики; инфраструктурное развитие и рост связанности экономического пространства; конкурентоспособность отраслей муниципальной экономики и рост производительности труда; повышение уровня жизни сельского населения и снижение асимметрии доходов и уровня и качества жизни сельского населения по сравнению с городским; опора на крупные города как источники гармоничного развития пространства при одновременном сохранении самобытности малых населенных пунктов; рост населенности территории через повышение ее привлекательности для населения и бизнеса; технологизация видов экономической деятельности первичного сектора экономики; поддержка малых форм хозяйствования

---

¹ Бухвальд Е. М., Н Ворошилов. В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 133.

² Там же. С. 133.

и кооперации и рост доходов в экономике муниципальных районов; сохранение функционального предназначения сельских поселений, входящих в состав муниципального района, в национальной экономике; устойчивое развитие экономики муниципального района в части природопользования, энергетики, смягчения рисков антропогенного воздействия; развитие неформальных практик пространственного планирования на основе повышения гражданственности.

3.3 Муниципальные программы и проекты как инструмент управления пространственным развитием муниципальных районов

На уровне муниципального образования разрабатываются такие документы стратегического планирования, как стратегия социально-экономического развития муниципального образования; план мероприятий по ее реализации; прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; муниципальные программы. Согласно Закону № 172-ФЗ муниципальная программа – документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития муниципального образования. При этом для реализации целей развития территории муниципального района могут применяться проекты и, соответственно, проектное планирование, которое «связано с реализацией какого-либо проекта (проектов), достаточно масштабного, чтобы повлиять на социально-экономическую ситуацию»¹.

---

¹ Алпацкая Е. Г. Современные подходы и этапы территориального планирования в муниципальном образовании // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1(356). С. 5.

С целью внедрить лучшие практики по сформулированным направлениям и в соответствии со стратегическими приоритетами в отношении муниципальных районов автор считает возможным предложить концепцию муниципальной программы экономико-пространственного развития, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципального района. Целевые установки и задачи предлагаемой муниципальной программы экономико-пространственного развития представлены на рисунке 5.

Рисунок 5 – Концептуальная схема муниципальной программы экономико-пространственного развития муниципального района

Целесообразность такой программы обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, в контексте внедрения элементов пространственного планирования, предусмотренного Законом № 172-ФЗ на федеральном уровне, присутствия раздела пространственного развития в региональных социально-экономических стратегиях, логичным шагом выглядит учет пространственного фактора на муниципальном уровне. Во-вторых, такая программа будет увязывать предложенную методику идентификации конструктивных и деструктивных тенденций развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона с систематизированной совокупностью мероприятий, отражающих выделенные в нашем исследовании направления экономико-пространственного развития муниципального района. В-третьих, текущая практика пространственного развития на муниципальном уровне предлагает стратегические документы, при этом ей не хватает тактического уровня. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, требует пояснения.

И. А. Антипин и Н. В. Казакова несколько лет назад в исследовании отмечали, что «пространственный фактор недостаточно учитывается в муниципальном управлении... в первую очередь проявляется в несформированности взаимоувязки документов социально-экономического и территориального планирования»¹, и на примере городского округа указывали основные задачи, которые должны ставить органы местного самоуправления в пространственном развитии территории. На данный момент городские округа разрабатывают стратегии, в которых пространственный фактор учитывается в сравнительно большей степени (примерами таких стратегий могут быть стратегии МО г. Екатеринбург², МО г. Можга³, ГО Богданович⁴ и др.). При этом, очевидно, что ввиду гораздо большей концентрации

---

¹ Антипин И. А., Казакова Н. В. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 8. С. 1012. Режим доступа : <https://creativeconomy.ru/journals/rp/archive/25061#35119> (дата обращения: 02.12.2018).

² Стратегия пространственного развития Екатеринбурга на период до 2030 г. Режим доступа : <https://екатеринбург.рф/file/05cb08432aba985ef0f3331bf8f94f6d>.

³ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «город Можга» на 2015–2025 гг. Режим доступа : https://www.mozhga-gov.ru/city/ekonomika/socio_position/ssermogm_2015_2025.pdf

⁴ Стратегия социально-экономического развития городского округа Богданович до 2035 г. Режим доступа : <http://www.gobogdanovich.ru/pub/economics/project-strateg/project.pdf>.

населения и экономической деятельности в городах, потребность в учете пространственного фактора при планировании сформировалась в них раньше, чем в муниципальных районах.

Тем не менее муниципальные районы также преуспели в области учета пространственного фактора в документах стратегического характера. Среди примеров можно назвать исследование В. И. Кондратьевой, Н. А. Степановой, В. Н. Марковой, построенное на стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Ленский район Республики Саха (Якутия)»¹, в котором авторы приходят к выводу о необходимости «переосмысления исторически сложившегося социально-экономического пространства Ленского района в процессе изменения его экономической специализации», выдвигают собственные предложения относительно специализации населенных мест и обосновывают приоритетные направления социально-экономического развития сырьевого района на основе принципов инклюзивности местных сообществ. Другим примером инкорпорирования пространственного фактора в стратегическое планирование муниципального района можно назвать разработку Стратегии пространственного развития Уйского муниципального района Челябинской области до 2035 г.² Доклад «Принципы разработки муниципальных стратегий пространственного развития (на примере Стратегии пространственного развития Уйского муниципального района)» был представлен на Всероссийской научно-практической конференции «Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики» Д. Г. Абдрашитовым 26 октября 2018 г. Таким образом, пространственный фактор находит реализацию в стратегических документах муниципальных образований и в том числе муниципальных районов, одновременно на тактическом уровне формируется потребность в инструментах, способных поддерживать воплощение этого направления. Подчеркнем, что если му-

---

¹ Кондратьева В. И., Степанова Н. А., Маркова В. Н. Пространственные аспекты стратегического планирования развития муниципального района // ЭКО. 2018. № 5(527).

² Стратегия пространственного развития Уйского муниципального района до 2035 г., утв. решение Собрания депутатов Уйского муниципального района Челябинской области от 25 сентября 2018 г. № 224.

муниципальный район уже разработал собственную стратегию пространственного развития или предусмотрел соответствующий раздел в своей стратегии социально-экономического развития, то он может использовать предлагаемую концепцию программы для тактического управления своим экономико-пространственным развитием. В случае, если такая стратегия или раздел отсутствуют, муниципальный район может взять концепцию программы за основу создания стратегии или раздела.

Организационно-экономический механизм реализации предлагаемой муниципальной программы экономико-пространственного развития муниципального района представлен на рисунке 6.

Рисунок 6 – Организационно-экономический механизм реализации программы экономико-пространственного развития муниципального района

Его особенностью является обязательное присутствие среди организационных элементов форм организации социального капитала муниципального района, позволяющих решать задачи экономико-пространственного развития территории. Социальный капитал муниципального района может принимать форму организованных дискуссионных площадок, инициативных групп, структур координации проектов. Отдельно необходимо выделить партиципаторное бюджетирование как практику расширения участия граждан в бюджетном процессе. Использование социального капитала означает вовлечение экономических агентов, присутствующих на территории в процесс экономико-пространственного планирования и развития территории. В целом можно отметить, что традиционные модели в управлении стратегическим развитием муниципальных образований претерпевают изменения и требуется поиск новых, более гибких подходов в этой сфере¹.

В отношении финансового обеспечения предлагаемой программы, кроме наиболее очевидных источников финансирования мероприятий, таких как муниципальное имущество, местный бюджет, налоги, следует подчеркнуть, что п. 4 ст. 179 Бюджетного кодекса РФ оговаривает, что государственные программы субъекта Федерации могут предусматривать субсидии местным бюджетам на реализацию муниципальных программ, направленных на достижение целей, соответствующих государственным программам субъекта. Свою эффективность доказывает и практика самообложения населения. Например, в Папуловском сельском поселении Кировской области 14 декабря 2014 г. был проведен референдум о введении самообложения граждан, постоянно проживающих на территории сельского поселения, в размере 100 р. на благоустройство населенных пунктов². По результатам состоявшегося референдума положительно проголосовали 71 %, что пополнило местный бюджет на сумму свыше 48 тыс. р. и составило 3,7 % от объема доходов бюджета. Таким образом, как организационные, так и экономические элементы механизма предлагаемой программы предполагают вовлечение жителей

---

¹ Гуляк О. В. Организационно-экономический механизм стратегического развития муниципального образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 5(334).

² О назначении местного референдума : решение Думы Папуловского сельского поселения Лузского муниципального района Кировской области от 25 июля 2014 г. № 20-88/1.

территории ввиду экономико-пространственной специфики рассматриваемого вида муниципальных образований. Кроме того, одна из установок программы – «инвентаризация» и расширение ресурсной базы муниципальных районов – является и задачей, и средством. Практика показывает, что органы местного самоуправления не всегда достаточно информированы о ресурсах территории, в том числе и о ресурсах, носящих неявный характер, таких например, как человеческие ресурсы.

Основанием для инициации предлагаемой программы могут служить результаты идентификации тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов по методике, предложенной в главе 2 исследования. При этом органы местного самоуправления имеют возможность сконструировать программу под свои потребности и выбрать приоритетное(ые) направление(я) для программы (улучшение насыщенности экономического пространства, развитие физического базиса или связанности экономического пространства) в зависимости от результатов методики. Выбранное направление в свою очередь обуславливает выбор лучших практик для адаптации в форме программных мероприятий. Целевые показатели программы могут включать не только показатели, лежащие в основе методики, но и ряд дополнительных, соответствующих внедряемым практикам. Например, в случае организации автобусного сообщения «по вызову», это может быть количество вызовов, отражающих популярность маршрута.

Резюмируя изложенное, отметим, что реализация муниципальной программы экономико-пространственного развития, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципального района, может не только способствовать сбалансированному развитию экономического пространства муниципального района в части его насыщенности, физического базиса и связанности, но также оказывать косвенный положительный эффект на экономическое пространство региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения тенденций и перспектив развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона автором были получены следующие результаты.

1. Представлена авторская систематизация положений концепций экономического пространства и теории муниципальной экономики, позволившая содержательно интерпретировать сущность понятия «муниципальный район», с одной стороны, в качестве целостного экономико-пространственного образования, объединяющего городские и сельские поселения, с другой стороны, в качестве пространства осуществления местного самоуправления и функционирования муниципальной экономики, что позволяет, в отличие от уже имеющихся подходов, учесть в комплексе пространственно-экономические характеристики: насыщенность, связанность, пространственный каркас (физический базис).

Современное поле пространственной экономики отличается отсутствием единой точки зрения на понимание сущности экономического пространства. Следствием этого при экономико-пространственной характеристике муниципальных районов является необходимость рассмотрения различных концепций, характеризующих его сущность. Наиболее сформировавшимися признаны территориальная, ресурсная, информационная и процессная концепции экономического пространства. Среди других концепций экономического пространства, активно разрабатываемых в научной литературе и заслуживающих внимания в контексте изучаемой проблемы, можно назвать информационно-экологическую, институциональную, субъектно-объектную и системную.

Применение *территориальной концепции* экономического пространства позволяет трактовать муниципальный район как компонент муниципального устройства, имеющий четко очерченные административные границы в пределах территории субъекта РФ. Территория и ее качественная насыщенность являются

принципиально важными характеристиками для рассмотрения экономико-пространственной сущности муниципальных районов, так как первоначально обуславливают потенциал их экономического развития и формирования социально-экономической среды взаимодействия. В связи с этим значимыми представляются достижения ресурсного подхода к экономическому пространству.

В рамках *ресурсной концепции* можно определить муниципальный район как часть экономического пространства региона, являющегося местом концентрации специфических экономических ресурсов. При этом экономические действия, осуществляемые преимущественно по поводу немобильных ресурсов, формируют центробежный характер производственных отношений.

Применение *информационной концепции* к сущностной идентификации объекта исследования дает возможность заключить, что муниципальный район – это информационно специфическая часть экономического пространства региона, порядок сосуществования и сообщения объектов и субъектов в пределах которой носит преимущественно сельскохозяйственный характер.

Процессная концепция экономического пространства позволяет выделить воспроизводственный процесс на территории муниципального района в качестве пространственно-образующего, формируемого как промежуточный итог реализации экономических интересов субъектов и экономического взаимодействия между различными точками на территории муниципального района.

Информационно-экологическая концепция экономического пространства в контексте базовых положений зеленой экономики позволяет утверждать, что муниципальный район – структурная ячейка экономического пространства, обладающая необходимой информацией для реализации целей и задач гармонизированного управления находящимися в их пределах городскими и сельскими поселениями.

В рамках *институциональной концепции* экономического пространства можно характеризовать муниципальный район как институцию, представляющую собой результат взаимодействия в экономическом пространстве совокупности преимущественно сельских формальных и неформальных институтов.

Применение *субъектно-объектной концепции* экономического пространства дает нам возможность рассматривать муниципальный район как пространственное экономическое образование, по смысловому значению противостоящее крупнейшему и крупному городу и функционально дополняющее его.

Системная концепция экономического пространства позволяет трактовать муниципальный район как одну из хозяйственных подсистем экономического пространства региона, обеспечивающую его целостность и устойчивость, находящуюся во взаимодействии с другими подсистемами, результатом функционирования которой является добавленная стоимость, создаваемая преимущественно видами экономической деятельности, относящимися к первичному сектору экономики. Следует подчеркнуть, что муниципальный район представляется собой иерархичную пространственную структуру, так как является элементом двухуровневой системы местного самоуправления, первый уровень которой сформирован преимущественно сельскими поселениями.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что предлагаемая экономико-пространственная характеристика муниципальных районов отражает актуальные концепции экономического пространства и дает наиболее полное понимание специфики муниципального района как объекта в экономическом пространстве региона.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в пределах муниципального района как компонента муниципального устройства и территории осуществления местного самоуправления функционирует и развивается муниципальная экономика. Анализ подходов к определению сущности и границ муниципальной экономики позволил дать две интерпретации муниципального района. В *широком толковании* – как пространство, в пределах которого формируется и развивается система экономических отношений между населением, хозяйствующими субъектами всех форм собственности, органами власти и управления, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления, т. е. в воспроизводственном процессе на муниципальном уровне. В *узком толковании* – как пространство, в пределах которого формируется и развивается система экономических отношений между органами местного самоуправления, предприятиями и учреждениями

муниципальной формы собственности по поводу решения вопросов местного значения, обеспечения населения муниципальными услугами. С точки зрения теории муниципальной экономики структурирование пространства муниципального района целесообразно проводить в разрезе пяти компонентов: 1) виды экономической деятельности (совокупность видов экономической деятельности, преобразующих материальную среду обитания, обеспечивающих как непосредственную жизнедеятельность населения муниципального района, так и создание для нее условий); 2) муниципальный интерес (является фундаментом муниципального хозяйствования, выразителем осознания объективной необходимости удовлетворения муниципальных потребностей); 3) экономические агенты (совокупность хозяйствующих субъектов, органов местного самоуправления, домохозяйств, которые в совокупности участвуют в реализации вопросов местного значения и в социально-экономическом развитии муниципального района); 4) стадии воспроизводственного процесса (совокупность стадий производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ в целях достижения интереса местного сообщества); 5) экономические отношения (между экономическими агентами, функционирующими в муниципальной экономике).

2. Разработана и апробирована оригинальная методика идентификации конструктивных (способствующих развитию экономического пространства региона) и деструктивных (ведущих к его разрушению) тенденций экономического развития муниципальных районов, которая позволяет оценивать динамику экономических показателей муниципальных районов в сопряжении с процессами трансформации экономического пространства региона и основывается на трех группах показателей, а именно: показателей насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов, показателей пространственного каркаса экономического пространства, показателей связанности экономического пространства.

Анализ научной литературы показал, что при изучении социально-экономического развития муниципальных районов отечественные ученые выделяют несколько групп показателей, характеризующих его либо как комплексный, либо как

отраслевой объект оценки, причем все разработанные методики можно разделить на две группы: 1) комплексные; 2) аграрно ориентированные. Первая группа методик основывается на показателях (группах показателей), оценивающих, кроме непосредственно состояния экономики и социальной сферы, важные, на взгляд автора методики, составляющие социально-экономического развития муниципальных районов (например, демографические процессы, уровень жизни, здравоохранение, экологическую ситуацию, обустроенность территориального образования). Вторая группа методик исходит из положения, что сельское хозяйство – отрасль, имеющая принципиальное значение для развития муниципального района, в связи с этим при оценке состояния экономики данного вида муниципального образования авторы преимущественно опираются на оценку сельскохозяйственного производства и уровня жизни сельского населения.

В других работах по социально-экономическому развитию муниципальных районов они анализируются как часть объекта исследования: например, как вид муниципальных образований, или часть сельской территории, или муниципальное образование неурбанизированной территории, сельское муниципальное образование. Во всех рассмотренных методиках социально-экономическое развитие муниципальных районов оценивается без учета влияния пространственного фактора. Исследования, в той или иной степени посвященные муниципальным районам в региональном экономическом пространстве, фокусируются на изучении асимметрии, неравномерности социально-экономического развития, поляризации экономического пространства, оценивают пространственную организацию региона, экономическое пространство отдельных территориальных образований. Поэтому, высоко оценивая вклад разработок отечественных исследователей, необходимо констатировать, что требовалась методика, которая позволяла бы одновременно и оценивать экономическую динамику муниципальных районов, и увязывать ее с процессами трансформации экономического пространства региона, таким образом инкорпорируя достижения пространственной экономики в изучение развития объектов в региональном экономическом пространстве.

На основе исследования точек зрения на методические вопросы изучения объектов в экономическом пространстве и исходя из сформулированных характеристик муниципального района как пространственного экономического образования и территории функционирования муниципальной экономики нами была предложена методика, позволяющая посредством анализа экономической динамики муниципальных районов оценить их влияние на экономическое пространство региона. Разработанная методика включает в себя четыре этапа. На первом оцениваются масштабы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве региона через расчет индексов присутствия. На втором проводится оценка собственной экономической динамики муниципальных районов. Третий этап включает обобщение данных оценок, четвертый – идентификацию типа тенденций экономического развития муниципальных районов на этой основе с заключительными выводами о влиянии муниципальных районов на экономическое пространство региона.

Выбор показателей для методики обусловлен их возможностью отражать трансформацию экономического пространства региона, а также отвечать следующим критериям:

– отражать развитие муниципального района как специфического объекта в экономическом пространстве региона, обладающего определенными экономико-пространственными характеристиками;

– отражать развитие муниципального района как пространства функционирования муниципальной экономики и территории концентрации сельских поселений;

– оценка динамики показателей должна позволять делать выводы о тенденциях, способствующих развитию экономического пространства региона, и тенденциях, ведущих к его разрушению, что позволит идентифицировать данные тенденции соответственно как конструктивные и деструктивные.

При этом под конструктивными тенденциями понимаются тенденции, способствующие развитию экономического пространства региона (характеризуются возникновением новых поселений, ростом экономической активности, ростом

экономически значимого результата (продукт/доход), развитием инфраструктуры), а под деструктивными – ведущие к его разрушению (характеризуются исчезновением поселений, упадком экономической активности, снижением экономически значимого результата, деградацией инфраструктуры).

Нами были сформированы три группы показателей для методики идентификации конструктивных и деструктивных тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона.

Группа 1. Показатели, характеризующие насыщенность экономического пространства муниципального района деятельностью экономических агентов. Экономические агенты взаимодействуют и участвуют на разных стадиях воспроизводственного процесса в экономическом пространстве муниципального района, являющегося неотъемлемой частью экономического пространства региона. Стадии воспроизводственного процесса, которые отражаются в счетах СНС, включают стадии производства, распределения, потребления. Соответственно, для оценки насыщенности экономического пространства муниципальных районов деятельностью экономических агентов могут быть использованы следующие показатели: продукция сельского хозяйства; инвестиции в основной капитал; оборот розничной торговли. Данная группа дает возможность делать выводы о наличии и изменении масштабов экономической деятельности в экономическом пространстве муниципального района, являющегося неотъемлемой частью экономического пространства региона.

Группа 2. Показатели, характеризующие пространственный каркас (физический базис) экономического пространства. Данная группа показателей характеризует изменение освоенности экономического пространства в пределах территории муниципального района. В аналитической перспективе показатели группы позволяют делать заключение о физическом сжатии или расширении экономического пространства (количество муниципальных образований (муниципальных районов, сельских, городских поселений) и населенных пунктов; плотность населения; посевные площади всех сельскохозяйственных культур; площадь многолетних насаждений; площадь земельных участков, предоставленных для жилищного

строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства в расчете на 10 тыс. чел. населения).

Группа 3. Показатели, характеризующие связанность экономического пространства. Данная группа показателей характеризует интенсивность экономических связей внутри муниципального района, определяемую развитием транспорта, дорог, коммуникаций, поддерживающих взаимодействия экономических агентов (доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципального района; доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения; число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, обеспеченных телефонной связью).

Первая группа показателей анализируется на двух уровнях: региональном и локальном, так как показатели группы отражают воспроизводственный процесс, протекающий на территории муниципального района, который является компонентом регионального воспроизводственного процесса. Во второй группе часть показателей соотносится с уровнем региона (плотность населения, посевная площадь, численные изменения муниципально-территориального устройства), другая часть рассматривается только на уровне муниципального района (площадь многолетних насаждений, площади земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства). Третья группа показателей служит для оценки связанности экономического пространства внутри муниципального района и одновременно указывает на степень его интегрированности в экономическое пространство региона.

Предложенная методика была использована для идентификации тенденций развития муниципальных районов в Свердловской и Челябинской областях. Согласно полученным расчетам к конструктивным тенденциям можно отнести экономическое развитие трех из пяти муниципальных районов Свердловской обла-

сти: Байкаловского (36 баллов), Камышловского (39 баллов), Нижнесергинского (36 баллов). Слободо-Туринский и Таборинский муниципальные районы (30 и 31 балл соответственно) характеризуются как деструктивно развивающиеся.

В Челябинской области конструктивными являются тенденции развития Еткульского, Карталинского, Каслинского, Нагайбакского, Сосновского, Троицкого Увельского, Уйского муниципальных районов. Остальные 19 муниципальных районов имеют деструктивные тенденции экономического развития, т.е. оказывают разрушающее воздействие на экономическое пространство региона.

Несмотря на схожие проблемы, связанные с численностью экономических агентов, муниципальные районы Свердловской области имеют более равномерные и высокие балльные оценки производственной деятельности (продукция сельского хозяйства), развития пространственного каркаса в части общего и специализированного землепользования, а также связанности экономического пространства по показателям автобусного и железнодорожного сообщения, обеспеченности почтовой и телефонной связью, чем муниципальные районы Челябинской области.

В Челябинской области муниципальные районы занимают 88,7 % территории региона, поэтому их равномерное развитие менее ожидаемо. Тем не менее в муниципальных районах региона сельскохозяйственное производство выступает важной составляющей экономической базы и его результаты оказывают существенное влияние на региональное экономическое пространство. Динамичнее, чем в Свердловской области, протекает воспроизводственный процесс в экономическом пространстве муниципальных районов в части процессов потребления и распределения: наблюдаются несколько более активные инвестиции по сравнению со Свердловской областью, высокими темпами растет потребление. Развитие пространственного каркаса экономического пространства имеет скорее отрицательную динамику, несмотря на появление нового населенного пункта и рост плотности населения в двух муниципальных районах. Наиболее критичной представляется ситуация в отношении связанности экономического пространства и интегрированности муниципальных районов как в экономическое пространство региона, так

и внутри самих районов, – она очень неравномерна, что является признаком разрушающего воздействия на экономическое пространство региона.

3. Обоснованы концептуальные направления специальной муниципальной политики, нацеленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов в регионе. Применительно к экономическому развитию муниципальных районов как экономико-пространственных образований, концентрирующих преимущественно сельские поселения, в качестве приоритетных направлений предлагаются: рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории; сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности; рост интегрированности муниципальных районов в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района; сбалансированное развитие отношений поселенческого уровня.

Пространственное развитие можно понимать не только как прогрессивные изменения физического базиса и функционирующей на нем социально-экономической среды, но и как комплекс практических мер в области региональной экономической политики, направленный на повышение качества жизни населения. В целях обоснования специальной муниципальной политики, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципальных районов, нами был проведен обзор лучших практик муниципальных образований стран, достигших высокого уровня социально-экономического развития. Основным интерес представляли муниципальные образования в странах, сходных по экономико-правовым, административно-территориальным, демографическим, природно-климатическим или иным условиям с изучаемыми субъектами РФ. Это позволило систематизировать лучшие практики экономико-пространственного развития муниципальных районов в четыре направления:

1) рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории;

2) сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности;

3) рост интегрированности муниципальных районов в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района;

4) сбалансированное развитие отношений поселенческого уровня.

Обзор лучших практик также позволил сделать несколько общих выводов:

– развитие муниципального образования необязательно должно быть направлено на рост экономических и других показателей через привлечение инвестиций, состоятельного населения и другого рода стимулирование; альтернативными целями пространственного развития могут быть сохранение текущих показателей, территориальной идентичности муниципального образования, снижение его отрицательного влияния на экологическую ситуацию;

– пространственное развитие должно принимать во внимание множество разнонаправленных трендов, очерчивающих контекст развития региональных экономик и экономик муниципальных районов как их части;

– значительное влияние на причины, следствия, способы противодействия сельскому сжатию как в чисто демографическом, так и в экономико-пространственном понимании оказывает экономико-правовой статус муниципальных образований;

– рассогласованность стратегических и программных документов пространственного развития разного уровня (международного (в рамках интеграционных объединений), национального, регионального, муниципального) является существенным препятствием в их реализации и снижает эффективность мероприятий. Причины рассогласованности могут носить политический характер или быть связанными с недостатком информации и ресурсов при разработке документов.

Последний вывод обусловил необходимость оценки условий пространственного развития в изучаемых регионах. Оценка условий пространственного развития

муниципальных районов позволила заключить, что несмотря на масштабную трансформацию системы документов стратегического планирования и развития, происходящую в РФ с 2014 г., и в определенной степени противоречивость некоторых документов стратегического планирования и развития, в отношении экономико-пространственного развития муниципальных районов можно выделить ряд приоритетов: полицентричное развитие территорий муниципальных образований; диверсификация муниципальной экономики; инфраструктурное развитие и рост связанности экономического пространства; конкурентоспособность отраслей муниципальной экономики и рост производительности труда; повышение уровня жизни сельского населения и снижение асимметрии доходов и уровня и качества жизни сельского населения по сравнению с городским; опора на крупные города как источники гармоничного развития пространства при одновременном сохранении самобытности малых населенных пунктов; рост населенности территорий через повышение ее привлекательности для населения и бизнеса; технологизация видов экономической деятельности первичного сектора экономики; поддержка малых форм хозяйствования и кооперации и рост доходов в экономике муниципальных районов; сохранение функционального предназначения сельских поселений, входящих в состав муниципального района, в национальной экономике; устойчивое развитие экономики муниципального района в части природопользования, энергетики, смягчения рисков антропогенного воздействия; развитие неформальных практик пространственного планирования на основе повышения гражданственности.

Внедрение лучших практик по сформулированным направлениям в соответствии со стратегическими приоритетами в отношении муниципальных районов и потребностями конкретных муниципальных районов Свердловской и Челябинской областей, выявленных по результатам анализа, возможно в рамках муниципальной программы экономико-пространственного развития, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципального района, концепция которой предложена автором.

Автор считает, что реализация муниципальной программы экономико-пространственного развития, направленной на поддержку конструктивных и сглаживание деструктивных тенденций экономико-пространственного развития муниципального района, может не только способствовать сбалансированному развитию экономического пространства муниципального района в части его насыщенности, физического базиса и связанности, но также оказывать косвенный положительный эффект на экономическое пространство региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамчикова, Н. Т. Роль и значимость интегрального показателя «валовой муниципальный продукт» в проведении мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований / Н. Т. Аврамчикова, А. И. Фролова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетникова. 2012. № 1(41). С. 160–164.
2. Алпацкая, Е. Г. Современные подходы и этапы территориального планирования в муниципальном образовании / Е. Г. Алпацкая // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1(356). С. 5–7.
3. Анимица, Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики / Е. Г. Анимица // Пространственная организация общества : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. С. 15–36.
4. Анимица, Е. Г. Основы местного самоуправления / Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, А. Т. Тертышный. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2006. 208 с.
5. Анимица, Е. Г. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект / Е. Г. Анимица, В. А. Сухих. Пермь : Перм. ун-т, 2007. 140 с.
6. Анимица, Е. Г. Теории регионального и местного развития : учеб. пособие / Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, Н. В. Сбродова. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 151 с.
7. Анимица, Е. Г. Территориальное планирование субъекта РФ с учетом развития городских агломераций / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии : материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.). Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. С. 10–14.

8. Анимица, Е. Г. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы / Е. Г. Анимица, Н. М. Сурнина // Экономика региона. 2006. № 3. С. 34–46.
9. Анимица, П. Е. Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии / П. Е. Анимица. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005. 106 с.
10. Антипин, И. А. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании / И. А. Антипин, Н. В. Казакова // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 8. С. 1011–1026. Режим доступа : <https://creativeconomy.ru/journals/rp/archive/25061#35119> (дата обращения: 02.12.2018).
11. Антонова, Н. И. Виды диверсификации, способствующие выполнению сельской территорией народнохозяйственных функций / Н. И. Антонова // Островские чтения. 2015. № 1. С. 360–364.
12. Арутюнян, Ю. В. Опыт социалистического изучения села / Ю. В. Арутюнян. М. : Изд-во Московского ун-та, 1968. 104 с.
13. Бабун, Р. В. Проблемы муниципальной экономики / Р. В. Бабун // Муниципальная экономика. 2000. № 2. С. 34–38.
14. Бабун, Р. В. Становление муниципальной науки и подготовка кадров для муниципального управления / Р. В. Бабун // Муниципальная служба. 2001. № 2. С. 14–20.
15. Бабун, Р. Предмет и функции муниципальной экономики / Р. Бабун // Вестник Челябинского университета. Сер. 7: Государственное и муниципальное управление. 2003. № 1. С. 50–57.
16. База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.
17. Батов, Г. Х. Экономическое пространство: проблемы становления в регионе / Г. Х. Батов // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 42(369). С. 2–11.

18. Бездольный, С. Л. Развитие муниципальной экономики в условиях перехода к рынку : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Бездольный Сергей Леонидович. Ростов н/Д, 1998. 148 с.
19. Белоусова, Е. А. Сельские поселения как объект исследования в концепциях экономического пространства / Е. А. Белоусова // Управленец. 2016. № 6(64). С. 42–47.
20. Белоусова, Е. А. Современные проблемы развития мирового агропродовольственного комплекса / Е. А. Белоусова // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6(98). С. 113–122.
21. Белоусова, С. В. Сбалансированность социально-экономического пространства / С. В. Белоусова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 18(347). С. 33–40.
22. Бердник, Н. А. Сущность и особенности муниципального хозяйства, и его место в системе хозяйственных отношений / Н. А. Бердник // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 10(87). С. 74–78.
23. Берр, Х. Муниципальная экономика. Администрация, благожелательная к предпринимателям. Концепции и образцы документов / Х. Берр, Э. Маркварт, С. Исупова. М. : Статут, 1997. 140 с.
24. Бияков, О. А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства / Бияков О. А. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 2. С. 101–108.
25. Бияков, О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты / О. А. Бияков. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. 151 с.
26. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. М. : Наука, 1973. 271 с.
27. Борисова, Т. Д. Муниципальное хозяйство / Т. Д. Борисова // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 1. С. 135–142.

28. Бочко, В. С. Зеленая экономика: содержание и методология познания / В. С. Бочко // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3(65). С. 5–13.

29. Бочко, В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности / В. С. Бочко // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 342–358.

30. Буздалов, И. Н. Обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства – главное в стратегии аграрной политики / И. Н. Буздалов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 4. С. 2–13.

31. Бухвальд, Е. М. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления / Е. М. Бухвальд, Н. В. Ворошилов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 132–147.

32. Былина С. Г. Развитие теоретических положений парадигмы устойчивого развития сельских территорий / С. Г. Былина // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2011. № 2. Режим доступа : <http://www.iagpran.ru/datas/users/5af45ef4059c9c62c4aa3a8b722952d3.pdf>.

33. Велихов, Л. А. Опыт муниципальной программы: материалы для академического курса и перспективных планов городского хозяйства / Л. А. Велихов. М.–Л. : Гос. изд-во, 1926. 102 с.

34. Велихов, Л. А. Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства / Л. А. Велихов. М.–Л. : Гос. изд-во, 1928. 467 с.

35. Веселовский, Б. Б. Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах. 1917–1927 / Б. Б. Веселовский. М. : Изд-во НКВД, 1928. 102 с.

36. Веселовский, Б. Б. Коммунальные предприятия: экономические основы строительства и эксплуатации : сб. ст. / Б. Б. Веселовский ; под ред. Б. Б. Веселовского. М. : Изд-во НКВД, 1929. 196 с.

37. Власова, Н. Ю. Развитие туристического потенциала в стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований / Н. Ю. Власова

// Туризм как фактор регионального развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20 апреля 2018 г.). Екатеринбург : Из-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 29–32.

38. Волошина, А. Ю. Пространство мегаэкономики: концептуальные основы идентификации в глобальной экономике / А. Ю. Волошина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика, экология. 2013. № 2(23). С. 214–221.

39. Вопрос обеспечения продовольственной безопасности Челябинской области и импортозамещения рассмотрел комитет Законодательного Собрания по аграрной политике / Законодательное собрание Челябинской области. Режим доступа : <https://www.zs74.ru/news/vopros-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-chelyabinskoy-oblasti-i-importozameshcheniya>.

40. Воронин, А. Г. Основы управления муниципальным хозяйством : учеб. пособие / А. Г. Воронин, В. А. Лапин, А. Н. Широков. М. : Дело, 1998. 128 с.

41. Гаева, И. В. Влияние функций сельских населенных пунктов на развитие сельской местности (Еврейская автономная область) / И. В. Гаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 138–142.

42. Газизов, Р. М. Сельские территории: понятие, типология, функции / Р. М. Газизов // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 11. С. 348–351.

43. Гатауллин, Р. Ф. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы / Р. Ф. Гатауллин, А. Г. Каримов, А. Г. Комаров // Проблемы современной экономики. 2014. № 4(52). С. 196–200.

44. Голошейкин, Е. В. Методический подход к исследованию традиционно-промышленного региона в территориальной структуре национальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Голошейкин Евгений Владимирович. Екатеринбург, 2011. 32 с.

45. Гордеев, С. С. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, О. П. Иванов, А. В. Кочеров // Социум и власть. 2016. № 6(62). С. 47–55.

46. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики : учебник / А. Г. Гранберг. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
47. Гриценко, С. В. Статистический анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов / С. В. Гриценко // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 22(151). С. 15–22.
48. Гульбасов, А. В. Концепция экономического пространства и ее потенциал в исследовании экономических процессов и явлений : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Гульбасов Алексей Викторович. Иваново, 2007. 23 с.
49. Гуляк, О. В. Организационно-экономический механизм стратегического развития муниципального образования / О. В. Гуляк // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 5(334). С. 106–111.
50. Гутникова, Е. А. Социально-экономическое развитие муниципальных районов Вологодской области в 2000–2010 гг. / Е. А. Гутникова, А. Н. Чекавинский, Н. В. Ворошилов // Проблемы развития территории. 2012. № 5(61). С. 23–34.
51. Даванков, А. Ю. Интересы территориальной хозяйственной системы / А. Ю. Даванков, А. В. Кочеров, Е. С. Морозова // Вестник Челябинского государственного экономического университета. 2017. № 10(406). С. 37–45.
52. Данилов, Ф. А. Муниципализация промышленных предприятий, земельных площадей, изготовления и доставки главнейших предметов потребления и пр. (муниципальный социализм) / Ф. А. Данилов. М. : Тип. Ф. Я. Бурче, 1906. 80 с.
53. Дармограй, О. В. Совершенствование управления социально-экономическим развитием сельских муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Дармограй Оксана Владимировна. М., 2010. 24 с.
54. Дворядкина, Е. Б. Муниципальные образования сельского типа в контексте положений сельской экономики / Е. Б. Дворядкина, Е. А. Белоусова // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 12. С. 2255–2272.
55. Дворядкина, Е. Б. Муниципальные районы и сельские поселения: экономические и правовые аспекты / Е. Б. Дворядкина, Е. А. Белоусова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 1, № 1. С. 42–50.

56. Дементьев, И. А. Концепция «Преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российского села / И. А. Дементьев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 56–60.

57. Дешков, С. И. Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального / С. И. Дешков // Социальные проблемы советской деревни. М. : Знание, 1972. 48 с.

58. Доктрина Продовольственной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120.

59. Долинская, В. В. Правовой статус и правосубъектность / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–18.

60. Дятлов, С. А. Сетевые эффекты и возрастающая отдача в информационно-инновационной экономике / С. А. Дятлов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 2(86). С. 7–11.

61. Егорычев, С. А. Управление устойчивым развитием муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Егорычев Сергей Анатольевич. Оренбург, 2015. 27 с.

62. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.

63. Жигарь, О. В. Муниципальная экономика как система экономических отношений / О. В. Жигарь // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9(147). С. 79–82.

64. Жичкина, Ю. А. Пространственное развитие региона и конкурентоспособность муниципальных образований: на примере Самарской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Жичкина Юлия Александровна. Самара, 2011. 24 с.

65. Загряцков, М. Д. Кооперация и городское самоуправление / М. Д. Загряцков. М. : Журнал «Кооп. жизнь», 1915. 12 с.

66. Загряцков, М. Д. Что такое муниципальный социализм? / М. Д. Загряцков. М. : Начало, 1917. 18 с.
67. Зайцева, О. О. Сельские территории как объект управления: понятие, функции, типологии / О. О. Зайцева // Фундаментальные исследования. 2013. № 6. С. 416–420.
68. Зобова, Л. Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? / Л. Л. Зобова // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 33(90). С. 16-12.
69. Зотов, В. Б. Муниципальное управление : учебник / В. Б. Зотов, З. М. Макашева. М. : Юнити-Дана, 2003. 385 с.
70. Зырянов, С. Г. Устойчивость регионального развития и практика межмуниципального взаимодействия / С. Г. Зырянов, О. П. Иванов, С. С. Гордеев // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2017. № 1. С. 10–19.
71. Ивантер, А. Дороги ради дорог / А. Ивантер, Л. Маврина, Е. Обухова, Е. Огородников // Эксперт. 2018. № 36. С. 12–17.
72. Ильина, И. В. Мониторинг функционирования муниципальных районов региона / И. В. Ильина, О. В. Сидоренко // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. № 2(10). С. 37–39.
73. Ильиных, А. В. Проблемы сельских поселений в России: от вопросов местного значения к территориально-правовым и финансово-экономическим реалиям / А. В. Ильиных // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25(380). С. 44–48.
74. Инкинжинова, С. Зерно хотят оцифровать / С. Инкинжинова // Эксперт. 2018. № 25. С. 22–24.
75. Иншаков, О. В. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5–21.
76. Исляев, Т. Р. Пространственная организация экономики субъекта РФ: особенности регионального развития и инструменты модернизации: на примере

Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Исляев Тимур Рифадович. СПб., 2013. 24 с.

77. Итоговый экологический рейтинг субъектов РФ за 2017 г. Режим доступа : <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=338>.

78. Карашаева, Д. А. Механизм сглаживания социально-экономической поляризации в условиях дотационного региона: на материалах Кабардино-Балкарской республики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Карашаева Дана Аслановна. Владикавказ, 2013. 26 с.

79. Киселев, С. В. Сельская экономика : учебник / С. В. Киселев. М. : ИНФРА-М, 2010. 436 с.

80. Киселева, Н. Н. Управление пространственным ростом / Н. Н. Киселева, В. В. Браткова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 31–37.

81. Клейменов, Д. С. Совершенствование управления развитием сельских территорий : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Клейменов Дмитрий Сергеевич. Воронеж, 2016. 23 с.

82. Клейнер, Г. Б. Системная парадигма в экономических исследованиях: новый подход / Г. Б. Клейнер // Цивилизация знаний: российские реалии : труды Восьмой Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 апреля 2007 г.). М. : РосНОУ, 2007. С. 453–457.

83. Колесниченко, Е. А. Концепция снижения дифференциации развития национального регионального пространства : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05, 08.00.01 / Колесниченко Елена Александровна. Тамбов, 2009. 46 с.

84. Колмакова, Е. М. Пространственное развитие региона в контексте стратегии социально-экономического роста / Е. М. Колмакова, И. Д. Колмакова, Н. А. Дегтярева // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3(413). С. 30–37.

85. Колмакова, Е. М. Роль государственных и муниципальных органов власти в развитии социально-трудовой сферы / Е. М. Колмакова, И. Д. Колмакова, Н. А. Дегтярева // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. 2017. № 1. С. 17–21.

86. Колмакова, Е. М. Социально-экономический анализ муниципальных образований по критерию их устойчивого территориального развития / Е. М. Колмакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2(331). С. 82–86.

87. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / кол. авт. : И. В. Бабичев, В. В. Волков, А. В. Мадьярова и др. ; под ред. И. В. Бабичева, Е. С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 670 с.

88. Кондратьева, В. И. Пространственные аспекты стратегического планирования развития муниципального района / В. И. Кондратьева, Н. А. Степанова, В. Н. Маркова // ЭКО. 2018. № 5(527). С. 179–192.

89. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.

90. Копыченко, Г. С. Управление конкурентоспособностью муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Копыченко Галина Сергеевна. М., 2015. 28 с.

91. Кохан, А. Н. Эволюция законодательных основ формирования экономики и финансов муниципальных образований / А. Н. Кохан // Финансовая аналитика. 2013. № 10(148). С. 12–21.

92. Кузнецова, О. П. Социально-экономическое развитие муниципальных районов: сравнительный анализ (на материалах Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской и Омской областей) / О. П. Кузнецова, Е. А. Юмаев // Омский научный вестник. 2010. № 2(86). С. 75–79.

93. Курчинский, М. А. Муниципальный социализм (задачи городского хозяйства) / М. А. Курчинский. Пг. : Социалист, 1917. 40 с.

94. Курчинский, М. А. Муниципальный социализм и развитие городской жизни / М. А. Курчинский. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907. 110 с.
95. Лабыкин, А. АПК уходит в «цифру» / А. Лабыкин // Эксперт. 2018. № 25. С. 18–21.
96. Лаврикова, Ю. Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Лаврикова Юлия Георгиевна. Екатеринбург, 2009. 46 с.
97. Ладин, И. Н. Понятие муниципального образования и его территориальный статус / И. Н. Ладин // Общество и право. 2009. № 1(23). С. 88–91.
98. Лаженцев, В. Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) / В. Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 1(1). С. 97–104.
99. Лапаева, М. Г. Современные особенности размещения производительных сил / М. Г. Лапаева, С. П. Лапаев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 3. С. 25–29.
100. Лексин, В. Н. Местное самоуправление и муниципальное развитие как объекты системного анализа и регулирования / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 2. С. 28–32.
101. Ломовцева, О. А. Особенности регионального воспроизводственного процесса / О. А. Ломовцева, Н. А. Сопина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 15/1, № 13(84). С. 5–14.
102. Макар, С. В. Анализ пространства в экономической науке: развитие концептуальных подходов / С. В. Макар // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 4(108). С. 17–25.
103. Мальчикова, Д. С. Планирование территорий и функций сельской местности: общественно-географический анализ / Д. С. Мальчикова // Географический вестник. 2014. № 3(30). С. 47–53.

104. Маркварт, Э. Э. Муниципальное хозяйство как объект управления / Э. Э. Маркварт // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. № 3. С. 150–152.

105. Маркварт, Э. Э. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях : учеб. пособие / Э. Э. Маркварт, Н. Н. Киселева, И. В. Стародубровская. М. : Дело, 2018. 282 с.

106. Микула, Е. С. Обзор методов оценки человеческого капитала муниципального образования / Е. С. Микула // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2(331). С. 97–99.

107. Минакир, П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? / П. А. Минакир // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7–15.

108. Минакир, П. А. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.

109. Минакир, П. А. Очерки по пространственной экономике / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

110. Минакир, П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве / П. А. Минакир // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.

111. Михайлов, А. И. Национальная безопасность в контексте эволюции экономического пространства и пространственного моделирования мировой экономики / А. И. Михайлов // Национальные интересы: приоритеты и безопасностью 2010. № 26(83). С. 49–57.

112. Михайловский, И. Ю. Социальная эволюция российской деревни (1965–1991 гг.). Историография вопроса. Советский период : монография / И. Ю. Михайловский. Волгоград : ВолгГАСУ, 2013. 169 с.

113. Михуринская, Е. А. Регион как форма организации экономического пространства / Е. А. Михуринская. Режим доступа : http://www.rusnauka.com/ONG_2006/Economics/17637.doc.htm.

114. Мичурина, Ф. З. Функциональное обогащение территорий: производственная, рекреационная и брендинговая парадигмы развития / Ф. З. Мичурина, А. И. Латышева, С. Б. Мичурин // Пермский аграрный вестник. 2016. № 2(14). С. 145–153.

115. Мясникова, Т. А. Теоретико-методологические положения и методическое обеспечение стратегирования социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Мясникова Татьяна Алексеевна. Воронеж, 2016. 38 с.

116. Нефедова, Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки / Т. Г. Нефедова. М. : Новое издательство, 2003. 408 с.

117. Никитин, А. В. Муниципальное хозяйство в России: социально-экономические основы и направления развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Никитин Александр Владимирович. М., 2003. 32 с.

118. Никишин, И. И. К теории специализации, районирования и размещения сельского хозяйства / И. И. Никишин // Вопросы народного хозяйства СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 160–173.

119. Николаев, К. А. Муниципальное хозяйство и муниципальное управление / К. А. Николаев, В. К. Николаев // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 2. С. 15–21.

120. Нотяг, А. В. Формирование механизма развития сельских территорий в рамках региональной социально-экономической политики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Нотяг Александр Вячеславович. СПб., 2016. 19 с.

121. О государственной программе Челябинской области «Развитие сельского хозяйства в Челябинской области на 2017–2020 гг.» (с изм. на 20 июня 2018 г.) : постановление Правительства Челябинской области от 21 декабря 2016 г. № 724-П.

122. О назначении местного референдума : решение Думы Папуловского сельского поселения Лузского муниципального района Кировской области от 25 июля 2014 г. № 20-88/1.

123. О принятии стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2020 г. : постановление Законодательного собрания Челябинской области от 26 марта 2014 г. № 1949.

124. О присвоении наименования географическому объекту в Челябинской области и о внесении изменения в постановление Правительства РФ от 28 апреля 2014 г. № 379 : постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2014 г. № 825.

125. О согласовании образования вновь возникшего населенного пункта на территории Кременкульского сельского поселения Сосновского муниципального района и присвоении ему наименования «Терема» : постановление Губернатора Челябинской области от 5 марта 2014 г. № 245.

126. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

127. О схеме территориального планирования Челябинской области : постановление Правительства Челябинской области от 24 ноября 2008 г. № 389-П.

128. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

129. Об упразднении поселка Посолка, расположенного на территории административно-территориальной единицы Свердловской области «Таборинский район», и о внесении изменений в приложение 92 к закону Свердловской области «О границах муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области» : закон Свердловской области от 14 ноября 2016 г. № 105-ОЗ.

130. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2024 г.» : постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2013 г. № 1285-пп.

131. Об утверждении схемы территориального планирования Свердловской области (с изм. от 19 июля 2018 г. № 469-ПП) : постановление Правительства Свердловской области от 31 августа 2009 г. № 1000-ПП.

132. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1998. 944 с.
133. ООО «Нагайбакский птицеводческий комплекс» – СИТНО. Режим доступа : <http://sitno.ru/enterprises/proizvodstvo-ptitsevodcheskoj-produktsii/ooo-nagaybaskiy-ptitsevodcheskiy-kompleks->.
134. Остапец, О. Г. Муниципальное образование как правовой феномен / О. Г. Остапец // Инновационная наука. 2015. Т. 1, № 3. С. 225–228.
135. Паринов, С. И. К теории сетевой экономики / С. И. Паринов. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2002. 168 с.
136. Пастухова, Н. Ю. Показатели комплексного развития территорий сельских муниципальных образований ; Н. Ю. Пастухова, А. Н. Бойко // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12(17), ч. 1. С. 96–97.
137. Постовой, Н. В. Муниципальное право России : учебник / Н. В. Постовой, В. В. Таболин, Н. Н. Черногор / под ред. Н. В. Постового. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2016. 455 с.
138. Проект «Активный гражданин» (Калининградская область). Режим доступа : <https://ag.gov39.ru>.
139. Проект «Активный гражданин» (Москва). Режим доступа : <https://ag.mos.ru/site/index>.
140. Проект Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г.
141. Пчелинцев, О. С. Рациональное размещение производства и проблема больших городов / О. С. Пчелинцев // Вопросы философии. 1961. № 2. С. 15–28.
142. Пыхов, П. А. Инфраструктурная обеспеченность регионов УрФО: методика оценки и результаты диагностики / П. А. Пыхов, Т. О. Кашина // Экономика региона. 2015. № 3. С. 66–77.
143. Радаев, В. В. Что такое «экономическое действие» / В. В. Радаев // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 18–25.

144. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

145. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. М. : Эксмо, 2009. 1040 с.

146. Рисс, А. Основы муниципального хозяйства / А. Рисс ; под ред. М. Д. Загряцкова. Рига : Наука и жизнь, 1914. 132 с.

147. Рывкина, Р. В. Социология села / Р. В. Рывкина // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 160–172.

148. Савенкова, О. Ю. Стратегия социально ориентированного развития сельских территорий : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Савенкова Ольга Юрьевна. Воронеж, 2016. 50 с.

149. Саурин, А. Что скрывается за термином «муниципальное хозяйство»? / А. Саурин // Городское управление. 1998. № 10. С. 23–30.

150. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Свердловской области : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2016.

151. Сергеев, Д. Б. Публично-правовое образование как юридическая категория / Д. Б. Сергеев // Социодинамика. 2014. № 7. С. 42–49. Режим доступа : http://e-notabene.ru/pr/article_12819.html.

152. Серова, Е. В. Аграрная экономика : учебник / Е. В. Серова. М. : ГУ ВШЭ, 1999. 478 с.

153. Силова, Е. С. К проблеме устойчивого развития региона / Е. С. Силова // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5(401). С. 7–14.

154. Скрипиль, И. А. Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Скрипиль Ирина Александровна. Краснодар, 2011. 24 с.

155. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М. : Эксмо, 2009. 956 с.

156. Согласование социальных, экологических и экономических интересов - основа сбалансированного развития территориальных систем (глава 7) // Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография / Г. Н. Пряхин, А. Ю. Шумаков, Л. В. Костарева и др. Челябинск : Челябинский гос. ун-т ; Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 198–223.

157. Социально-экономическая география: понятия и термины : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. 328 с.

158. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2012–2016 гг. : стат. сб. : в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2017. Ч. 1, 2.

159. Степных, Н. В. Электронная база данных состояния и функционирования агроландшафтов / Н. В. Степных, А. М. Заргарян, Е. В. Нестерова // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 4. С. 136–146.

160. Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий : монография / Ю. Г. Лаврикова, С. Н. Котлярова, А. В. Суворова и др. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2018. 178 с.

161. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642.

162. Стратегия пространственного развития Екатеринбурга на период до 2030 г. Режим доступа : <https://екатеринбург.рф/file/05cb08432aba985ef0f3331bf8-f94f6d>.

163. Стратегия пространственного развития Уйского муниципального района до 2035 г., утв. решение собрания депутатов Уйского муниципального района Челябинской области от 25 сентября 2018 г. № 224.

164. Стратегия социально-экономического развития городского округа Богданович до 2035 г. Режим доступа : <http://www.gobogdanovich.ru/pub/economics/project-strateg/project.pdf>.

165. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «город Можга» на 2015–2025 гг. Режим доступа : https://www.mozhga.gov.ru/city/ekonomika/socio_position/ssermogm_2015_2025.pdf.

166. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р.

167. Сурнина, Н. М. Исследование особенностей развития социально-экономического пространства макрорегиона на основе свойств иерархичности и фрактальности / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 6(44). С. 102–107.

168. Сурнина, Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / Н. М. Сурнина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2003. 281 с.

169. Сюсюра, Д. А. Индикатор результативности управления сельскими экономиками муниципальных районов / Д. А. Сюсюра // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа : <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6708>.

170. Сюсюра, Д. А. К вопросу идентификации сельской экономики / Д. А. Сюсюра // Проблемы современной экономики. 2010. № 3(35). С. 418–420.

171. Сюсюра, Д. А. Управление многофункциональной сельской экономикой : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Сюсюра Дмитрий Александрович. М., 2013. 44 с.

172. Тлисов, А. Б. Повышение инвестиционной конкурентоспособности территории на основе проектного управления / А. Б. Тлисов, Н. Н. Киселева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9(88). С. 49–52.

173. Тотомианц, В. Ф. Задачи городского самоуправления: Краткий очерк муниципального социализма / В. Ф. Тотомианц. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Товарищ, 1906. 24 с.

174. Тотомиянц, В. Ф. Муниципализация промышленных предприятий (очерки городского хозяйства в Западной Европе) / В. Ф. Тотомиянц. М. : Магазин «Книжное дело», 1902. 174 с.

175. Тотомиянц, В. Ф. Самоуправление и городское хозяйство / В. Ф. Тотомиянц. СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1910. 80 с.

176. Трейвиш, А. И. Сельско-городской континуум и пространственная мобильность населения / А. И. Трейвиш // Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М. : Новый хронограф, 2016. С. 40–57.

177. Туманян, Ю. Р. Место муниципального хозяйства и его ресурсы в системе экономических отношений / Ю. Р. Туманян // Экономический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. Т. 6, № 3 (ч. 3). С. 307–311.

178. Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г. : федеральная целевая программа.

179. Федулова, С. И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование / С. И. Федулова // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 106–110.

180. Федулова, С. И. Пространственное планирование в странах Европейского союза и Российской Федерации: географические особенности, лучшие практики : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / Федулова Светлана Игоревна. М., 2017. 22 с.

181. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2012 г. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

182. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2017 гг. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

183. Фролов, Д. П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики / Д. П. Фролов // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 14–37.

184. Хакимов, В. В. Особенности системы управления муниципальной собственностью / В. В. Хакимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2(384). С. 214–221.

185. Ходорич, И. А. Развитие местного самоуправления на основе совершенствования институциональной среды муниципальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Ходорич Ирина Альбертовна. Шахты, 2009. 26 с.

186. Чаянов, А. В. Крестьянское хозяйство / А. В. Чаянов. М. : Экономика, 1989. 492 с.

187. Чекмарева, Е. А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области / Е. А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 173–194.

188. Чепик, А. Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.12 / Чепик Александр Евгеньевич. М., 2015. 24 с.

189. Чиркин, В. Е. Публично-правовое образование / В. Е. Чиркин. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 336 с.

190. Численность и движение населения муниципальных образований Свердловской области в 2011 г. : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2012.

191. Численность и движение население муниципальных образований Свердловской области в 2017 г. : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2018.

192. Чулкова, Е. А. Методология стратегического управления муниципальными районами региона как территориальными системами : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Чулкова Елена Александровна. Челябинск, 2012. 51 с.

193. Чулкова, Е. А. Сельские трудовые ресурсы региона: состояние, тенденции развития и пространственное распределение / Е. А. Чулкова, Т. Д. Дегтярева, Л. И. Рахматуллина // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5(55). С. 244–247.

194. Чулкова, Е. А. Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных районов : учеб. пособие / Е. А. Чулкова, Т. Д. Дегтярева. 3-е изд., перераб. и доп. Оренбург : Оренбургский государственный аграрный университет, 2017. 143 с.

195. Шаралдаев, Б. Б. Управление социально-экономической системой муниципального образования на основе пространственного потенциала : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Шаралдаев Баянжаргал Бальжинимаевич. Улан-Удэ, 2013. 40 с.

196. Шевандрин, А. В. Оценка социально-экономического развития муниципальных районов Волгоградской области / А. В. Шевандрин // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика и экология. 2012. № 2(21). С. 92–100.

197. Шевелева, Р. Н. Инструменты формирования стратегии социально-экономического развития муниципальных образований неурбанизированных территорий : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Шевелева Регина Николаевна. Красноярск, 2016. 22 с.

198. Шмидт, А. В. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты / А. В. Шмидт, В. С. Антонюк, А. Франчини // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776–789.

199. Шох, М. А. Сущность муниципального хозяйства как составной части экономики региона / М. А. Шох // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : материалы Международ. науч.-практ. конф. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2011. С. 205–207.

200. Шрейдер, Г. И. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки, заметки / Г. И. Шрейдер. СПб., 1902. 337 с.

201. Шугрина, Е. С. Виды муниципальных образований в Российской Федерации: Анализ законодательства и правоприменительной практики / Е. С. Шугрина // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 79–91.

202. Шугрина, Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития / Е. С. Шугрина // Муниципальное право. 2014. № 4(68). С. 2–19.

203. Шумакова, О. В. Мониторинг уровня социально-экономического развития муниципальных районов сельской местности (на примере Омской области) / О. В. Шумакова, М. В. Кутузова // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2016. № 5(62). С. 3–7.

204. Экова, В. А. Теоретико-методологические подходы к исследованию пространственной неоднородности социально-экономического развития региона / В. А. Экова // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, № 3. С. 13–16.

205. Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М. : Ин-т новой экономики, 2007. 1152 с.

206. Юшина, Е. А. Муниципальное хозяйство как объект муниципального управления / Е. А. Юшина // Микроэкономика. 2010. № 4. С. 100–104.

207. Bertalanffy, L., von. The history and Status of General Systems Theory / L. von Bertalanffy // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15, no. 4. P. 407–426.

208. Bina, O. The Green Economy and Sustainable Development: An Uneasy Balance? / O. Bina // Environment and Planning C: Government and Policy. 2013. Vol. 31. P. 1023–1047.

209. Canzler, W. Infrastructure Investments in a Shrinking Society / W. Canzler. 6th STRC Swiss Transport Research Conference. Monte Verità, 2017. URL : http://www.strc.ch/2006/Canzler_STRC_2006.pdf.

210. Canzler, W. Transport Infrastructure in Shrinking (East) Germany / W. Canzler // *German Politics & Society*. 2008. No. 26(2). P. 76–92.

211. Castle, E. N. The Economics of Rural Places and Agricultural Economics / E. N. Castle // *Western Agricultural Economics Association Annual Meetings*, Vancouver, British Columbia, June 29 – July 1, 2000. 11 p.

212. Chayanov, Peasants, and Economic Anthropology / ed. by E. P. Durrenberger. Orlando, FL : Academic Press, 1984. 205 p.

213. Classification of Swedish Municipalities 2017 / Swedish Association of Local Authorities and Regions. URL : <https://skl.se/download/18.6b78741215a632d39-cbcc85/1487772640274/Classification+of+Swedish+Municipalities+2017.pdf>.

214. Defining Rural Population / Health Resources & Services Administration. URL : <https://www.hrsa.gov/ruralhealth/aboutus/definition.html>.

215. Digital and Social Innovation in Rural Services / The European Agricultural Fund for Rural Development. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 28 p. URL : https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd_publications/public-eafrd-brochure-07-en_2018-0.pdf.

216. Divjak, M. S. Urban planning strategies for dealing with shrinkage and suburbanisation in Slovene cities / M. S. Divjak // *Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics* / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012. P. 159–166.

217. Dvoryadkina, E. B. Compression of economic space and its impact on peripheral areas / E. B. Dvoryadkina, C. I. Kaibicheva, I. I. Shurova // *International Journal of Economics and Financial Issue*. 2016. Vol. 6, no. 8 (Special Issue). P. 24–29.

218. Dvoryadkina, E. B. Factors and Trends in the Development of Local Budgets of Rural Territories / E. B. Dvoryadkina, E. A. Belousova // *Revista ESPACIOS*. 2018. Vol. 39 (No. 39). P. 13–19.

219. Dvoryadkina, E. B. Municipal districts in economic space of a region: constructive and destructive trends / E. B. Dvoryadkina, E. A. Belousova // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2018. Т. 19, № 5. С. 84–106.

220. Enabling Conditions: Supporting the Transition to a Global Green Economy. Nairobi, Kenya : UNEP, 2011. URL : <https://europa.eu/capacity4dev/public-environment-climate/document/unep-enabling-conditionssupporting-transition-global-green-economy>.

221. European Spatial Development Perspective: Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Potsdam : ESDP, 1999. URL : https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf.

222. Eversole, R. Social Enterprises in Rural Community Development / R. Eversole, J. Barraket, B. Luke // Community Development Journal. 2014. Vol. 49, Iss. 2. P. 245–261.

223. Gawroński, K. Spatial Planning in the United States of America and Poland / K. Gawroński, K. Van Assche, J. Hernik // Infrastruktura i ekologia terenów wiejskich = Infrastructure and Ecology of Rural Areas. 2010. No. 11. P. 53–69.

224. Hospers, G.-J. Managing Population Decline in Europe's Urban and Rural Areas / G.-J. Hospers, N. Reverda. London : Springer, 2015. 81 p.

225. Houston, D. Civic Engagement and Development Strategies Learning from the Experience of Participatory Rural Redevelopment / D. Houston, S. McKay, M. Murray // Future Directions for the European Shrinking City / ed. by W. Neill, H. Schlappa. New York : Routledge, 2016. P. 44–54.

226. Hutlman, M. Localizing the Economy: Rural Development in Ostergotland / M. Hutlman, C. Rydstrom, P. Tingvall // Dealing with Urban and Rural Shrinkage. Formal and Informal Strategies / ed. by G.-J. Hospers, J. Syssner. Zurich : LIT VERLAG GmbH&Co. KG Wien, 2018. P. 111–122.

227. Ise, J. What is Rural Economics / J. Ise // The Quarterly Journal of Economics. 1920. Vol. 34, no. 2. P. 300–312.

228. Jonsson, R. New Demography, Old Infrastructure: The Management of Fixed Assets in Shrinking Municipalities in Sweden / R. Jonsson, J. Syssner // Dealing with Urban and Rural Shrinkage. Formal and Informal Strategies / ed. by G.-J. Hospers, J. Syssner. Zurich : LIT VERLAG GmbH&Co. KG Wien, 2018. P. 31–44.

229. Krugman, P. Complex Landscapes in Economic Geography / P. Krugman // *The American Economic Review*. 1994. Vol. 84, no. 2. P. 412–416.
230. Krugman, P. *Development, Geography and Economic Theory* / P. Krugman. Cambridge, MA : The MIT Press, 1999. 132 p.
231. Kušar, S. Landscape Studies Informal Planning Practices: Some Evidence from Slovenia / S. Kušar // *Journal of Landscape Studies*. 2010. No. 3(3). P. 159–165.
232. Martinez-Fernandez, C. Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalisation / C. Martinez-Fernandez, I. Audirac, S. Fol, E. Cunningham-Sabot // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36.2. P. 213–225.
233. Martinez-Fernandez, C. The Crossroads of Demographic Change And Local Development / C. Martinez-Fernandez, T. Weyman // *Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics* / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012. P. 15–36.
234. Multifunctional Development of Rural Areas. International Experience / ed. by P. Bórawski. Ostrołęka : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomiczno-Społecznej w Ostrołęce, 2012. URL : <https://ageconsearch.umn.edu/record/208117/files/Multifunctional.development2012.pdf>.
235. *New Rural Policy: Linking up for Growth*. Paris : OECD Publication, 2015. 36 p.
236. *OECD Reginal Typology*. Paris : OECD Directorate for Public Governance and Territorial Development, 2011. URL : https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf.
237. Pužulis, A. Shrinking of Rural Territories in Latvia / A. Pužulis, L. Kūle // *European Integration Studies*. 2016. No. 10. P. 90–105.
238. RufBus and Anruf-Sammel-Taxi. URL : <http://www.v-s-b.de/en/service/rufbus-und-ast.html>.
239. Runge, C. F. *Agricultural Economics: A Brief Intellectual History (Working Paper WP06-1)* / C. F. Runge. St. Paul, MN : Center for International Food and Agricultural Policy, 2006. 38 p.

240. Sartorius, K. Rural Poverty Dynamics and Refugee Communities in South Africa: A Spatial-Temporal Model / K. Sartorius, B. Sartorius, S. Tollman et al. // *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, iss. 1. P. 103–123.

241. Schenkel, W. Regeneration Strategies in Shrinking Urban Neighbourhoods: Dimensions of Interventions in Theory and Practice (Switzerland) / W. Schenkel // *Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics* / ed. by C. Martinez-Fernandez, N. Kubo, A. Noya, T. Weyman. Paris : OECD, 2012. P. 179–186.

242. Schulman, M. D. The Persistence of the Black Farmer: The Contemporary Relevance of the Lenin-Chayanov Debate / M. D. Schulman, B. A. Newman // *Rural Sociology*. 1991. Vol. 56, iss. 2. P. 264–283.

243. Sharefarming: How it works and why it could reshape farming // *Farmers Weekly*. 2018. August 24. URL : <https://www.fwi.co.uk/business/business-management/partnerships/share-farming-how-it-works-and-why-it-could-reshape-farming>.

244. Shibusawa, H. Cyberspace and Physical Space in an Urban Economy / H. Shibusawa // *Papers in Regional Science*. 2000. Vol. 79. P. 253–270.

245. Shrinking Rural Regions in Europe: Policy Brief. Luxembourg : European Spatial Planning Observation Network, 2017. URL : <https://www.espon.eu/rural-shrinking>.

246. Smart Villages: Revitalising rural services // *EU Rural Review*. 2018. No. 26. URL : https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd_publications/publi-enrd-rr-26-2018-en.pdf.

247. Standards for Delineating Metropolitan and Micropolitan Statistical Areas (Revised on February 28, 2013). Washington, DC : Office of Management and Budget, 2010.

248. Sustainable Development / International Institute for Sustainable Development. URL : <http://www.iisd.org/topic/sustainable-development>.

249. Syssner, J. Informal Planning in Depopulating Rural Areas: A Resource-Based View of Informal Planning Practices / J. Syssner, M. Meijer // *European Countryside*. 2017. Vol. 9, no. 3. P. 458–472.

250. Syssner, J. Planning for Shrinkage? Policy Implications of Demographic Decline in Swedish Municipalities / J. Syssner // *Revista de estudios sobre despoblación y desarrollo rural*. 2016. Vol. 20. P. 7–31.

251. Tannenbaum, N. The Misuse of Chayanov: Chayanov's Rule and Empiricist Bias in Anthropology / N. Tannenbaum // *American Anthropologist*. 1984. Vol. 86, iss. 4. P. 927–942.

252. Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. URL : http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf.

253. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. Nairobi, Kenya : UNEP, 2011. URL : https://www.cbd.int/financial/doc/green_economyreport2011.pdf.

254. Understanding Your Local Economy. A Resource Guide for Cities. Washington, DC : The Cities Alliance, 2007. 148 p.

255. What is rural? // National Agricultural Library of the US Department of Agriculture. URL : <https://www.nal.usda.gov/ric/what-is-rural>.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ ПРИСУТСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица А.1 – Доля населения муниципальных районов в общей численности населения
Челябинской области на конец года, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	0,99	0,99	0,97	0,95	0,95	0,95	0,95
Аргаяшский МР	1,18	1,17	1,17	1,16	1,17	1,18	0,17
Ашинский МР	1,84	1,81	1,77	1,75	1,73	1,71	0,69
Брединский МР	0,80	0,78	0,76	0,75	0,74	0,73	0,73
Варненский МР	0,77	0,76	0,74	0,73	0,72	0,72	0,72
Верхнеуральский МР	1,03	1,02	1,01	1,00	0,99	0,99	0,98
Еманжелинский МР	1,53	1,52	1,50	1,49	1,46	1,44	1,42
Еткульский МР	0,88	0,88	0,88	0,88	0,88	0,87	0,86
Карталинский МР	1,40	1,39	1,38	1,36	1,35	1,34	1,33
Каслинский МР	0,98	0,98	0,97	0,96	0,94	0,93	0,91
Катав-Ивановский МР	0,94	0,92	0,91	0,89	0,88	0,86	0,85
Кизильский МР	0,73	0,72	0,70	0,68	0,67	0,65	0,64
Коркинский МР	1,83	1,82	1,78	1,74	1,73	1,71	1,71
Красноармейский МР	1,22	1,24	1,23	1,20	1,21	1,21	1,20
Кунашакский МР	0,86	0,86	0,86	0,86	0,85	0,84	0,83
Кусинский МР	0,83	0,82	0,81	0,80	0,79	0,78	0,77
Нагайбакский МР	0,59	0,57	0,56	0,55	0,54	0,54	0,53
Нязепетровский МР	0,51	0,50	0,50	0,49	0,48	0,48	0,47
Октябрьский МР	0,60	0,59	0,58	0,57	0,57	0,57	0,56
Пластовский МР	0,74	0,74	0,73	0,74	0,74	0,74	0,73
Саткинский МР	2,45	2,42	2,39	2,36	2,33	2,31	2,29
Сосновский МР	1,79	1,82	1,84	1,88	1,93	2,00	2,05
Троицкий МР	0,80	0,79	0,77	0,75	0,74	0,73	0,73
Увельский МР	0,91	0,90	0,89	0,89	0,90	0,91	0,91
Уйский МР	0,74	0,72	0,70	0,69	0,68	0,67	0,66
Чибаркульский МР	0,85	0,86	0,86	0,85	0,85	0,85	0,85
Чесменский МР	0,57	0,57	0,56	0,55	0,54	0,54	0,53
<i>Итого</i>	28,38	28,13	27,82	27,52	27,37	27,25	27,09

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица А.2 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю продукции сельского хозяйства

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	7,61	7,45	6,51	6,83	6,91	6,74	6,50
Аргаяшский МР	5,62	6,02	6,17	6,25	5,33	5,12	5,20
Ашинский МР	0,46	0,42	0,49	0,42	0,39	0,36	0,31
Брединский МР	5,42	4,70	4,54	4,32	5,09	4,97	5,31
Варненский МР	4,67	4,26	3,66	3,90	4,02	3,90	4,19
Верхнеуральский МР	4,50	3,73	3,74	3,19	3,24	3,04	2,92
Еманжелинский МР	2,67	4,56	4,75	5,02	4,37	3,99	2,74
Еткульский МР	2,81	2,72	2,93	2,64	2,63	2,39	2,23
Карталинский МР	1,77	1,67	1,50	1,45	1,70	1,70	1,77
Каслинский МР	1,88	1,50	1,49	1,30	1,06	1,05	1,11
Катав-Ивановский МР	0,80	0,72	0,82	0,69	0,65	0,59	0,53
Кизильский МР	5,83	5,57	4,91	4,39	5,04	5,20	5,21
Коркинский МР	0,27	0,23	0,24	0,24	0,22	0,21	0,20
Красноармейский МР	4,02	4,51	4,47	5,02	4,23	4,33	4,38
Кунашакский МР	2,68	2,39	2,74	4,36	5,16	5,16	5,27
Кусинский МР	1,09	1,02	1,18	0,95	0,86	0,79	0,69
Нагайбакский МР	5,12	7,03	9,32	10,46	10,06	10,82	10,99
Нязепетровский МР	1,53	1,42	1,51	1,28	1,21	1,11	1,05
Октябрьский МР	5,64	4,31	5,11	4,62	4,79	5,36	5,18
Пластовский МР	2,15	1,83	1,82	1,58	1,58	1,54	1,42
Саткинский МР	0,41	0,38	0,37	0,35	0,31	0,30	0,26
Сосновский МР	4,49	4,90	4,56	4,53	4,41	4,40	4,13
Троицкий МР	5,05	4,37	4,73	4,24	4,46	4,90	5,35
Увельский МР	2,96	2,56	2,87	4,11	6,81	8,41	9,50
Уйский МР	3,21	3,29	3,08	3,01	2,99	2,97	3,39
Чебаркульский МР	6,96	7,87	7,40	7,96	7,19	6,92	7,11
Чесменский МР	6,18	5,06	4,85	4,38	4,33	4,11	4,49
<i>Итоговый индекс</i>	<i>3,12</i>	<i>3,15</i>	<i>3,16</i>	<i>3,23</i>	<i>3,25</i>	<i>3,28</i>	<i>3,27</i>

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица А.3 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю инвестиций в основной капитал

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	0,07	0,38	0,20	0,04	0,08	0,07	0,12
Аргаяшский МР	0,44	0,55	0,36	0,09	0,05	0,12	0,07
Ашинский МР	0,31	0,68	1,23	0,69	0,21	0,25	0,34
Брединский МР	0,15	0,25	0,13	0,09	0,15	0,23	0,26
Варненский МР	0,06	5,43	8,14	2,94	0,81	0,45	0,55
Верхнеуральский МР	0,71	0,70	0,55	0,23	0,25	0,49	0,53
Еманжелинский МР	0,15	0,49	1,27	1,44	0,74	0,49	0,08
Еткульский МР	0,26	0,17	0,29	0,18	0,15	0,16	0,27
Карталинский МР	0,08	0,06	0,10	0,06	0,09	0,08	0,09
Каслинский МР	0,14	0,25	0,18	0,10	0,07	0,16	0,15
Катав-Ивановский МР	0,17	0,09	0,18	0,17	0,19	0,10	0,08
Кизильский МР	0,06	0,02	0,03	0,02	0,01	0,01	0,02
Коркинский МР	0,15	0,07	0,14	0,08	0,09	0,16	0,08
Красноармейский МР	0,67	0,47	0,21	0,10	0,17	0,35	0,27
Кунашакский МР	0,07	0,02	1,45	0,21	0,04	0,05	0,04
Кусинский МР	0,11	0,16	0,10	0,08	0,02	0,03	0,05
Нагайбакский МР	0,51	0,36	1,11	1,29	0,51	0,13	0,12
Нязепетровский МР	0,13	0,03	0,07	0,07	0,04	0,05	0,05
Октябрьский МР	0,44	0,26	0,25	0,17	0,15	0,31	0,23
Пластовский МР	1,11	0,43	1,19	0,77	0,89	1,37	1,63
Саткинский МР	0,34	0,46	0,39	0,23	0,16	0,26	0,34
Сосновский МР	0,34	0,72	0,75	0,48	0,62	0,39	0,63
Троицкий МР	0,15	0,10	0,07	0,38	0,24	0,10	0,14
Увельский МР	0,27	0,27	6,83	7,11	2,41	0,57	0,37
Уйский МР	0,05	0,05	0,05	0,05	0,06	0,06	0,07
Чебаркульский МР	0,70	0,31	0,28	0,33	0,43	0,33	0,44
Чесменский МР	0,14	0,11	0,11	0,08	0,06	0,09	0,07
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,28</i>	<i>0,47</i>	<i>0,87</i>	<i>0,60</i>	<i>0,32</i>	<i>0,26</i>	<i>0,28</i>

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица А.4 – Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю оборота розничной торговли

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	0,04	0,03	0,04	0,07	0,09	0,10	0,12
Аргаяшский МР	0,10	0,16	0,14	0,14	0,18	0,17	0,16
Ашинский МР	0,04	0,11	0,15	0,12	0,16	0,19	0,31
Брединский МР	0,06	0,05	0,05	0,06	0,08	0,09	0,13
Варненский МР	0,05	0,04	0,08	0,09	0,12	0,11	0,13
Верхнеуральский МР	0,04	0,05	0,10	0,12	0,15	0,16	0,19
Еманжелинский МР	0,07	0,10	0,14	0,17	0,23	0,22	0,24
Еткульский МР	0,12	0,18	0,17	0,14	0,18	0,20	0,21
Карталинский МР	0,06	0,06	0,07	0,09	0,14	0,12	0,18
Каслинский МР	0,29	0,26	0,26	0,30	0,37	0,36	0,38
Катав-Ивановский МР	0,11	0,17	0,31	0,31	0,36	0,37	0,46
Кизильский МР	0,03	0,02	0,03	0,03	0,03	0,04	0,05
Коркинский МР	0,14	0,20	0,22	0,21	0,26	0,26	0,31
Красноармейский МР	0,17	0,23	0,36	0,38	0,35	0,32	0,26
Кунашакский МР	0,05	0,07	0,08	0,11	0,12	0,11	0,10
Кусинский МР	0,07	0,11	0,12	0,12	0,16	0,18	0,21
Нагайбакский МР	0,02	0,04	0,07	0,09	0,10	0,11	0,11
Нязепетровский МР	0,07	0,07	0,07	0,08	0,13	0,13	0,14
Октябрьский МР	0,09	0,05	0,06	0,07	0,09	0,14	0,11
Пластовский МР	0,17	0,23	0,24	0,23	0,25	0,26	0,30
Саткинский МР	0,14	0,16	0,19	0,21	0,26	0,25	0,31
Сосновский МР	0,25	0,41	0,33	0,37	0,39	0,40	0,31
Троицкий МР	0,02	0,03	0,04	0,03	0,05	0,04	0,03
Увельский МР	0,05	0,03	0,02	0,04	0,04	0,03	0,03
Уйский МР	0,03	0,03	0,03	0,04	0,05	0,06	0,07
Чебаркульский МР	0,06	0,03	0,02	0,04	0,12	0,14	0,05
Чесменский МР	0,06	0,06	0,10	0,11	0,14	0,14	0,15
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,10</i>	<i>0,13</i>	<i>0,15</i>	<i>0,16</i>	<i>0,19</i>	<i>0,20</i>	<i>0,21</i>

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Таблица Б.1 – Продукция сельского хозяйства муниципальных районов Челябинской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	6 381 222	5 117 542	5 061 432	6 338 298	7 785 676	7 954 810	7 819 299
Аргаяшский МР	5 597 021	4 919 587	5 778 310	7 079 054	7 367 823	7 464 105	7 714 845
Ашинский МР	711 788	532 581	691 800	715 631	794 674	753 847	669 043
Брединский МР	3 661 823	2 552 903	2 771 296	3 161 351	4 464 821	4 520 298	4 879 010
Варненский МР	3 029 619,33	2 240 435	2 159 921	2 766 085	3 449 476	3 495 366	3 815 683
Верхнеуральский МР	3 907 967,10	2 649 608	3 016 943	3 095 119	3 797 932	3 725 328	3 623 533
Еманжелинский МР	3 439 595	4 826 277	5 709 918	7 249 245	7 577 367	7 128 863	4 907 333
Еткульский МР	2 093 500,45	1 665 292	2 066 302	2 255 003	2 725 963	2 582 173	2 429 266
Карталинский МР	2 093 583,53	1 618 054	1 651 150	1 913 866	2 710 681	2 823 236	2 978 553
Каслинский МР	1 557 956,11	1 017 220	1 154 222	1 214 931	1 185 478	1 205 268	1 281 564
Катав-Ивановский МР	633 626	460 430	592 338	602 348	675 239	635 175	570 459
Кизильский МР	3 598 297	2 776 146	2 742 736	2 899 334	3 986 188	4 219 605	4 225 167
Коркинский МР	411 230	288 305	348 585	398 248	453 276	448 407	425 257
Красноармейский МР	4 139 906	3 885 367	4 406 963	5 873 347	6 032 506	6 519 503	6 625 899
Кунашакский МР	1 955 452	1 437 000	1 888 181	3 642 030	5 194 533	5 393 291	5 541 544
Кусинский МР	764 809	580 157	764 649	733 708	796 042	763 039	672 803
Нагайбакский МР	2 534 294,37	2 803 897	4 184 294	5 589 255	6 440 929	7 203 529	7 343 458
Нязепетровский МР	662 441	498 634	602 834	615 692	690 436	657 978	627 896
Октябрьский МР	2 835 403	1 759 522	2 361 833	2 561 155	3 221 796	3 757 512	3 679 034
Пластовский МР	1 345 691	935 074	1 069 533	1 133 646	1 375 573	1 406 703	1 312 836
Саткинский МР	842 074	631 967	706 576	792 943	868 184	870 217	764 117
Сосновский МР	6 789 357	6 190 936	6 724 484	8 295 353	10 080 360	10 939 156	10 700 854
Троицкий МР	3 404 680	2 391 540	2 901 547	3 093 100	3 927 027	4 472 947	4 908 190

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Увельский МР	2 267 701	1 606 425	2 054 490	3 565 495	7 229 371	9 458 912	10 958 385
Уйский МР	1 995 710	1 651 741	1 731 270	2 014 505	2 413 873	2 464 662	2 808 272
Чебаркульский МР	5 000 478	4 699 302	5 064 222	6 608 495	7 237 400	7 290 413	7 615 274
Чесменский МР	2 988 194	1 992 858	2 162 046	2 336 435	2 772 111	2 740 751	3 024 986
Челябинская область	84 385 000	69 606 000	79 999 000	97 265 000	118 268 000	124 092 000	126 281 000

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица Б.2 – Инвестиции в основной капитал муниципальных районов Челябинской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	114 510	714 830	412 330	94 203	175 323	134 135	219 258
Аргаяшский МР	916 585	1 253 890	899 243	237 063	139 529	263 081	154 785
Ашинский МР	1 008 191	2 381 703	4 667 809	2 755 591	770 997	811 433	1 111 693
Брединский МР	205 963	377 273	218 204	158 561	241 897	326 357	362 048
Варненский МР	86 937	7 904 737	12 896 923	4 890 828	1 281 717	632 601	777 599
Верхнеуральский МР	1 283 853	1 370 386	1 199 673	513 496	542 940	938 196	1 006 347
Еманжелинский МР	411 810	1 443 483	4 092 503	4 865 416	2 366 174	1 352 586	234 825
Еткульский МР	404 437	288 535	544 889	352 650	285 361	278 486	453 401
Карталинский МР	204 604	170 355	296 417	197 696	271 785	199 909	239 191
Каслинский МР	251 400	466 623	366 053	224 945	147 631	294 000	275 037
Катав-Ивановский МР	284 381	153 455	341 490	350 809	365 092	161 634	130 049
Кизильский МР	80 626	29 738	43 818	23 270	20 917	11 268	19 544
Коркинский МР	489 967	239 259	554 181	314 657	328 379	542 768	263 206
Красноармейский МР	1 444 672	1 112 043	569 597	268 303	451 769	832 985	635 795
Кунашакский МР	113 209	41 097	2 690 489	417 954	72 964	78 045	62 063
Кусинский МР	156 995	245 140	170 576	144 319	37 341	43 149	67 250
Нагайбакский МР	527 871	402 166	1 345 548	1 608 644	600 022	139 603	127 405
Нязепетровский МР	118 764	29 672	78 250	77 965	40 097	44 332	43 851

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Октябрьский МР	460 379	291 197	307 657	218 521	189 922	341 411	251 899
Пластовский МР	1 458 251	607 786	1 885 081	1 297 613	1 422 793	1 957 634	2 322 877
Саткинский МР	1 459 754	2 140 741	2 022 197	1 209 824	792 556	1 186 626	1 519 301
Сосновский МР	1 083 623	2 537 982	2 973 179	2 054 323	2 584 174	1 510 560	2 511 374
Троицкий МР	216 925	149 076	114 986	649 912	387 607	144 444	199 752
Увельский МР	425 475	469 667	13 148 835	14 433 794	4 693 233	1 005 147	650 940
Уйский МР	69 775	62 942	76 959	76 510	89 996	72 515	91 997
Чебаркульский МР	1 052 534	511 820	521 934	650 476	797 787	542 168	734 161
Чесменский МР	146 369	122 720	135 047	101 266	75 632	96 077	70 935
Челябинская область	176 598 000	192 816 000	214 964 000	227 861 000	217 238 000	193 817 000	194 745 000
Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi ; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 .							

Таблица Б.3 – Оборот розничной торговли муниципальных районов Челябинской области, тыс. р.

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	167 380	148 452	203 059	336 451	452 826	479 404	544 794
Аргаяшский МР	520 217	869 086	852 112	901 030	1 050 234	977 888	941 629
Ашинский МР	347 387	912 563	1 332 930	1 119 139	1 454 086	1 572 936	2 590 038
Брединский МР	205 479	193 369	198 936	245 389	302 484	328 374	450 282
Варненский МР	158 228	148 691	302 496	334 990	440 096	390 274	471 988
Верхнеуральский МР	173 691	226 618	504 198	629 816	774 674	759 937	940 909
Еманжелинский МР	421 435	683 002	1 041 659	1 399 484	1 707 419	1 593 837	1 677 369
Еткульский МР	453 341	718 810	765 805	669 396	790 960	875 318	898 988
Карталинский МР	338 729	383 050	459 328	671 062	939 574	786 178	1 183 181
Каслинский МР	1 199 870	1 184 865	1 271 255	1 534 323	1 782 855	1 634 926	1 706 748
Катав-Ивановский МР	427 232	716 379	1 434 464	1 514 500	1 635 400	1 564 630	1 918 181
Кизильский МР	80 305	72 015	96 278	101 097	112 036	139 513	152 604
Коркинский МР	1 045 844	1 718 176	1 946 884	1 977 001	2 274 013	2 196 706	2 597 552

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Красноармейский МР	889 934	1 334 395	2 233 199	2 460 806	2 176 037	1 892 880	1 540 907
Кунашакский МР	198 033	277 035	345 619	521 436	542 176	477 795	400 079
Кусинский МР	231 076	406 110	488 091	525 509	648 863	681 938	789 441
Нагайбакский МР	39 941	94 506	193 363	257 432	275 458	287 127	297 611
Нязепетровский МР	159 353	155 747	171 701	219 709	319 961	303 938	314 433
Октябрьский МР	225 228	135 475	181 715	215 224	260 875	390 033	310 134
Пластовский МР	522 992	781 479	907 008	930 556	930 373	964 654	1 096 297
Саткинский МР	1 408 928	1 827 060	2 346 458	2 621 820	3 102 439	2 819 427	3 490 789
Сосновский МР	1 856 588	3 478 163	3 078 596	3 736 759	3 908 527	3 949 746	3 156 124
Троицкий МР	52 723	100 903	141 097	113 111	194 563	147 811	98 985
Увельский МР	209 390	126 899	100 176	177 461	180 345	127 641	153 123
Уйский МР	98 519	102 054	112 933	137 284	185 179	193 388	223 715
Чебаркульский МР	224 079	113 242	76 855	164 142	516 369	568 222	192 873
Чесменский МР	150 227	165 501	287 384	320 147	396 098	374 714	400 149
Челябинская область	421 350 000	465 697 000	506 401 000	538 815 000	513 078 000	493 676 000	492 409 000
Примечание. Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).							

Таблица Б.4 – Плотность экономических агентов муниципальных районов Челябинской области, чел./км²

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	13,24	13,17	13,03	12,82	12,82	12,80	12,77
Аргаяшский МР	15,30	15,24	15,23	15,18	15,26	15,34	15,28
Ашинский МР	22,90	22,56	22,16	21,90	21,64	21,43	21,11
Брединский МР	5,50	5,36	5,25	5,19	5,12	5,06	5,02
Варненский МР	6,95	6,83	6,68	6,62	6,59	6,56	6,53
Верхнеуральский МР	10,35	10,25	10,15	10,07	10,00	9,97	9,90
Еманжелинский МР	468,29	467,11	462,21	458,14	452,23	444,13	437,58
Еткульский МР	12,18	12,16	12,17	12,14	12,15	12,10	11,94
Карталинский МР	10,32	10,24	10,17	10,07	10,01	9,93	9,86
Каслинский МР	12,29	12,19	12,09	12,02	11,86	11,65	11,45
Катав-Ивановский МР	9,95	9,80	9,64	9,55	9,40	9,24	9,08

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кизильский МР	5,77	5,66	5,52	5,38	5,31	5,19	5,09
Коркинский МР	621,22	616,91	605,54	592,74	587,83	584,46	580,14
Красноармейский МР	11,06	11,21	11,20	10,96	10,99	11,06	10,89
Кунашакский МР	9,57	9,58	9,59	9,56	9,49	9,39	9,26
Кусинский МР	18,90	18,60	18,37	18,20	17,96	17,76	17,48
Нагайбакский МР	6,76	6,61	6,49	6,36	6,28	6,22	6,12
Нязепетровский МР	5,17	5,08	5,02	4,99	4,90	4,82	4,77
Октябрьский МР	4,76	4,69	4,63	4,58	4,57	4,54	4,51
Пластовский МР	14,72	14,64	14,63	14,76	14,74	14,75	14,56
Саткинский МР	35,34	34,98	34,54	34,18	33,86	33,54	33,12
Сосновский МР	30,09	30,55	31,08	31,80	32,67	33,87	34,62
Троицкий МР	7,03	6,92	6,77	6,63	6,58	6,50	6,40
Увельский МР	13,76	13,67	13,59	13,56	13,68	13,80	13,87
Уйский МР	9,74	9,54	9,30	9,15	9,06	8,89	8,70
Чебаркульский МР	10,35	10,44	10,43	10,42	10,41	10,39	10,35
Чесменский МР	7,33	7,26	7,16	7,07	6,98	6,92	6,85
Челябинская область	39,32	39,38	39,44	39,53	39,56	39,57	39,47

Примечание. Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Таблица Б.5 – Муниципально-территориальное устройство Челябинской области на конец 2011 и 2017 г.

Муниципальное образование	2011		2017	
	Число населенных пунктов, всего	Из них сельские населенные пункты	Число населенных пунктов, всего	Из них сельские населенные пункты
Агаповский МР	47	47	47	47
Аргаяшский МР	85	85	85	85
Ашинский МР	25	21	25	21
Брединский МР	37	37	37	37
Варненский МР	37	37	37	37
Верхнеуральский МР	51	49	51	49
Еманжелинский МР	7	4	7	4
Еткульский МР	42	42	42	42
Карталинский МР	48	47	48	47
Каслинский МР	47	45	47	45
Катав-Ивановский МР	19	17	19	17
Кизильский МР	52	52	52	52
Коркинский МР	7	4	7	4
Красноармейский МР	78	78	78	78
Кунашакский МР	73	73	73	73
Кусинский МР	23	21	23	21
Нагайбакский МР	37	36	37	36
Нязепетровский МР	30	29	30	29
Октябрьский МР	53	53	53	53
Пластовский МР	20	19	20	19
Саткинский МР	34	29	34	29
Сосновский МР	80	80	81	81
Троицкий МР	74	74	74	74
Увельский МР	41	41	41	41
Уйский МР	43	43	43	43
Чебаркульский МР	56	56	56	56
Чесменский МР	32	32	32	32
Примечание. Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).				

Таблица Б.6 – Площадь земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства, в расчете на 10 тыс. чел. населения в муниципальных районах Челябинской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	...	...	...	...	...	...	1,67
Аргаяшский МР	15,60	10,6	7,60	5,73	3,34	...	...
Ашинский МР	0,32	1,70	1,90	3,10	2,90	0,72	0,88
Брединский МР	...	...	...	...	...	...	...
Варненский МР	...	...	...	...	...	...	...
Верхнеуральский МР	...	...	...	...	...	...	...
Еманжелинский МР	0,08	0,17	0,12	0,09	0,73	2,11	2,77
Еткульский МР	...	2,07	2,26	9,50	...	...	...
Карталинский МР	...	...	...	...	3,51	8,46	12,49
Каслинский МР	17,30	11,20	22,86	31,95	31,27	40,25	51,00
Катав-Ивановский МР	...	3,57	2,80	2,57	4,06	3,40	2,22
Кизильский МР	...	...	3,02	2,50	2,10	...	...
Коркинский МР	...	...	1,60	12,22	1,00	0,80	0,50
Красноармейский МР	...	...	...	...	...	...	...
Кунашакский МР	...	...	...	...	...	...	6,29
Кусинский МР	...	...	...	...	...	...	...
Нагайбакский МР	5,76	1,76	1,13	0,53	0,25	1,75	0,57
Нязепетровский МР	2,96	5,77	11,05	3,04	2,96	1,24	1,16
Октябрьский МР	...	...	...	84,00	2,77	2,76	2,73
Пластовский МР	...	11,04	12,80	15,00	...	...	...
Саткинский МР	1,93	1,10	0,52	1,12	1,11	0,30	...
Сосновский МР	4,33	7,96	18,79	19,77	1,94	0,60	1,68
Троицкий МР	...	...	...	...	18700	8000	...
Увельский МР	2,49	2,03	2,40	8,43	...	...	...
Уйский МР	0,09	0,14	0,23	0,92	2,41	1,01	1,48
Чебаркульский МР	13,20	8,50	8,50	...	...	...	...
Чесменский МР	...	2,60	...	...	...	...	0,56

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

Таблица Б.7 – Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий муниципальных районов Челябинской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	124 275,00	124 988,12	127 974,88	129 293,51	119 663,59	125 928,21	126 618,71
Аргаяшский МР	48 627,00	42 983,03	39 137,89	37 342,40	31 259,92	30 584,12	27 675,69
Ашинский МР	2 182,00	1 948,00	1 853,58	1 865,11	1 523,60	1 479,76	1 406,62
Брединский МР	186 013,00	195 992,00	201 119,69	203 466,02	201 472,34	205 192,20	206 588,16
Варненский МР	167 123,00	168 676,00	174 368,41	170 105,20	169 609,99	153 468,59	161 574,14
Верхнеуральский МР	146 509,00	137 585,83	138 865,08	120 904,88	119 002,70	119 224,11	123 285,03
Еманжелинский МР	2 424,00	1 553,98	2 636,54	2 078,12	2 016,28	2 586,68	1 909,91
Еткульский МР	71 273,00	60 068,24	61 906,08	61 154,19	56 113,96	60 463,78	58 320,56
Карталинский МР	111 804,00	104 978,10	112 575,29	107 326,23	103 426,16	105 408,41	107 867,64
Каслинский МР	20 809,00	22 462,13	22 363,17	22 411,99	21 256,18	22 044,82	19 351,38
Катав-Ивановский МР	1 318,00	1 315,27	1 257,38	1 248,61	1 214,85	1 110,50	1 072,53
Кизильский МР	167 131,00	161 934,62	166 460,89	154 879,68	115 285,75	130 590,56	145 817,42
Коркинский МР	705,00	707,43	721,49	730,87	716,71	695,51	688,41
Красноармейский МР	39 509,00	35 712,67	34 816,48	32 150,32	31 901,81	28 210,84	28 906,45
Кунашакский МР	29 747,00	25 518,12	22 407,78	21 079,11	17 233,94	18 327,68	22 149,31
Кусинский МР	1 784,00	1 669,68	1 631,57	1 545,89	1 480,45	1 369,72	1 595,77
Нагайбакский МР	120 350,00	122 268,82	123 790,71	112 172,41	78 616,52	87 002,74	82 831,22
Нязепетровский МР	10 590,00	10 485,66	10 146,10	9 894,87	9 397,01	9 772,60	9 369,51
Октябрьский МР	156 563,00	143 548,12	147 329,84	146 287,93	131 779,18	138 273,06	143 784,80
Пластовский МР	25 486,00	28 733,05	31 365,14	34 059,36	34 405,30	33 236,89	34 276,12
Саткинский МР	4 755,00	4 597,11	4 952,51	4 780,90	4 801,31	4 766,17	4 666,59
Сосновский МР	38 335,00	30 390,57	31 443,04	30 123,97	30 239,35	30 307,38	28 407,06
Троицкий МР	192 213,00	192 606,99	196 748,68	197 486,25	183 115,92	186 251,40	192 327,69
Увельский МР	94 011,00	78 181,39	85 907,46	92 638,24	88 993,79	91 053,49	93 104,68
Уйский МР	64 037,00	67 813,26	67 883,51	75 647,15	70 776,42	73 178,32	79 457,88
Чебаркульский МР	65 733,00	65 098,46	67 879,46	66 190,24	63 730,02	64 557,50	66 736,72
Чесменский МР	127 794,00	119 014,09	131 265,59	130 499,06	124 950,10	125 931,75	117 606,70
Челябинская область	2 042 500	1 970 600	2 028 300	1 989 100	1 834 900	1 871 800	1 895 200

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).

Таблица Б.8 – Многолетние насаждения плодово-ягодных культур в муниципальных районах Челябинской области, га

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	410	390	224	223	221	221	217
Аргаяшский МР	373	371	372	370	368	368	359
Ашинский МР	300	297	299	298	296	295	289
Брединский МР	510	508	509	506	503	501	492
Варненский МР	23	23	23	22	23	23	23
Верхнеуральский МР	1 843	1 830	1 833	1 824	1 813	1 800	1 764
Еманжелинский МР	153	151	152	151	150	149	145
Еткульский МР	252	251	252	251	249	249	243
Карталинский МР	460	459	459	457	454	453	444
Каслинский МР	170	169	169	168	275	169	177
Катав-Ивановский МР	143	141	142	141	141	140	137
Кизильский МР	670	673	674	671	666	664	653
Коркинский МР	125	124	125	124	123	123	120
Красноармейский МР	437	439	457	489	416	414	407
Кунашакский МР	733	723	725	721	716	713	698
Кусинский МР	103	102	103	102	102	102	100
Нагайбакский МР	26	26	188	186	26	28	29
Нязепетровский МР	87	86	87	86	85	84	82
Октябрьский МР	143	141	142	141	140	140	137
Пластовский МР	143	142	142	142	140	140	137
Саткинский МР	198	196	198	197	195	195	191
Сосновский МР	532	530	531	528	526	524	515
Троицкий МР	274	272	273	272	270	269	263
Увельский МР	472	471	471	469	466	463	455
Уйский МР	105	105	105	104	104	104	101
Чибаркульский МР	473	470	472	470	467	465	457
Чесменский МР	137	136	136	136	135	134	131
Примечание. Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).							

Таблица Б.9 – Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципальных районов по муниципальным районам Челябинской области, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	...	1,62	...	...	3,57	3,57	4,30
Аргаяшский МР	...	...	0,04	0,54	0,54	3,48	3,40
Ашинский МР	0,38	0,34	0,39	0,4	0,41	0,42	0,40
Брединский МР	1,28	0,49	7,12	6,59	7,67	9,04	8,60
Варненский МР	...	...	...	...	...	1,92	2,67
Верхнеуральский МР	23,01	22,44	13,1	13,25	13,25	9,7	9,70
Еманжелинский МР	...	...	...	...	...	...	...

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Еткульский МР	...	...	...	...	...	...	...
Карталинский МР	0,26	0,15	...	0,08	0,02	0,02	0,02
Каслинский МР	0,84	1,27	0,45	0,87	0,14	0,19	0,19
Катав-Ивановский МР	0,06	0,07	0,07	0,07	0,13	0,1	0,10
Кизильский МР	19,7	18,03	17,94	11,07	10,72	10,68	10,68
Коркинский МР	...	...	...	...	...	...	...
Красноармейски МР й	5,21	4,74	4,4	4,41	5,78	7,97	7,69
Кунашакский МР	3,71	2,24	0,45	0,45	2,48	2,47	2,42
Кусинский МР	4,33	5,3	3,66	3,65	3,65	3,19	3,19
Нагайбакский МР	2,63	2,57	2,43	2,4	2,38	2,38	4,94
Нязепетровский МР	1,14	1,23	1,17	1,13	1,09	1,1	1,09
Октябрьский МР	3,32	6,5	6,81	2,47	9,21	9,19	9,30
Пластовский МР	...	...	...	...	...	...	...
Саткинский МР	0,41	0,31	0,31	0,3	0,28	0,28	0,28
Сосновский МР	...	...	...	...	0,59	12,48	11,05
Троицкий МР	2,38	2,28	2,1	1,9	1,67	0,59	0,41
Увельский МР	...	...	...	...	...	...	...
Уйский МР	10,6	10,16	6,94	7,67	7,76	8,8	9,32
Чебаркульский МР	1,96	1,78	1,78	1,55	0,3	0,9	0,91
Чесменский МР	2,45	2,99	16,97	16,97	82,75	52,45	3,20
Примечание. Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).							

Таблица Б.10 – Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, по муниципальным районам Челябинской области, %

Муниципальное образование	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	...	...	...	...	...
Аргаяшский МР	8,40	6,90	6,90	6,90	6,90
Ашинский МР	...	...	...	...	...
Брединский МР	...	...	...	...	...
Варненский МР	1,15	...	2,72	2,67	2,65
Верхнеуральский МР	...	16,44	13,70	...	...
Еманжелинский МР	...	...	...	...	...
Еткульский МР	21,04	16,01	13,40	13,40	13,40
Карталинский МР	11,66	11,45	11,45	12,01	14,40
Каслинский МР	85,78	5,15	5,24	11,14	10,36
Катав-Ивановский МР	...	...	...	...	...
Кизильский МР	...	...	...	1,08	1,04
Коркинский МР	...	10,67	13,43	8,60	8,93
Красноармейский МР	...	...	...	...	15,82
Кунашакский МР	...	...	...	...	...
Кусинский МР	...	...	...	17,32	17,32
Нагайбакский МР	...	...	...	...	...
Нязепетровский МР	...	...	...	...	...
Октябрьский МР	...	...	...	...	...

Муниципальное образование	2013	2014	2015	2016	2017
Пластовский МР	4,16	0,46	...	8,95	8,78
Саткинский МР	1,94	1,90	1,87	1,99	1,99
Сосновский МР	18,36	10,67	10,52	10,41	7,31
Троицкий МР	...	...	...	...	...
Увельский МР	7,40	...	...	...	...
Уйский МР	2,83	11,80	12,01	12,01	12,01
Чибаркульский МР	...	...	...	...	...
Чесменский МР	...	...	...	...	...

Примечание. Данные Челябинскстата (исходящее письмо от 5 июня 2018 г. № 70/ОГ).

Таблица Б.11 – Число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, в муниципальных районах Челябинской области

Муниципальное образование	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	44	47	47	47
Аргаяшский МР	85	85	85	85
Ашинский МР	15	15	15	14
Брединский МР	33	33	33	33
Варненский МР	37	37	37	37
Верхнеуральский МР	51	51	46	46
Еманжелинский МР	1	1	1	1
Еткульский МР	41	42	42	42
Каргалинский МР	48	48	48	53
Каслинский МР	26	28	17	19
Катав-Ивановский МР	7	7	7	7
Кизильский МР	53	53	53	53
Коркинский МР	3	3	3	3
Красноармейский МР	63	62	61	61
Кунашакский МР	73	73	73	71
Кусинский МР	35	20	20	20
Нагайбакский МР	33	33	33	36
Нязепетровский МР	17	17	17	17
Октябрьский МР	48	51	51	51
Пластовский МР	7	11	7	7
Саткинский МР	14	14	14	28
Сосновский МР	43	44	57	57
Троицкий МР	57	62	67	67
Увельский МР	29	35	35	35
Уйский МР	43	41	41	41
Чибаркульский МР	49	52	52	51
Чесменский МР	27	27	27	27

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

Таблица Б.12 – Число телефонизированных сельских населенных пунктов
в муниципальных районах Челябинской области

Муниципальное образование	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	47	35	35	35
Аргаяшский МР	85	85	85	85
Ашинский МР	7	7	7	7
Брединский МР	22	23	23	14
Варненский МР	37	37	37	37
Верхнеуральский МР	51	51	46	46
Еманжелинский МР	1	1	1	1
Еткульский МР	41	42	42	42
Карталинский МР	21	22	22	22
Каслинский МР	26	45	38	34
Катав-Ивановский МР	7	10	10	10
Кизильский МР	53	53	53	53
Коркинский МР	4	4	4	4
Красноармейский МР	36	39	39	39
Кунашакский МР	73	73	73	23
Кусинский МР	20	20	20	21
Нагайбакский МР	29	29	36	36
Нязепетровский МР	26	25	25	25
Октябрьский МР	42	51	51	51
Пластовский МР	10	8	8	8
Саткинский МР	27	27	27	6
Сосновский МР	35	26	25	25
Троицкий МР	41	44	44	49
Увельский МР	27	29	29	29
Уйский МР	27	28	28	28
Чебаркульский МР	42	49	49	49
Чесменский МР	28	28	28	28

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РЕГИОНОВ

Таблица В.1 – Численность населения муниципальных районов Свердловской области, чел. (на конец года)

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Байкаловский МР	15 923	15 730	15 572	15 351	15 252	15 226	15 096
Камышловский МР	28 564	28 433	28 326	28 574	28 667	28 959	28 984
Нижнесергинский МР	43 068	42 499	42 021	41 516	41 047	40 503	39 889
Слободо-Туринский МР	14 660	14 233	13 926	13 661	13 395	13 210	12 974
Таборинский МР	3 470	3 428	3 345	3 265	3 187	3 121	3 052
Свердловская область	4 307 594	4 315 830	4 320 677	4 327 472	4 330 006	4 329 341	4 325 256

Таблица В.2 – Численность населения муниципальных районов Челябинской области, чел. (на конец года)

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский МР	34 590	34 413	33 917	33 386	33 372	33 319	33 254
Аргаяшский МР	41 059	40 892	40 868	40 735	40 946	41 150	41 012
Ашинский МР	63 898	62 969	61 834	61 144	60 427	59 828	58 927
Брединский МР	27 858	27 173	26 619	26 329	25 959	25 670	25 420
Варненский МР	26 782	26 329	25 724	25 496	25 376	25 285	25 168
Верхнеуральский МР	35 848	35 526	35 176	34 901	34 650	34 533	34 304
Еманжелинский МР	53 099	52 966	52 410	51 948	51 278	50 360	49 617
Еткульский МР	30 758	30 701	30 743	30 667	30 672	30 554	30 161
Карталинский МР	48 797	48 399	48 056	47 574	47 325	46 940	46 619
Каслинский МР	34 240	33 980	33 688	33 495	33 055	32 472	31 894
Катав-Ивановский МР	32 627	32 115	31 586	31 296	30 805	30 282	29 772
Кизильский МР	25 463	24 959	24 359	23 747	23 417	22 908	22 443
Коркинский МР	63 837	63 394	62 225	60 910	60 405	60 059	59 615
Красноармейский МР	42 480	43 087	43 049	42 094	42 225	42 494	41 847
Кунашакский МР	30 073	30 105	30 116	30 034	29 804	29 507	29 091
Кусинский МР	28 973	28 520	28 167	27 911	27 539	27 228	26 799
Нагайбакский МР	20 415	19 964	19 593	19 211	18 944	18 784	18 476
Нязепетровский МР	17 883	17 569	17 370	17 262	16 956	16 680	16 500
Октябрьский МР	20 727	20 450	20 161	19 937	19 926	19 788	19 638
Пластовский МР	25 783	25 644	25 626	25 853	25 816	25 830	25 509
Саткинский МР	85 244	84 373	83 311	82 452	81 663	80 912	79 890
Сосновский МР	62 335	63 276	64 384	65 867	67 670	70 148	71 708
Троицкий МР	27 822	27 400	26 789	26 240	26 040	25 736	25 354
Увельский МР	31 627	31 434	31 235	31 179	31 438	31 733	31 896
Уйский МР	25 663	25 119	24 491	24 093	23 872	23 427	22 928
Чебаркульский МР	29 642	29 900	29 852	29 850	29 801	29 753	29 639
Чесменский МР	19 928	19 712	19 442	19 202	18 954	18 800	18 617
Челябинская область	3 480 000	3 485 000	3 490 000	3 498 000	3 501 000	3 502 000	3 493 000

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Катав-Ивановский МР	327 800	327 800	327 800	327 800	327 800	327 800	327 800
Кизильский МР	441 291	441 240	441 240	441 291	441 291	441 291	441 291
Коркинский МР	10 276	10 276	10 276	10 276	10 276	10 276	10 276
Красноармейский МР	384 203	384 203	384 203	384 203	384 203	384 203	384 203
Кунашакский МР	314 158	314 164	314 158	314 158	314 158	314 158	314 158
Кусинский МР	153 333	153 333	153 333	153 333	153 333	153 333	153 333
Нагайбакский МР	301 893	301 893	301 893	301 893	301 893	301 893	301 893
Нязепетровский МР	345 937	345 937	345 937	345 937	345 937	345 937	345 937
Октябрьский МР	435 635	435 635	435 635	435 635	435 635	435 635	435 635
Пластовский МР	175 176	175 176	175 176	175 176	175 176	175 176	175 176
Саткинский МР	241 207	241 207	241 207	241 207	241 207	241 207	241 207
Сосновский МР	207 189	207 139	207 138	207 138	207 138	207 138	207 138
Троицкий МР	395 867	395 867	395 867	395 867	395 867	395 867	395 867
Увельский МР	229 890	229 889	229 889	229 889	229 889	229 889	229 889
Уйский МР	263 431	263 401	263 401	263 401	263 401	263 401	263 401
Чебаркульский МР	286 338	286 338	286 338	286 338	286 338	286 338	286 338
Чесменский МР	271 685	271 685	271 685	271 685	271 685	271 685	271 685
Челябинская область	8 850 000	8 850 000	8 850 000	8 850 000	8 850 000	8 850 000	8 850 000

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИКО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ, ОБОЗНАЧЕННЫЕ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию (1 марта 2018 г.)	<p>1. «Крайне необходима современная инфраструктура... Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий. Российский агропромышленный комплекс уже стал глобально конкурентной отраслью. Такой же современной должна быть и жизнь людей, которые своим трудом обеспечивают этот успех».</p> <p>2. «...очевидно, что именно развитые коммуникации позволят жителям малых городов и сел удобно пользоваться всеми возможностями и современными сервисами, которые есть в крупных центрах, а сами небольшие населенные пункты будут тесно интегрированы в общее социальное и экономическое пространство России». «К 2024 г. мы обеспечим практически повсеместный быстрый доступ в Интернет. Будет завершено строительство волоконно-оптических линий связи к большинству населенных пунктов с численностью жителей более 250 чел., а удаленные, небольшие населенные пункты Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока получат устойчивый доступ через сеть российских спутников».</p> <p>3. «Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России».</p> <p>4. «Нам нужно создать современную среду для жизни,</p>	<p>1. Инфраструктурное развитие сельских муниципальных образований; конкурентоспособность отраслей муниципальной экономики; повышение уровня жизни сельского населения.</p> <p>2. Повышение связанности экономического пространства через развитие транспортной инфраструктуры цифровой экономики.</p> <p>3. Опора на крупные города как источники гармоничного развития пространства.</p> <p>4. Сохранение самобытности малых населенных пунктов, раскрытие их потенциала</p> <p>5. Повышение населенности территорий через улучшение коммунальной инфраструктуры, социального обеспечения и экологической ситуации.</p> <p>6. Технологизация видов экономической деятельности первичного сектора экономики.</p> <p>7. Рост производительности труда отраслей муниципальной экономики.</p> <p>8. Поддержка малых форм хозяйствования и кооперации и рост доходов в экономике муниципальных районов</p>

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
	<p>преобразить наши города и поселки». «При этом мы поддержим и инициативы, которые позволят нашим малым городам, населенным пунктам сохранить самобытность, по-новому раскрыть свой уникальный потенциал».</p> <p>5. «В ближайшие годы такая тенденция к сокращению сохранится, что может стать серьезным ограничением для экономического роста. Трудовых ресурсов просто нет. Необходимо ответить на эти вызовы и в предстоящее десятилетие обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России». «Для сбережения здоровья людей усилий только лишь медицины будет недостаточно. На всей территории России мы должны обеспечить высокие стандарты экологического благополучия». «Предстоит существенно повысить качество питьевой воды. В некоторых небольших населенных пунктах она до сих пор подается по часам. Важно подключить к решению этих задач технологии, которые есть в оборонно-промышленном комплексе».</p> <p>6. «В полную силу должны заработать мощные научно-образовательные центры. <...> Кардинальный прорыв по этому направлению откроет путь к созданию новых методов диагностики, предупреждения и борьбы со многими заболеваниями, расширит возможности в селекции, в сельском хозяйстве».</p> <p>7. «Необходимо добиться, чтобы производительность труда на средних и крупных предприятиях базовых отраслей (это промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство и торговля) росла темпами не ниже 5 % в год, что позволит к концу следующего десятилетия выйти на уровень ведущих экономик мира».</p> <p>8. «...развитие АПК, безусловно, во многом связано с крупным товарным производством, но это не должно идти в ущерб интересам малых хозяйств, людей, которые в них работают. Мы должны поддержать семейные</p>	

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
	предприятия, фермеров. Будем развивать сельхозкооперацию, создавать условия для роста доходов жителей сельских территорий»	
Стратегия научно-технологического развития РФ, утв. указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642	<p>Стратегия НТР РФ в основном не затрагивает муниципальный уровень и сельские территории. Однако в контексте национального научно-технологического развития утверждаются ряд аспектов, имеющих значение для экономико-пространственного развития МР:</p> <ul style="list-style-type: none"> – необходимость «перехода к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, разработка и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективная переработка сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания»; – необходимая «связанность территории Российской Федерации за счет создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем»; – необходимость ответа на ряд вызовов: демографический переход, рост антропогенных нагрузок на природную среду, изменение архитектуры мировой энергетической системы, потребность в обеспечении продовольственной безопасности и снижении технологических рисков в АПК, необходимость эффективного освоения и использования пространства; – необходимость повышения восприимчивости экономики и общества к инновациям, решения проблемы взаимодействия сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству. 2. Повышение связанности пространства за счет интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем. 3. Снижение рисков антропогенного воздействия на природную среду. 4. Экологически чистая и ресурсосберегающая (в том числе локальные ресурсы) энергетика. 5. Расширение внедрения инноваций, цифровых и интеллектуальных производственных технологий, роботизированных систем для эффективного освоения и использования пространства

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
<p>Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р</p>	<p>Цели государственной политики в области устойчивого сельского развития:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций и задач территориального развития; – устойчивый рост сельской экономики, повышение эффективности сельского хозяйства и вклада села в экономику страны и благосостояние российских граждан; – повышение занятости, уровня и качества жизни сельского населения, а также приближение села к городским жизненным стандартам; – замедление процесса депопуляции, стабилизация численности сельского населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни; – сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения; – рационализация использования природных ресурсов и сохранение природной среды; – сохранение и приумножение культурного потенциала села. <p>Принципами государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий в том числе являются «расширение и углубление связей села с городом, интегрирование села в единую общеэкономическую систему на основе агропромышленной интеграции и кооперации, развития рекреационных зон для горожан, дорожно-транспортных коммуникаций, современных форм связи и создания единых систем социального обслуживания населения»; «использование потенциала развития всех сельских населенных пунктов с выделением центров межселенного обслуживания»; «развитие на селе местного самоуправления, институтов гражданского об-</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сохранение функционального предназначения сельских поселений, входящих в состав муниципального района, в национальной экономике. 2. Сохранение и увеличение населенности территорий муниципальных районов; 3. Устойчивый рост экономик муниципальных районов. 4. Снижение асимметрии доходов и уровня и качества жизни сельского населения по сравнению с городским. 5. Устойчивое земле- и природопользование сохранение ресурсного потенциала территории муниципальных районов. 6. Сохранение и развитие территориальной идентичности сельских населенных пунктов. 7. Конструктивное взаимодействие и сотрудничество с муниципальными образованиями других видов в области использования территории. 8. Полицентричность развития внутри территории муниципальных районов. 9. Развитие неформальных практик пространственного планирования на основе повышения гражданской ответственности. <p>В соответствии с приоритетными задачами четыре основных приоритета экономико-пространственного развития МР включают:</p> <ul style="list-style-type: none"> – повышение населенности территорий и их привлекательности для бизнеса и населения; – полифункциональность экономики муниципальных районов;

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
	<p>щества, всех форм кооперации, повышение участия сельского населения в принятии решений, связанных с доступом к природным ресурсам (земельным, водным, лесным), социальным услугам, а также с перспективами развития сельских поселений».</p> <p>Ввиду множественности и разноплановости целей выделены четыре приоритетные задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – стимулирование демографического роста и создание условий для переселения в сельскую местность; – диверсификация сельской экономики и расширение источников формирования доходов сельского населения; – улучшение жилищных условий сельского населения; – создание современной социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры в сельской местности 	<p>– повышение уровня внешней и внутренней интегрированности за счет развития транспортной и инженерной инфраструктуры</p>
<p>Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р</p>	<p>Принятая позже Стратегия конкретизирует и актуализирует основные цели, задачи и направления государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий, изложенные в Концепции.</p> <p>Достижение целей обеспечения устойчивого развития сельских территорий осуществляется через решение следующих задач:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создание комплекса условий и предпосылок для улучшения демографической ситуации в сельской местности; – оптимизация территориального размещения сельского хозяйства и связанных с ним отраслей; – диверсификация сельской экономики; – развитие малого предпринимательства и кооперации в сельской местности; – совершенствование социальной инфраструктуры, повышение доступности социальных услуг; – совершенствование жилищной и инженерно-коммунальной инфраструктуры; 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Улучшение демографической ситуации. 2. Диверсификация муниципальной экономики. 3. Повышение качества жизни сельского населения. 4. Улучшение доступа сельских жителей к ресурсам развития в целях эффективного и устойчивого природопользования и в особенности землепользования. 5. Развитие рационального природопользования и улучшение экологической ситуации в сельской местности. 6. Повышение эффективности местного самоуправления, кадрового обеспечения, доступности статистической информации

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
	<ul style="list-style-type: none"> – развитие дорожно-транспортной инфраструктуры сельских территорий; – расширение доступа сельского населения к услугам современных средств связи; – улучшение доступа сельских жителей к ресурсам развития; – создание условий для гармоничного этнокультурного развития, сохранение и приумножение культурного потенциала сельских территорий, комплексное обеспечение культурно-досуговых потребностей сельского населения; – создание условий для успешной социализации и самореализации сельской молодежи; – совершенствование кадрового, научного и методического обеспечения развития сельских территорий; – совершенствование местного самоуправления и развитие институтов гражданского общества; – создание условий для устойчивого развития традиционных агроландшафтов, обеспечение рационального природопользования; – обеспечение доступа сельского населения к ветеринарным услугам. <p>Указанные задачи определяют приоритетные направления государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий до 2030 г.</p>	
<p>Доктрина Продовольственной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120</p>	<p>В области устойчивого развития сельских территорий должны получить развитие следующие направления:</p> <ul style="list-style-type: none"> – социальное обустройство сельских и прибрежных рыбацких поселений; – увеличение финансового обеспечения реализации социальных программ в сельских и прибрежных рыбацких поселениях; – осуществление мониторинга уровня безработицы и уровня реальных доходов сельского населения; 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преодоление различий в уровне жизни городского и сельского населения. 2. Активное и эффективное сельскохозяйственное землепользование, использование водных биологических ресурсов. 3. Вовлечение современных технологий и модернизация сельскохозяйственного производства

Документ	Содержание документа	Приоритеты экономико-пространственного развития МР
	<p>– диверсификация занятости сельского населения.</p> <p>Утверждается необходимость мер государственного регулирования для преодоления «различий в уровне жизни городского и сельского населения».</p> <p>В области производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия направления в том числе включают:</p> <ul style="list-style-type: none"> – повышение почвенного плодородия и урожайности, расширение посевов сельскохозяйственных культур за счет неиспользуемых пахотных земель, реконструкция и строительство мелиоративных систем; – ускоренное развитие животноводства; – расширение и более интенсивное использование потенциала водных биологических ресурсов и новых технологий их индустриального выращивания; – создание новых технологий глубокой и комплексной переработки продовольственного сырья, методов хранения и транспортировки сельскохозяйственной и рыбной продукции; – увеличение темпов структурно-технологической модернизации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, воспроизводства природно-экологического потенциала 	